ВЕЧНАЯ КЛАССИКА В СТИЛЕ МАНГИ

АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ

ГРОЗА

ПЬЕСЫ

Гроза

Александр Николаевич Островский

Аннотация
Александр Николаевич Островский. Гроза
Пьесы Александра Николаевича Островского
Гроза. Драма в пяти действиях
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
    Сцена первая
    Сцена вторая
  Действие четвертое
  Действие пятое
Бесприданница. Драма в четырех действиях
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
  Действие четвертое
Свои люди – сочтемся!. Комедия в четырех действиях
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье

Действие четвертое
За чем пойдешь, то и найдешь. (Женитьба Бальзаминова). Картины московской жизни
Картина первая
Картина вторая
Картина третья

Аннотация

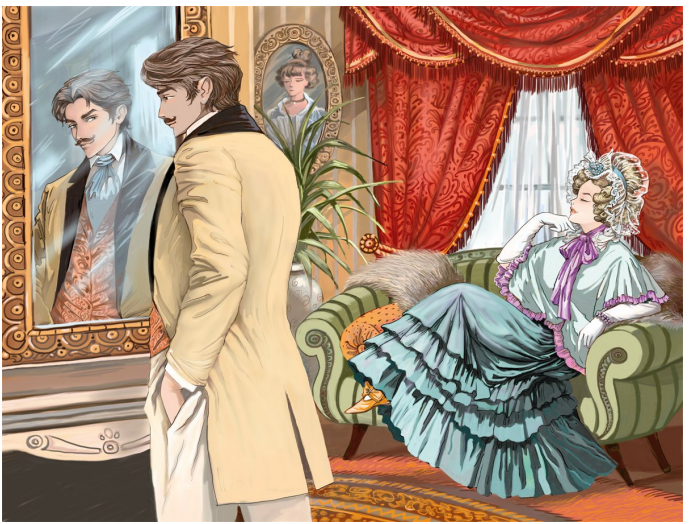
Пьесы Александра Николаевича Островского – выдающиеся произведения русской литературы XIX века, которые стали важным этапом в становлении национального театра.

В этой книге вы найдете не только полный текст произведения, но и вступительную статью, комментарии аспиранта Литературного института имени А. М. Горького, которые помогут вам подготовиться к экзаменам. Издание содержит QR-код, ведущий к аудиокниге А.Н. Островского «Гроза».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Александр Николаевич Островский
Гроза

© Белоусова Е. Н., иллюстрации, 2024
© Оформление, вступительная статья, комментарии. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Machaon®



Пьесы Александра Николаевича Островского[ОВ]

Александр Островский появился на литературной арене в сложное время, когда русский театр искал для себя новое, актуальное выражение. Кризис старых жанров описал еще Гоголь, выделив два преобладающих направления: мелодраму, которая «лжет самым бессовестным образом», и водевиль — «легкую, бесцветную игрушку». И то, и то погружало зрителя в совершенно иллюзорный и оторванный от реальности мир — все картонное, сделанное. Сама структура драмы (например, единство действия, времени и места, оставшееся от традиций классицизма) нуждалась в пересмотре. Шел XIX век — переломный этап в истории России, время реформ, главная из которых — отмена крепостного права. Но реформы были не только политические, менялось само общество, долгое время остававшееся сословным (дворяне, купцы, мещане, крестьяне). Менялась и главная единица общества — семья. Наметился переход от старой, домостроевской семьи, в которой родители были полновластными

хозяевами своих детей, к более-менее равноправной, в которой и младшие члены семьи имели право голоса. И для всех этих изменений требовалась новая литература, новая драматургия.

Запрос на народное начало и живое, правдивое изображение жизни выразился в творчестве Островского. Его значимость для русского театра сравнима с ролью Шекспира — для английского. Именно Островский, создавший около пятидесяти произведений в разных жанрах и направлениях: от трагедии («Гроза») до сатиры («За чем пойдешь, то и найдешь»), от сказки («Снегурочка») до исторической хроники («Козьма Захарьич Минин-Сухорук»), — стал автором нового русского театра.

И современники высоко ценили талант драматурга: «Гоголь изобличил нашу напоказ выставляемую, так сказать, официальную действительность; Островский подымает покровы с нашей таинственной, внутренней, бытовой жизни, показывает главную пружину, на которой основана ее многосложная машина…» (А. Григорьев)

Островского интересует быт во всех его проявлениях. Он описывает жизнь в маленьких тихих городках (Калинов из «Грозы») и крупных торго-

вых (Бряхимов из «Бесприданницы»), затрагивает разные сословия. Но более всего погружается в мир купечества, с которым был близко знаком. Еще до того, как стать драматургом, Островский работал в суде, и перед ним каждый день разворачивались судьбы купцов и мещан. За каждым делом была целая жизнь. Не случайно многие пьесы Островского будут носить названия, взятые из народной мудрости: «За чем пойдешь, то и найдешь», «Свои люди — сочтемся» и др. Так писатель стремился подчеркнуть житейский характер своих пьес. В его произведениях личное, авторское начало вступает в диалог с народной жизнью.

Более всего Островского ценят за создание «русских трагедий», важнейшей из которых была и остается «Гроза» (1859). Главная героиня «Грозы» — молодая девушка Катерина — страдает в доме мужа от тирании свекрови — Кабановой. Кабанова третирует и своего сына, мужа Катерины — Тихона, и дочь Варвару. Старые семейные устои позволяют жестокой Кабанихе развернуться во всю ширь своего «самодурства». И если у Тихона или Варвары еще есть возможность перевести дух, отдохнуть, то Катерина постоянно находится под властью свекрови. И именно Катерина,

доведенная до отчаяния, выступает на борьбу с «темным царством»: «“Гроза”, как вы знаете, представляет нам идиллию “темного царства”, которое мало-помалу освещает нам Островский своим талантом». (Н. Добролюбов)

Катерина гибнет в этой борьбе, добровольно уходит из жизни, бросаясь в Волгу. Однако трагический финал пьесы окрашен в светлые тона. Да, героиня погибла, но не проиграла, остается надежда на полное освобождение от «темного царства»: «В “Грозе” есть даже что-то освежающее и ободряющее. Это “что-то” и есть, по нашему мнению, фон пьесы, указанный нами и обнаруживающий шаткость и близкий конец самодурства. Затем самый характер Катерины, рисующийся на этом фоне, тоже веет на нас новою жизнью, которая открывается нам в самой ее гибели». (Н. Добролюбов)

Название пьесы очень многозначно, как и сам образ грозы в произведении. Можно сказать, гроза у Островского — одно из действующих лиц, и у каждого героя пьесы к этому природному явлению свое, особое отношение.

Так, Катерина видит в грозе — высший суд, наказание за ее измену и одновременно надежду на очищение. А мечтатель и изобретатель Кулигин

— полезное природное явление. Через отношение к грозе раскрывается внутренний мир каждого из персонажей.

Через двадцать лет после «Грозы» Островский с новым вдохновением возьмется за прежний сюжет — гибель чистой, доброй души на фоне равнодушного мещанского быта — создав пьесу «Бесприданница» (1878). Главная героиня — Лариса — молодая девушка, у которой нет приданого. А без него ни один из многочисленных поклонников героини не хочет жениться на ней — и Ларисе приходится согласиться на предложение мелкого чиновника, которого она презирает.

Главный конфликт пьесы — борьба между мечтой и горькой действительностью: настоящая любовь Ларисы — разорившийся делец и повеса Паратов — ищет невесту с большим приданым, а Ларисе ему нечего предложить.

Лариса — как и Катерина — гибнет. Но на этот раз автор наделяет героиню большей волей и самообладанием. Лариса — не просто страдалица, она принимает свою участь с улыбкой. Перед смертью героиня прощается со своими поклонниками-обидчиками и с жестоким миром, где ей не нашлось места, — последнее слово остается за ней.

Но не все, конечно, в произведениях драматурга сводится к борьбе с самодурством и стяжательством. Ведь Островский — это не сатирик-обличитель, а народный певец. Ему дорога русская жизнь во всех ее проявлениях: «Имя для этого писателя, для такого большого… писателя — не сатирик, а народный поэт. Слово для разгадки его деятельности не самодурство, а народность. Только это слово может быть ключом к пониманию его произведений». (А. Григорьев).

Пьесы Островского были популярны и актуальны в его эпоху — и останутся такими навсегда, потому что в них автор стремился не к описанию сиюминутных тенденций, а к пониманию России, ее духовной и народной жизни, а народный «дух вечно юн и вечно благотворен». (Д. Писарев)

Роксана Найденова

Гроза
Драма в пяти действиях

Лица [1]

Савел Прокофьевич Дикóй, купец, значительное лицо в городе.

Борис Григорьевич, племянник его, молодой человек, порядочно образованный.

Марфа Игнатьевна Кабанова (Кабаниха), богатая купчиха, вдова.

Тихон Иванович Кабанов, ее сын.

Катерина, жена его.

Варвара, сестра Тихона.

Кулигин, мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум-мобиле.ов

Ваня Кудряш, молодой человек, конторщик Дикого.

Шапкин, мещанин.

Островский часто в своих пьесах прибегает к «говорящим» именам. Так, имя

---

[1] Примечания: 1

Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски. — *Примеч. А. Н. Островского.*

«Кабанихи» – Марфа – означает «госпожа», что соответствует ее роли в семье. Имя Тихон созвучно со словом «тихий» и отражает послушный характер мужа Катерины. Имя Варвара означает «дикарка», «варварка», и сама героиня отличается непокорным характером, она идет против воли матери, сбегая из дома. Наконец, имя Катерина значит «чистая» и подчеркивает духовную чистоту и непорочность главной героини.

Феклуша, странница.

Глаша, девка в доме Кабановой.

Барыня с двумя лакеями, старуха 70 лет, полусумасшедшая.

Городские жители обоего пола.

Действие происходит в городе Калинове, на берегу Волги, летом. Между 3-м и 4-м действиями проходит 10 дней.

Калинов – это вымышленный город на берегу реально существующей реки Волги. Калинов предстает читателю тихим, провинциальным городом в противовес Москве, с которой сравнивает его странница Феклуша. В образе Калинова

автор стремился изобразить всю Россию в миниатюре: каждый из героев пьесы – носитель определенной идеи, эпохи в истории страны. Так, Кабанова связана с домостроевским представлением о семье, а Кулигин – с идеями Просвещения Петровской эпохи.

Действие первое

Общественный сад на высоком берегу Волги. За Волгой сельский вид. На сцене две скамейки и несколько кустов.

Явление первое

Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку. Кудряш и Шапкин прогуливаются.

Кулигин *(поет).* «Среди долины ровныя, на гладкой высоте…»[2] *(Перестает петь.)* Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и все наглядеться не могу.

Кудряш. А что?

Кулигин. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряш. Нешто́!

Кулигин. Восторг! А ты «нешто́!» Пригляделись вы либо не понимаете, какая красота в природе разлита.

Кудряш. Ну, да ведь с тобой что толковать! Ты

---

[2] Примечания: 2

«Среди долины ровныя…» — стихотворение поэта Алексея Федоровича Мерзлякова, ставшее народной песней.

у нас антик, химик.

Кулигин. Механик, самоучка-механик.

Кудряш. Все одно.

Молчание.

Кулигин *(показывает в сторону).* Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?

Кудряш. Это? Это Дикой племянника ругает.

Кулигин. Нашел место!

Кудряш. Ему везде место. Боится, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорьич, вот он на нем и ездит.

Шапкин. Уж такого-то ругателя, как у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за что человека оборвет.

Кудряш. Пронзительный мужик!

Шапкин. Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряш. Ну, да та хоть, по крайности, все под видом благочестия, а этот как с цепи сорвался!

Шапкин. Унять-то его некому, вот он и воюет!

Кудряш. Мало у нас парней-то на мою стать, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Шапкин. А что бы вы сделали?

Кудряш. Постращали бы хорошенько.

Шапкин. Как это?

Кудряш. Вчетвером этак, впятером в переулке

где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.

> Природа занимает важное место в мире произведения. Наибольшая часть действия пьесы разворачивается на открытом воздухе, с видом на Волгу. Островский в кратких ремарках постоянно напоминает читателю о роли пейзажа, особенно реки. К финалу пьесы Волга, наравне с грозой, тоже обретает черты персонажа. Для одних героев (Катерина, Варвара, Кудряш) Волга – это желанная свобода, для других (барыня) – омут, погибель.

Шапкин. Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать.

Кудряш. Хотел, да не отдал, так это все одно что ничего. Не отдаст он меня, он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею.

Шапкин. Ой ли?

Кудряш. Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь; за что ж он меня держит? Стало быть, я ему нужен.

Ну, значит, я его и не боюсь, а пущай же он меня боится.

Шапкин. Уж будто он тебя и не ругает?

Кудряш. Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он — слово, а я — десять; плюнет, да и пойдет. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.

Кулигин. С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть.

Кудряш. Ну, вот, коль ты умен, так ты его прежде учливости-то выучи, да потом и нас учи! Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.

Шапкин. А то что бы?

Кудряш. Я б его уважил. Больно лих я на девок-то!

Проходят Дикой и Борис. Кулигин снимает шапку.

Шапкин *(Кудряшу).* Отойдем к сторонке: еще привяжется, пожалуй.

Отходят.

Явление второе

Те же, Дикой и Борис.

Дикой. Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал! Дармоед! Пропади ты пропадом!

Борис. Праздник; что дома-то делать!

Дикой. Найдешь дело, как захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей мне навстречу попадаться»; тебе все неймется! Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты как столб стоишь-то! Тебе говорят аль нет?

Борис. Я и слушаю, что ж мне делать еще!

Дикой *(посмотрев на Бориса).* Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом. *(Уходя.)* Вот навязался! *(Плюет и уходит.)*

Явление третье

Кулигин, Борис, Кудряш и Шапкин.

Кулигин. Что у вас, сударь, за дела с ним? Не поймем мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить.

Борис. Уж какая охота, Кулигин! Неволя.

Кулигин. Да какая же неволя, сударь, позвольте вас спросить. Коли можно, сударь, так скажите нам.

Борис. Отчего ж не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

Кулигин. Ну, как не знать!

Кудряш. Как не знать!

Борис. Батюшку она ведь невзлюбила за то, что

он женился на благородной. По этому-то случаю батюшка с матушкой и жили в Москве. Матушка рассказывала, что она трех дней не могла ужиться с родней, уж очень ей дико казалось.

Кулигин. Еще бы не дико! Уж что говорить! Большую привычку нужно, сударь, иметь.

Борис. Воспитывали нас родители в Москве хорошо, ничего для нас не жалели. Меня отдали в Коммерческую академию, а сестру в пансион, да оба вдруг и умерли в холеру, мы с сестрой сиротами и остались. Потом мы слышим, что и бабушка здесь умерла и оставила завещание, чтобы дядя нам выплатил часть, какую следует, когда мы придем в совершеннолетие, только с условием.

Кулигин. С каким же, сударь?

Борис. Если мы будем к нему почтительны.

Кулигин. Это значит, сударь, что вам наследства вашего не видать никогда.

Борис. Да нет, этого мало, Кулигин! Он прежде наломается над нами, надругается всячески, как его душе угодно, а кончит все-таки тем, что не даст ничего, или так, какую-нибудь малость. Да еще станет рассказывать, что из милости дал, что и этого бы не следовало.

Кудряш. Уж это у нас в купечестве такое заведение. Опять же, хоть бы вы и были к нему

почтительны, нешто кто ему запретит сказать-то, что вы непочтительны?

Борис. Ну да. Уж он и теперь поговаривает иногда: «У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам? Через это я своих обидеть должен!»

Кулигин. Значит, сударь, плохо ваше дело.

Борис. Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил все да уехал. А то сестру жаль. Он было и ее выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здесь жизнь была, и представить страшно.

Кудряш. Уж само собой. Нешто они обращение понимают?

Кулигин. Как же вы у него живете, сударь, на каком положении?

Борис. Да ни на каком: «Живи, говорит, у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год разочтет, как ему будет угодно.

Кудряш. У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чем свет стоит. «Ты, говорит, почем знаешь, что я на уме держу? Нешто ты мою душу можешь знать! А может, я приду в такое расположение, что тебе пять тысяч дам». Вот ты и поговори с ним! Только еще он во всю свою жизнь ни разу в такое-то расположение не приходил.

Кулигин. Что ж делать-то, сударь! Надо стараться угождать как-нибудь.

Борис. В том-то и дело, Кулигин, что никак невозможно. На него и свои-то никак угодить не могут; а уж где ж мне!

Кудряш. Кто ж ему угодит, коли у него вся жизнь основана на ругательстве? А уж пуще всего из-за денег; ни одного расчета без брани не обходится. Другой рад от своего отступиться, только бы унялся. А беда, как его поутру кто-нибудь рассердит! Целый день ко всем придирается.

Борис. Тетка каждое утро всех со слезами умоляет: «Батюшки, не рассердите! Голубчики, не рассердите!»

Кудряш. Да нешто убережешься! Попал на базар, вот и конец! Всех мужиков переругает. Хоть в убыток проси, без брани все-таки не отойдет. А потом и пошел на весь день.

Шапкин. Одно слово: воин!

Кудряш. Еще какой воин-то!

Борис. А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого он обругать не смеет; тут уж домашние держись!

Кудряш. Батюшки! Что смеху-то было! Как-то его на Волге на перевозе гусар обругал. Вот чудеса-то творил!

Борис. А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам.

Кулигин. Что это? Никак народ от вечерни тронулся?

Проходят несколько лиц в глубине сцены.

Кудряш. Пойдем, Шапкин, в разгул! Что тут стоять-то?

Кланяются и уходят.

Борис. Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь, без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак.

Кулигин. И не привыкнете никогда, сударь.

Борис. Отчего же?

Кулигин. Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денег наживать. Знаете, что ваш дядюшка, Савел Про-

кофьич, городничему отвечал? К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, говорит, Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу да и говорит: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами о таких пустяках разговаривать! Много у меня в год-то народу перебывает; вы то поймите: не доплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, а у меня из этого тысячи составляются, так оно мне и хорошо!» Вот как, сударь! А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нем нет, обличье-то человеческое истеряно. А те им, за малую благостыню, на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних. И начнется у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям. Судятся-судятся здесь, да в губернию поедут, а там уж их и ждут да от радости руками плещут. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: водят их водят, волочат их волочат;

а они еще и рады этому волоченью, того только им и надобно. «Я, говорит, потрачусь, да уж и ему станет в копейку». Я было хотел все это стихами изобразить…

Борис. А вы умеете стихами?

Кулигин. По-старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова, Державина… Мудрец был Ломоносов, испытатель природы… А ведь тоже из нашего, из простого звания.

Борис. Вы бы и написали. Это было бы интересно.

Кулигин. Как можно, сударь! Съедят, живого проглотят. Мне уж и так, сударь, за мою болтовню достается; да не могу, люблю разговор рассыпать! Вот еще про семейную жизнь хотел я вам, сударь, рассказать; да когда-нибудь в другое время. А тоже есть что послушать.

Входят Феклуша и другая женщина.

Хуже всего Калинов и его жителей оценивают именно Кулигин и Борис. Оба они – носители западной, европейской мысли. Кулигин – это человек XVIII века, эпохи Просвещения с ее верой в утопию (идеальный город и общество). Он постоянно занят идеями о преобразовании

Калинова, но без толку, и в разговоре часто цитирует Г. Р. Державина, поэта XVIII века. А Бориса автор сразу выделяет на фоне других героев, подчеркивая, что он один одет не по-русски.

Феклуша. Бла-алепие! милая, бла-алепие! Красота дивная! Да что уж говорить! В обетованной земле живете! И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаяниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых.

Уходят.

Борис. Кабановых?

Кулигин. Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем.

Молчание.

Только б мне, сударь, перпетуум-мобиль[3] найти!

Борис. Что ж бы вы сделали?

Странница Феклуша представляет совершенно противоположный взгляд на

---

[3] Примечания: 3

Перпетуум-мобиле — вечный двигатель

Калинов. В отличие от Кулигина и Бориса, она видит в городе «обетованную землю», в которой «рай и тишина» в противовес большим городам, в которых «шум, беготня, езда беспрестанная», одним словом – «суета». Феклуша, как Борис и Кулигин, тоже человек образованный. Но она черпает знания из наблюдений и странствий. Ее рассказы иногда смешны и глупы (о людях с песьими головами), но при этом не лишены остроумия и наблюдательности.

Кулигин. Как же, сударь! Ведь англичане миллион дают; я бы все деньги для общества и употребил, для поддержки. Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Борис. А вы надеетесь найти перпетуум-мобиле?

Кулигин. Непременно, сударь! Вот только бы теперь на модели деньжонками раздобыться. Прощайте, сударь! *(Уходит.)*

Явление четвертое

Борис *(один).* Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! Мечтает себе и счастлив. А

мне, видно, так и загубить свою молодость в этой трущобе. Уж ведь совсем убитый хожу, а тут еще дурь в голову лезет! Ну, к чему пристало! мне ли уж нежности заводить? Загнан, забит, а тут еще сдуру-то влюбляться вздумал. Да в кого? В женщину, с которой даже и поговорить-то никогда не удастся. *(Молчание.)* А все-таки нейдет она у меня из головы, хоть ты что хочешь. Вот она! Идет с мужем, ну и свекровь с ними! Ну не дурак ли я! Погляди из-за угла, да и ступай домой. *(Уходит.)*

С противоположной стороны входят Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Явление пятое

Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Кабанова. Если ты хочешь мать послушать, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе приказывала.

Кабанов. Да как же я могу, маменька, вас ослушаться!

Кабанова. Не очень-то нынче старших уважают.

Варвара *(про себя).* Не уважишь тебя, как же!

Кабанов. Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг.

Кабанова. Поверила бы я тебе, мой друг, кабы

своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтение родителям от детей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болезней от детей переносят.

Кабанов. Я, маменька…

Кабанова. Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А, как ты думаешь?

Кабанов. Да когда же я, маменька, не переносил от вас?

Кабанова. Мать стара, глупа; ну а вы, молодые люди, умные, не должны с нас, дураков, и взыскивать.

Кабанов *(вздыхая, в сторону).* Ах ты, господи! *(Матери.)* Да смеем ли мы, маменька, подумать!

Кабанова. Ведь от любви родители и строги-то к вам бывают, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить. Ну а это нынче не нравится. И пойдут детки-то по людям славить, что мать ворчунья, что мать проходу не дает, со свету сживает. А сохрани Господи, каким-нибудь словом снохе не угодить, ну и пошел разговор, что свекровь заела совсем.

Кабанов. Нешто, маменька, кто говорит про вас?

Кабанова. Не слыхала, мой друг, не слыхала,

лгать не хочу. Уж кабы я слышала, я бы с тобой, мой милый, тогда не так заговорила. *(Вздыхает.)* Ох, грех тяжкий! Вот долго ли согрешить-то! Разговор близкий сердцу пойдет, ну и согрешишь, рассердишься. Нет, мой друг, говори что хочешь про меня. Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут.

Кабанов. Да отсохни язык…

Кабанова. Полно, полно, не божись! Грех! Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу.

Кабанов. В чем же вы, маменька, это видите?

Кабанова. Да во всем, мой друг! Мать, чего глазами не увидит, так у нее сердце вещун, она сердцем может чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводит от меня, уж не знаю.

Кабанов. Да нет, маменька! что вы, помилуйте!

Катерина. Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит.

В противостоянии Катерины и Кабановой раскрывается не только спор невестки и свекрови, но и вечный конфликт отцов и детей. Кабанова, как и Дикой, дер-

жится старых взглядов о безоговорочной власти родителей над детьми. Катерина стремится ставить себя на равных со свекровью: обращается к ней на «ты», открыто спорит. Она и другие «дети»: Тихон, Борис, Варвара, Кудряш – открыто или тайно стремятся к свободе и самостоятельности.

Кабанова. Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Не заступайся, матушка, не обижу небось! Ведь он мне тоже сын; ты этого не забывай! Что ты выскочила в глазах-то поюлить! Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь.

Варвара *(про себя).* Нашла место наставления читать.

Катерина. Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я все одна, ничего я из себя не доказываю.

Кабанова. Да я об тебе и говорить не хотела; а так, к слову пришлось.

Катерина. Да хоть и к слову, за что ж ты меня обижаешь?

Кабанова. Эка важная птица! Уж и обиделась

сейчас.

Катерина. Напраслину-то терпеть кому ж приятно!

Кабанова. Знаю я, знаю, что вам не по нутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит. Я давно вижу, что вам воли хочется. Ну что ж, дождетесь, поживете и на воле, когда меня не будет. Вот уж тогда делайте что хотите, не будет над вами старших. А может, и меня вспомянете.

Кабанов. Да мы об вас, маменька, денно и нощно Бога молим, чтобы вам, маменька, Бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху.

Кабанова. Ну, полно, перестань, пожалуйста. Может быть, ты и любил мать, пока был холостой. До меня ли тебе: у тебя жена молодая.

Кабанов. Одно другому не мешает-с: жена само по себе — а к родительнице я само по себе почтение имею.

Кабанова. Так променяешь ты жену на мать? Ни в жизнь я этому не поверю.

Кабанов. Да для чего же мне менять-с? Я обеих люблю.

Кабанова. Ну да, так и есть, размазывай! Уж я вижу, что я вам помеха.

Кабанов. Думайте как хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человек на свет рожден, что не могу вам угодить ничем.

Главное в конфликте отцов и детей – это отношение к тому, что подумают окружающие. Для «отцов» (Кабанова, Дикой, Феклуша) крайне важна внешняя сторона. Феклуше нравится «слушать, коли кто хорошо воет-то». Кабанова считает, что «хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воет». Младшее поколение ценит внутреннее содержание: их позицию емко выразил Тихон: «с меня и того довольно, что она (жена) меня любит». В этом отражается лицемерие старшего поколения и стремление к искренности и честному чувству – младшего.

Кабанова. Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нюни-то распустил? Ну какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?

Кабанов. Да зачем же ей бояться? С меня и того довольно, что она меня любит.

Кабанова. Как зачем бояться! Как зачем боять-

ся! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Ведь ты, чай, с ней в законе живешь. Али, по-вашему, закон ничего не значит? Да уж коли ты такие дурацкие мысли в голове держишь, ты бы при ней-то, по крайней мере, не болтал, да при сестре, при девке; ей тоже замуж идти: этак она твоей болтовни наслушается, так после муж-то нам спасибо скажет за науку. Видишь ты, какой еще ум-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить.

Кабанов. Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить.

Кабанова. Так, по-твоему, нужно все лаской с женой? Уж и не прикрикнуть на нее и не пригрозить?

Кабанов. Да я, маменька…

Кабанова *(горячо).* Хоть любовника заводи! А? И это, может быть, по-твоему, ничего? А? Ну, говори!

Кабанов. Да, ей-богу, маменька…

Кабанова *(совершенно хладнокровно).* Дурак! *(Вздыхает.)* Что с дураком и говорить! только грех один!

Молчание.

Я домой иду.

Кабанов. И мы сейчас, только раз-другой по бульвару пройдем.

Кабанова. Ну, как хотите, только ты смотри, чтобы мне вас не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

Кабанов. Нет, маменька, сохрани меня Господи!

Кабанова. То-то же! *(Уходит.)*

Явление шестое

Те же без Кабановой.

Кабанов. Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достается от маменьки! Вот жизнь-то моя какая!

Катерина. Чем же я-то виновата?

Кабанов. Кто ж виноват, я уж не знаю.

Варвара. Где тебе знать?

Кабанов. То все приставала: «Женись да женись, я хоть бы поглядела на тебя, на женатого». А теперь поедом ест, проходу не дает — все за тебя.

Варвара. Так нешто она виновата! Мать на нее нападает, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мне глядеть-то на тебя. *(Отворачивается.)*

Кабанов. Толкуй тут! Что ж мне делать-то?

Варвара. Знай свое дело — молчи, коли уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь — переми-

наешься? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то.

Кабанов. Ну а что?

Варвара. Известно что. К Савелу Прокофьичу хочется, выпить с ним. Что, не так, что ли?

Кабанов. Угадала, брат.

Катерина. Ты, Тиша, скорей приходи, а то маменька опять браниться станет.

Варвара. Ты проворней, в самом деле, а то знаешь ведь!

Кабанов. Уж как не знать!

Варвара. Нам тоже невелика охота из-за тебя брань-то принимать.

Кабанов. Я мигом. Подождите! *(Уходит.)*

Явление седьмое

Катерина и Варвара.

Катерина. Так ты, Варя, жалеешь меня?

Варвара *(глядя в сторону).* Разумеется, жалко.

Катерина. Так ты, стало быть, любишь меня? *(Крепко целует.)*

Варвара. За что ж мне тебя не любить-то!

Катерина. Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти.

Молчание.

Знаешь, мне что в голову пришло?

Варвара. Что?

Катерина. Отчего люди не летают!

Варвара. Я не понимаю, что ты говоришь.

Катерина. Я говорю, отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь? *(Хочет бежать.)*

> Образ летящей птицы – один из главных в пьесе. Он отражает мечту Катерины о воле. А также в нем скрыт намек на трагическую гибель героини. Катерина говорит, что «так бы разбежалась, подняла руки и полетела» – она исполнит загаданное в финале, когда прыгнет в Волгу. Вообще реплики Катерины пронизаны предчувствием собственной смерти. Она постоянно говорит о том, что умрет.

Варвара. Что ты выдумываешь-то?

Катерина *(вздыхая).* Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем.

Варвара. Ты думаешь, я не вижу?

Катерина. Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу,

работать не принуждала, что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собою водицы и все-все цветы в доме полью. У меня цветов было много-много. Потом пойдем с маменькой в церковь, все и странницы, — у нас полон дом был странниц да богомолок. А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать: где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдет. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было!

Варвара. Да ведь и у нас то же самое.

Катерина. Да здесь все как будто из-под неволи.[ов] И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается! А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе

летают и поют. А то, бывало, девушка, ночью встану — у нас тоже везде лампадки горели — да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут. И об чем я молилась тогда, чего просила, не знаю; ничего мне не надобно, всего у меня было довольно. А какие сны мне снились. Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и всё поют невидимые голоса и кипарисом пахнет, и горы, и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то.

Варвара. А что же?

Катерина *(помолчав).* Я умру скоро.

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то! Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или… уж и не знаю.

Варвара. Что же с тобой такое?

Катерина *(берет ее за руку).* А вот что, Варя, быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх,

такой-то на меня страх! Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что. *(Хватается за голову рукой.)*

Варвара. Что с тобой? Здорова ли ты?

Катерина. Здорова… Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от нее не уйду. Думать стану — мыслей никак не соберу, молиться — не отмолюсь никак. Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да все про такие дела нехорошие. И то мне представляется, что мне самое себя совестно сделается. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы, а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду…

Тема воли и неволи – одна из ключевых в произведении. Все младшее поколение героев (Катерина, Тихон, Борис, Варвара и др.) ищут свободу, но находят ее в разной форме, или терпят поражение. Так, Варвара и Кудряш в этих поисках кажутся

самыми удачливыми: они сбежали – но их дальнейшая судьба туманна. Катерина обретает вечную свободу в смерти – это можно считать и поражением, и победой. Литературный критик Н. А. Добролюбов склонялся ко второму варианту. Борис терпит поражение: он уезжает, но память и совесть его мучают.

Варвара. Ну?

Катерина. Да что же это я говорю тебе: ты — девушка[4].

Варвара *(оглядываясь).* Говори! Я хуже тебя.

Катерина. Ну, что ж мне говорить? Стыдно мне.

Варвара. Говори, нужды нет.

Катерина. Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись…

Тема сна – очень важна для понимания характера Катерины. В своем счастливом детстве она часто видела сны, которые

---

[4] Примечания: 4
Девушка — то есть незамужняя.

были проникнуты духом полета и радости. Но выйдя замуж, героиня постепенно впадает в отчаяние, и сновидения покидают ее, «и теперь иногда снится, да редко, да и не то». Вместо «райских деревьев» снится будто «кто-то обнимает так горячо-горячо». Примечательно, что соблазн, измена сравниваются с огнем, а освобождение Катерина получает через противоположную стихию – воду.

Варвара. Только не с мужем.

Катерина. А ты почем знаешь?

Варвара. Еще бы не знать!..

Катерина. Ах, Варя, грех у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?

Варвара. Что мне тебя судить! У меня свои грехи есть.

Катерина. Что же мне делать! Сил моих не хватает. Куда мне деваться; я от тоски что-нибудь сделаю над собой!

Варвара. Что ты! Что с тобой! Вот погоди, завтра братец уедет, подумаем: может быть, и видеться

можно будет.

Катерина. Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани Господи!

Варвара. Чего ты так испугалась?

Катерина. Если я с ним хоть раз увижусь, я убегу из дому, я уж не пойду домой ни за что на свете.

Варвара. А вот погоди, там увидим.

Катерина. Нет, нет, и не говори мне, я и слушать не хочу.

Варвара. А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай с тоски, пожалеют, что ль, тебя! Как же, дожидайся. Так какая ж неволя себя мучить-то!

Входит барыня с палкой и два лакея в треугольных шляпах сзади.

Явление восьмое

Те же и барыня.

Барыня. Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? Весело? Красота-то ваша вас радует? Вот красота-то куда ведет. *(Показывает на Волгу.)* Вот, вот, в самый омут[5].

Варвара улыбается.

---

[5] Примечания: 5
Омут — болото, бездна.

Что смеетесь? Не радуйтесь! *(Стучит палкой.)* Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неутолимой. *(Уходя.)* Вон, вон куда красота-то ведет. *(Уходит.)*

Явление девятое

Катерина и Варвара.

Катерина. Ах, как она меня испугала! я дрожу вся, точно она пророчит мне что-нибудь.

Варвара. На свою бы тебе голову, старая карга!

Катерина. Что она сказала такое, а? Что она сказала?

Варвара. Вздор все. Очень нужно слушать, что она городит. Она всем так пророчит. Всю жизнь смолоду-то грешила. Спроси-ка, что об ней порасскажут! Вот умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тем и других пугает. Даже все мальчишки в городе от нее прячутся, грозит на них палкой да кричит *(передразнивая):* «Все гореть в огне будете!»

Катерина *(зажмуриваясь).* Ах, ах, перестань! У меня сердце упало.

Варвара. Есть чего бояться! Дура старая…

Катерина. Боюсь, до смерти боюсь! Все она мне в глазах мерещится.

Молчание.

Варвара *(оглядываясь).* Что это братец нейдет, вон, никак гроза заходит.

Катерина *(с ужасом).* Гроза! Побежим домой! Поскорее!

Варвара. Что ты, с ума, что ли, сошла! Как же ты без братца-то домой покажешься?

Катерина. Нет, домой, домой! Бог с ним!

Варвара. Да что ты уж очень боишься: еще далеко гроза-то.

Катерина. А коли далеко, так, пожалуй, подождем немного: а право бы, лучше идти. Пойдем лучше!

Варвара. Да ведь уж коли чему быть, так и дома не спрячешься.

Катерина. Да все-таки лучше, все покойнее; дома-то я к образам да Богу молиться!

Варвара. Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь.

Катерина. Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед Богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то, — вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой

грех-то! страшно вымолвить!

Гром.

Ах!

Кабанов входит.

Варвара. Вот братец идет. *(Кабанову.)* Беги скорей!

Гром.

Катерина. Ах! Скорей, скорей!

Действие второе

Комната в доме Кабановых.

Явление первое

Глаша (собирает платье в узлы) и Феклуша (входит).

Феклуша. Милая девушка, все-то ты за работой! Что делаешь, милая?

Глаша. Хозяина в дорогу собираю.

Феклуша. Аль едет куда свет наш?

Глаша. Едет.

Феклуша. Надолго, милая, едет?

Глаша. Нет, ненадолго.

Феклуша. Ну, скатертью ему дорога! А что, хозяйка-то станет выть аль нет?

Глаша. Уж не знаю, как тебе сказать.

Феклуша. Да она у вас воет когда?

Глаша. Не слыхать что-то.

Феклуша. Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то![6]

Молчание.

---

[6] Примечания: 6
Выть — здесь: рыдать, убиваться.

А вы, девушка, за убогой-то присматривайте, не стянула б чего.

Глаша. Кто вас разберет, все вы друг на друга клеплете. Что вам ладно-то не живется? Уж у нас ли, кажется, вам, странным, не житье, а вы всё ссоритесь да перекоряетесь; греха-то вы не боитесь.

Феклуша. Нельзя, матушка, без греха: в миру живем. Вот что я тебе скажу, милая девушка: вас, простых людей, каждого один враг смущает, а к нам, к странным людям, к кому шесть, к кому двенадцать приставлено; вот и надобно их всех побороть. Трудно, милая девушка!

Глаша. Отчего ж к вам так много?

Феклуша. Это, матушка, враг-то из ненависти на нас, что жизнь такую праведную ведем. А я, милая девушка, не вздорная, за мной этого греха нет. Один грех за мной есть точно; я сама знаю, что есть. Сладко поесть люблю. Ну так что ж! По немощи моей Господь посылает.

Глаша. А ты, Феклуша, далеко ходила?

Феклуша. Нет, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слыхать — много слыхала. Говорят, такие страны есть, милая девушка, где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан

Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персидский; и суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и, что ни судят они, все неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по ихнему все напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!» А то есть еще земля, где все люди с песьими головами[7].

Глаша. Отчего же так, с песьими?

Феклуша. За неверность. Пойду я, милая девушка, по купечеству поброжу: не будет ли чего на бедность. Прощай покудова!

Глаша. Прощай.

Феклуша уходит.

Вот еще какие земли есть! Каких-то, каких-то чудес на свете нет! А мы тут сидим, ничего не знаем. Еще хорошо, что добрые люди есть; нет-нет да и услышишь, что на белом свету делается; а то бы так дураками и померли.

Входят Катерина и Варвара.

---

[7] Примечания: 7

Имеются в виду кинокефалы (псоглавцы) — известный мифический народ.

Явление второе

Катерина и Варвара.

Варвара *(Глаше).* Тащи узлы-то в кибитку, лошади приехали. *(Катерине.)* Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось: вот у тебя сердце-то и не уходилось еще.

Глаша уходит.

Катерина. И никогда не уходится.

Варвара. Отчего ж?

Катерина. Такая уж я зародилась горячая! Я еще лет шести была, не больше, так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно; я выбежала на Волгу, села в лодку, да и отпихнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!

Варвара. Ну а парни поглядывали на тебя?

Катерина. Как не поглядывать!

Варвара. Что же ты? Неужто не любила никого?

Катерина. Нет, смеялась только.

Варвара. А ведь ты, Катя, Тихона не любишь.

Катерина. Нет, как не любить! Мне жалко его очень!

Варвара. Нет, не любишь. Коли жалко, так не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И

напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь другого человека.

Катерина *(с испугом).* По чем же ты заметила?

Варвара. Как ты смешно говоришь! Маленькая я, что ли! Вот тебе первая примета: как ты увидишь его, вся в лице переменишься.

Катерина потупляет глаза.

Да мало ли…

Катерина *(потупившись).* Ну, кого же?

Варвара. Да ведь ты сама знаешь, что называть-то?

Катерина. Нет, назови! По имени назови!

Варвара. Бориса Григорьича.

Катерина. Ну да, его, Варенька, его! Только ты, Варенька, ради бога…

Варвара. Ну вот еще! Ты сама-то, смотри не проговорись как-нибудь.

Катерина. Обманывать-то я не умею, скрывать-то ничего не могу.

Варвара. Ну а ведь без этого нельзя; ты вспомни, где ты живешь! У нас весь дом на том держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, так его видела, говорила с ним.

Катерина *(после непродолжительного молчания, потупившись).* Ну так что ж?

Варвара. Кланяться тебе приказал. Жаль, говорит, что видеться негде.

Катерина *(потупившись еще более).* Где же видеться! Да и зачем…

Варвара. Скучный такой…

Катерина. Не говори мне про него, сделай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчик мой, ни на кого тебя не променяю! Я и думать-то не хотела, а ты меня смущаешь.

Варвара. Да не думай, кто ж тебя заставляет?

Катерина. Не жалеешь ты меня ничего! Говоришь: не думай, а сама напоминаешь. Разве я хочу об нем думать; да что делать, коли из головы нейдет. Об чем ни задумаю, а он так и стоит перед глазами. И хочу себя переломить, да не могу никак. Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять враг смущал. Ведь я было из дому ушла.

Варвара. Ты какая-то мудреная, бог с тобой! А по-моему: делай что хочешь, только бы шито да крыто было.

Катерина. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

Варвара. А не стерпится, что ж ты сделаешь?

Катерина. Что я сделаю?

Варвара. Да, что ты сделаешь?

Катерина. Что мне только захочется, то и сделаю.

Варвара. Сделай, попробуй, так тебя здесь заедят.

Катерина. А что мне! Я уйду, да и была такова.

Варвара. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

Катерина. Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!

Молчание.

Варвара. Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.

Катерина. Ну зачем, Варя?

Варвара. Да нешто не все равно?

Катерина. Боюсь я в незнакомом-то месте ночевать.

Варвара. Чего бояться-то! Глаша с нами будет.

Катерина. Все как-то робко! Да я, пожалуй!

Варвара. Я б тебя и не звала, да меня-то одну маменька не пустит, а мне нужно.

Катерина *(смотря на нее).* Зачем же тебе нужно?

Варвара *(смеется).* Будем там ворожить с то-

бой.

Катерина. Шутишь, должно быть?

Варвара. Известно, шучу; а то неужто в самом деле?

Молчание.

Катерина. Где ж это Тихон-то?

Варвара. На что он тебе?

Катерина. Нет, я так. Ведь скоро едет.

Варвара. С маменькой сидят, запершись. Точит она его теперь, как ржа железо.

Катерина. За что же?

Варвара. Ни за что, так, уму-разуму учит. Две недели в дороге будет, заглазное дело. Сама посуди! У нее сердце все изноет, что он на своей воле гуляет. Вот она ему теперь и надает приказов, один другого грозней, да потом к образу поведет, побожиться заставит, что все так точно он и сделает, как приказано.

Катерина. И на воле-то он словно связанный.

Варвара. Да связанный! Он как выедет, так запьет. Он теперь слушает, а сам думает, как бы ему вырваться-то поскорей.

Входят Кабанова и Кабанов.

Явление третье

Те же, Кабанова и Кабанов.

Кабанова. Ну, ты помнишь все, что я тебе сказала? Смотри ж, помни! На носу себе заруби!

Кабанов. Помню, маменька.

Кабанова. Ну, теперь все готово. Лошади приехали, проститься тебе только, да и с богом.

Кабанов. Да-с, маменька, пора.

Кабанова. Ну!

Кабанов. Чего изволите-с?

Кабанова. Что ж ты стоишь, разве порядку не знаешь? Приказывай жене-то, как жить без тебя.

Катерина потупила глаза.

Кабанов. Да она, чай, сама знает.

Кабанова. Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай! Чтоб я слышала, что ты ей приказываешь! А потом приедешь, спросишь, так ли все исполнила.

Кабанов *(становясь против Катерины).* Слушайся маменьки, Катя!

Кабанова. Скажи, чтоб не грубила свекрови.

Кабанов. Не груби!

Кабанова. Чтоб почитала свекровь, как родную мать!

Кабанов. Почитай, Катя, маменьку, как родную

мать!

Кабанова. Чтоб сложа руки не сидела, как барыня!

Кабанов. Работай что-нибудь без меня!

Кабанова. Чтоб в окна глаз не пялила!

Кабанов. Да, маменька, когда ж она…

Кабанова. Ну, ну!

Кабанов. В окна не гляди!

Кабанова. Чтоб на молодых парней не заглядывалась без тебя.

Кабанов. Да что ж это, маменька, ей-богу!

Кабанова *(строго).* Ломаться-то нечего! Должен исполнять, что мать говорит. *(С улыбкой.)* Оно все лучше, как приказано-то.

Кабанов *(сконфузившись).* Не заглядывайся на парней!

Катерина строго взглядывает на него.

Кабанова. Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно. Пойдем, Варвара!

Уходят.

Явление четвертое

Кабанов и Катерина (стоит, как будто в оцепенении).

Кабанов. Катя!

Молчание.

Катя, ты на меня не сердишься?

Катерина *(после непродолжительного молчания, покачав головой).* Нет!

Кабанов. Да что ты такая? Ну, прости меня!

Катерина *(все в том же состоянии, слегка покачав головой).* Бог с тобой! *(Закрыв лицо рукою.)* Обидела она меня!

Кабанов. Все к сердцу-то принимать, так в чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей ведь что-нибудь надо ж говорить! Ну и пущай она говорит, а ты мимо ушей пропущай. Ну, прощай, Катя!

Катерина *(кидаясь на шею мужу).* Тиша, не уезжай! Ради бога, не уезжай! Голубчик, прошу я тебя!

Кабанов. Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!

Катерина. Ну, бери меня с собой, бери!

Кабанов *(освобождаясь из ее объятий).* Да нельзя.

Катерина. Отчего же, Тиша, нельзя?

Кабанов. Куда как весело с тобой ехать! Вы меня уж заездили здесь совсем! Я не чаю, как вырваться-то; а ты еще навязываешься со мной.

Катерина. Да неужели же ты разлюбил меня?

Кабанов. Да не разлюбил; а с этакой-то неволи

от какой хочешь красавицы жены убежишь! Ты подумай-то: какой ни на есть, а я все-таки мужчина; всю жизнь вот этак жить, как ты видишь, так убежишь и от жены. Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, кандалов этих на ногах нет, так до жены ли мне?

Катерина. Как же мне любить-то тебя, когда ты такие слова говоришь?

Кабанов. Слова как слова! Какие же мне еще слова говорить! Кто тебя знает, чего ты боишься! Ведь ты не одна, ты с маменькой останешься.

Катерина. Не говори ты мне об ней, не тирань ты моего сердца. Ах, беда моя, беда! *(Плачет.)* Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться? Батюшки мои, погибаю я!

Кабанов. Да полно ты!

Катерина *(подходит к мужу и прижимается к нему).* Тиша, голубчик, кабы ты остался либо взял ты меня с собой, как бы я тебя любила, как бы я тебя голубила, моего милого. *(Ласкает его.)*

Кабанов. Не разберу я тебя, Катя! То от тебя слова не добьешься, не то что ласки; а то так сама лезешь.

Катерина. Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть беде без тебя! Быть беде!

Кабанов. Ну, да ведь нельзя, так уж нечего

делать.

Катерина. Ну, так вот что! Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную…

Кабанов. Какую клятву?

Катерина. Вот какую: чтобы не смела я без тебя ни под каким видом ни говорить ни с кем чужим, ни видеться, чтобы и думать я не смела ни о ком, кроме тебя.

Кабанов. Да на что ж это?

Катерина. Успокой ты мою душу, сделай такую милость для меня!

Кабанов. Как можно за себя ручаться, мало ль что может в голову прийти.

Катерина *(падая на колени).* Чтоб не видать мне ни отца, ни матери! Умереть мне без покаяния, если я…

Кабанов *(поднимая ее.)* Что ты! Что ты! Какой грех-то! Я и слушать не хочу!

Голос Кабановой: «Пора, Тихон!» Входят Кабанова, Варвара и Глаша.

Явление пятое

Те же, Кабанова, Варвара и Глаша.

Кабанова. Ну, Тихон, пора. Поезжай с Богом! *(Садится.)* Садитесь все!

Все садятся. Молчание.

Ну, прощай! *(Встает, и все встают.)*

Кабанов *(подходя к матери.)* Прощайте, маменька!

Кабанова *(жестом показывая в землю).* В ноги, в ноги!

Кабанов кланяется в ноги, потом целуется с матерью.

Прощайся с женой!

Кабанов. Прощай, Катя!

Катерина кидается ему на шею.

Кабанова. Что на шею-то виснешь, бесстыдница! Не с любовником прощаешься! Он тебе муж — глава! Аль порядку не знаешь? В ноги кланяйся!

Катерина кланяется в ноги.

Кабанов. Прощай, сестрица! *(Целуется с Варварой.)* Прощай, Глаша! *(Целуется с Глашей.)* Прощайте, маменька! *(Кланяется.)*

Кабанова. Прощай! Дальние проводы — лишние слезы.

Кабанов уходит, за ним Катерина, Варвара и Глаша.

Явление шестое

Кабанова *(одна.)* Молодость-то что значит! Смешно смотреть-то даже на них! Кабы не свои,

насмеялась бы досыта. Ничего-то не знают, никакого порядка. Проститься-то путем не умеют. Хорошо еще, у кого в доме старшие есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на свою волю хотят, а выйдут на волю-то, так и путаются на покор[8] да смех добрым людям. Конечно, кто и пожалеет, а больше все смеются. Да не смеяться-то нельзя; гостей позовут, посадить не умеют, да еще, гляди, позабудут кого из родных. Смех да и только! Так-то вот старина-то и выводится. В другой дом и взойти не хочется. А и взойдешь-то, так плюнешь да вон скорее. Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю. Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.

Входят Катерина и Варвара.

Явление седьмое

Кабанова, Катерина и Варвара.

Кабанова. Ты вот похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воет, лежит на крыльце; а тебе, видно, ничего.

Катерина. Не к чему! Да и не умею. Что народ-

---

[8] Примечания: 8
Покор — позор, осмеяние.

то смешить!

Кабанова. Хитрость-то невеликая. Кабы любила, так бы выучилась. Коли порядком не умеешь, ты хоть бы пример-то этот сделала; все-таки пристойнее; а то, видно, на словах только. Ну, я Богу молиться пойду; не мешайте мне.

Варвара. Я со двора пойду.

Кабанова *(ласково).* А мне что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придет. Еще насидишься!

Уходят Кабанова и Варвара.

Явление восьмое

Катерина *(одна, задумчиво).* Ну, теперь тишина у нас в доме воцарится. Ах, какая скука! Хоть бы дети чьи-нибудь! Эко горе! Деток-то у меня нет: все бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать — ангелы ведь это. *(Молчание.)* Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка. *(Задумывается.)* А вот что сделаю: я начну работу какую-нибудь по обещанию, пойду в гостиный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным. Они за меня Богу помолят. Вот и засядем шить с

Варварой, и не увидим, как время пройдет; а тут Тиша приедет.

Входит Варвара.

Явление девятое

Катерина и Варвара.

Варвара *(покрывает голову платком перед зеркалом).* Я теперь гулять пойду; а ужо нам Глаша постелет постели в саду, маменька позволила. В саду, за малиной, есть калитка, ее маменька запирает на замок, а ключ прячет. Я его унесла, а ей подложила другой, чтоб не заметила. На вот, может быть, понадобится. *(Подает ключ.)* Если увижу, так скажу, чтоб приходил к калитке.

Катерина *(с испугом, отталкивая ключ).* На что! На что! Не надо! Не надо!

Варвара. Тебе не надо, мне понадобится; возьми, не укусит он тебя.

Катерина. Да что ты затеяла-то, греховодница! Можно ли это! Подумала ль ты? Что ты! Что ты!

Варвара. Ну, я много разговаривать не люблю; да и некогда мне. Мне гулять пора. *(Уходит.)*

Явление десятое

Катерина *(одна, держа ключ в руках).* Что она

это делает-то? Что она только придумывает? Ах, сумасшедшая, право сумасшедшая! Вот погибель-то! Вот она! Бросить его, бросить далеко, в реку кинуть, чтоб не нашли никогда. Он руки-то жжет, точно уголь. *(Подумав.)* Вот так-то и гибнет наша сестра-то. В неволе-то кому весело! Мало ли что в голову-то придет. Вышел случай, другая и рада: так очертя голову и кинется. А как же это можно, не подумавши, не рассудивши-то! Долго ли в беду попасть! А там и плачься всю жизнь, мучайся; неволя-то еще горчее покажется. *(Молчание.)* А горька неволя, ох как горька! Кто от нее не плачет! А пуще всех мы, бабы. Вот хоть я теперь? Живу, маюсь, просвету себе не вижу! Да и не увижу, знать! Что дальше, то хуже. А теперь еще этот грех-то на меня. *(Задумывается.)* Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня… от нее мне и дом-то опостылел; стены-то даже противны. *(Задумчиво смотрит на ключ.)* Бросить его? Разумеется, надо бросить. И как он это ко мне в руки попал? На соблазн, на погубу мою. *(Прислушивается.)* Ах, кто-то идет. Так сердце и упало. *(Прячет ключ в карман.)* Нет!.. Никого!.. Что я так испугалась! И ключ спрятала… Ну, уж знать, там ему и быть! Видно, сама судьба того хочет! Да какой же в этом грех, если я взгляну на него раз, хоть издали-то!

Да хоть и поговорю-то, так все не беда! А как же я мужу-то!.. Да ведь он сам не захотел. Да, может, такого и случая-то еще во всю жизнь не выйдет. Тогда и плачься на себя: был случай, да не умела пользоваться. Да что я говорю-то, что я себя обманываю? Мне хоть умереть, да увидеть его. Перед кем я притворяюсь-то!.. Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! Он мой теперь!.. Будь что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее!..

Действие третье
Сцена первая

Улица. Ворота дома Кабановых. Перед воротами скамейка.

Явление первое

Кабанова и Феклуша сидят на скамейке.

Феклуша. Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна, последние, по всем приметам последние. Еще у вас в городе рай и тишина, а по другим городам так просто Содом, матушка: шум, беготня, езда беспрестанная! Народ-то так и снует, один туда, другой сюда.

Кабанова. Некуда нам торопиться-то, милая, мы и живем не спеша.

Феклуша. Нет, матушка, оттого у вас тишина в городе, что многие люди, вот хоть бы вас взять, добродетелями, как цветами, украшаются; оттого все и делается прохладно и благочинно. Ведь эта беготня-то, матушка, что значит? Ведь это суета! Вот хоть бы в Москве, бегает народ взад да вперед неизвестно зачем. Вот она суета-то и есть. Суетный народ, матушка Марфа Игнатьевна, вот

он и бегает. Ему представляется-то, что он за делом бежит; торопится, бедный, людей не узнает; ему мерещится, что его манит некто, а придет на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна. И пойдет в тоске. А другому мерещится, что будто он догоняет кого-то знакомого. Со стороны-то свежий человек сейчас видит, что никого нет, а тому-то все кажется от суеты, что он догоняет. Суета-то, ведь она вроде туману бывает. Вот у вас в этакой прекрасный вечер редко кто и за ворота-то выйдет посидеть; а в Москве-то теперь гульбища да игрища, а по улицам-то индо грохот идет; стон стоит. Да чего, матушка Марфа Игнатьевна, огненного змия стали запрягать: все, видишь, для-ради скорости.

Кабанова. Слышала я, милая.

Феклуша. А я, матушка, так своими глазами видела; конечно, другие от суеты не видят ничего, так он им машиной показывается, они машиной и называют, а я видела, как он лапами-то вот так *(растопыривает пальцы)* делает. Ну и стон, которые люди хорошей жизни, так слышат.

Кабанова. Назвать-то всячески можно, пожалуй, хоть машиной назови; народ-то глуп, будет всему верить. А меня хоть ты золотом осыпь, так я не поеду.

Феклуша. Что за крайности, матушка! Сохрани Господи от такой напасти! А вот еще, матушка Марфа Игнатьевна, было мне в Москве видение некоторое. Иду я рано поутру, еще чуть брезжится, и вижу на высоком-превысоком доме, на крыше, стоит кто-то, лицом черен. Уж сами понимаете кто. И делает он руками, как будто сыплет что, а ничего не сыпется. Тут я догадалась, что это он плевелы сыплет, а народ днем в суете-то в своей невидимо и подберет. Оттого-то они так и бегают, оттого и женщины-то у них все такие худые, тела-то никак не нагуляют; да как будто они что потеряли либо чего ищут: в лице печаль, даже жалко.

Кабанова. Все может быть, моя милая! В наши времена чего дивиться!

Феклуша. Тяжелые времена, матушка Марфа Игнатьевна, тяжелые. Уж и время-то стало в умаление приходить.

Кабанова. Как так, милая, в умаление?

Феклуша. Конечно, не мы, где нам заметить в суете-то! А вот умные люди замечают, что у нас и время-то короче становится. Бывало, лето и зима-то тянутся-тянутся, не дождешься, когда кончатся; а нынче и не увидишь, как пролетят. Дни-то и часы все те же как будто остались;

а время-то, за наши грехи, все короче и короче делается. Вот что умные-то люди говорят.

В этих словах Феклуши Островский, можно сказать, предсказал теорию Эйнштейна об относительности времени.

Кабанова. И хуже этого, милая, будет.

Феклуша. Нам-то бы только не дожить до этого.

Кабанова. Может, и доживем.

Входит Дикой.

Явление второе

Те же и Дикой.

Кабанова. Что это ты, кум, бродишь так поздно?

Дикой. А кто ж мне запретит!

Кабанова. Кто запретит! кому нужно!

Дикой. Ну и, значит, нечего разговаривать. Что я, под началом, что ль, у кого? Ты еще что тут! Какого еще тут черта водяного!..

Кабанова. Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебе дорога́! Ступай своей дорогой, куда шел. Пойдем, Феклуша, домой. *(Встает.)*

Дикой. Постой, кума, постой! Не сердись. Еще успеешь дома-то быть: дом-от твой не за горами. Вот он!

Кабанова. Коли ты за делом, так не ори, а говори толком.

Дикой. Никакого дела нет, а я хмелён, вот что!

Кабанова. Что ж ты мне теперь хвалить тебя прикажешь за это?

Дикой. Ни хвалить, ни бранить. А значит, я хмелён; ну и кончено дело. Пока не просплюсь, уж этого дела поправить нельзя.

Кабанова. Так ступай спи!

Дикой. Куда же я пойду?

Кабанова. Домой. А то куда же!

Дикой. А коли я не хочу домой-то?

Кабанова. Отчего же это, позволь тебя спросить?

Дикой. А потому, что у меня там война идет.

Кабанова. Да кому ж там воевать-то? Ведь ты один только там воин-то и есть.

Дикой. Ну так что ж, что я воин? Ну, что ж из этого?

Кабанова. Что? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь с бабами. Вот что.

Дикой. Ну, значит, они и должны мне поко-

ряться. А то я, что ли, покоряться стану!

Кабанова. Уж немало я дивлюсь на тебя: столько у тебя народу в доме — а на тебя на одного угодить не могут.

Дикой. Вот поди ж ты!

Кабанова. Ну, что ж тебе нужно от меня?

Дикой. А вот что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло. Ты только одна во всем городе умеешь меня разговорить.

> Это единственный эпизод, в котором Кабаниха представлена в положительном свете. Оказывается, она «одна во всем городе умеет» «разговорить, чтобы сердце прошло». Кабанова не лишена доброты и проницательности. Во многом она даже схожа с Катериной: по силе характера и в стремлении отстаивать свои представления о жизни. Большая доля трагичности пьесы заключается именно в том, что в силу предрассудков эти две героини не смогли найти общий язык.

Кабанова. Поди, Феклуша, вели приготовить закусить что-нибудь.

Феклуша уходит.

Пойдем в покои!

Дикой. Нет, я в покои не пойду, в покоях я хуже.

Кабанова. Чем же тебя рассердили-то?

Дикой. Еще с утра с самого.

Кабанова. Должно быть, денег просили.

Дикой. Точно сговорились, проклятые; то тот, то другой целый день пристают.

Кабанова. Должно быть, надо, коли пристают.

Дикой. Понимаю я это; да что ж ты мне прикажешь с собой делать, когда у меня сердце такое! Ведь уж знаю, что надо отдать, а все добром не могу. Друг ты мне, и я тебе должен отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдам, отдам, а обругаю. Потому только заикнись мне о деньгах, у меня всю нутренную разжигать станет; всю нутренную вот разжигает, да и только; ну и в те поры ни за что обругаю человека.

Кабанова. Нет над тобой старших, вот ты и куражишься.

Дикой. Нет, ты, кума, молчи! Ты слушай! Вот какие со мной истории бывали. О посту как-то, о великом, я говел, а тут нелегкая и подсунь мужичонка: за деньгами пришел, дрова возил. И принесло ж его на грех-то в такое время! Согрешил-таки: изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил. Вот оно, ка-

кое сердце-то у меня! После прощения просил, в ноги кланялся, право, так. Истинно тебе говорю, мужику в ноги кланялся. Вот до чего меня сердце доводит: тут на дворе, в грязи, ему и кланялся; при всех ему кланялся.

Кабанова. А зачем ты нарочно-то себя в сердце приводишь? Это, кум, нехорошо.

Дикой. Как так нарочно?

Кабанова. Я видала, я знаю. Ты, коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотят, ты возьмешь да нарочно из своих на кого-нибудь и накинешься, чтобы рассердиться; потому что ты знаешь, что к тебе сердитому никто уж не подойдет. Вот что, кум.

Дикой. Ну, что ж такое? Кому своего добра не жалко.

Глаша входит.

Глаша. Марфа Игнатьевна, закусить поставлено, пожалуйте!

Кабанова. Что ж, кум, зайди! Закуси чем бог послал!

Дикой. Пожалуй.

Кабанова. Милости просим! *(Пропускает вперед Дикого и уходит за ним.)*

Глаша, сложа руки, стоит у ворот.

Глаша. Никак Борис Григорьич идет. Уж не за

дядей ли? Аль так гуляет? Должно, так гуляет.

Входит Борис.

Явление третье

Глаша, Борис, потом Кулигин.

Борис. Не у вас ли дядя?

Глаша. У нас. Тебе нужно, что ль, его?

Борис. Послали из дому узнать, где он. А коли у вас, так пусть сидит; кому его нужно. Дома-то рады-радехоньки, что ушел.

Глаша. Нашей бы хозяйке за ним быть, она б его скоро прекратила. Что ж я, дура, стою-то с тобой! Прощай. *(Уходит.)*

Борис. Ах ты, господи! Хоть бы одним глазком взглянуть на нее! В дом войти нельзя; здесь незваные не ходят. Вот жизнь-то! Живем в одном городе, почти рядом, а увидишься раз в неделю, и то в церкви либо на дороге, вот и все! Здесь что вышла замуж, что схоронили — все равно. *(Молчание.)* Уж совсем бы мне ее не видать: легче бы было! А то видишь урывками, да еще при людях; во сто глаз на тебя смотрят. Только сердце надрывается. Да и с собой-то не сладишь никак. Пойдешь гулять, а очутишься всегда здесь у ворот. И зачем я хожу сюда? Видеть ее никогда нельзя, а еще, пожалуй, разговор какой выйдет, ее-то в

беду введешь. Ну, попал я в городок! *(Идет, ему навстречу Кулигин.)*

Кулигин. Что, сударь? Гулять изволите?

Борис. Да, гуляю себе, погода очень хороша нынче.

Кулигин. Очень хорошо, сударь, гулять теперь. Тишина, воздух отличный, из-за Волги с лугов цветами пахнет, небо чистое…

Открылась бездна звезд полна,

Звездам числа нет, бездне – дна.

Пойдемте, сударь, на бульвар, ни души там нет.

Борис. Пойдемте!

Кулигин. Вот какой, сударь, у нас городишко! Бульвар сделали, а не гуляют. Гуляют только по праздникам, и то один вид делают, что гуляют, а сами ходят туда наряды показывать. Только пьяного приказного и встретишь, из трактира домой плетется. Бедным гулять, сударь, некогда, у них день и ночь работа. И спят-то всего часа три в сутки. А богатые-то что делают? Ну что бы, кажется, им не гулять, не дышать свежим воздухом? Так нет. У всех давно ворота, сударь, заперты и собаки спущены… Вы думаете, они дело делают либо Богу молятся? Нет, сударь. И не

от воров они запираются, а чтоб люди не видали, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят. И что слез льется за этими запорами, невидимых и неслышимых! Да что вам говорить, сударь! По себе можете судить. И что, сударь, за этими замками разврату темного да пьянства! И все шито да крыто — никто ничего не видит и не знает, видит только один Бог! Ты, говорит, смотри в людях меня да на улице; а до семьи моей тебе дела нет; на это, говорит, у меня есть замки, да запоры, да собаки злые. Семья, говорит, дело тайное, секретное! Знаем мы эти секреты-то! От этих секретов-то, сударь, ему только одному весело, а остальные — волком воют. Да и что за секрет? Кто его не знает! Ограбить сирот, родственников, племянников, заколотить домашних так, чтобы ни об чем, что он там творит, пискнуть не смели. Вот и весь секрет. Ну да бог с ними! А знаете, сударь, кто у нас гуляет? Молодые парни да девушки. Так эти у сна воруют часик-другой, ну и гуляют парочками. Да вот пара.

Показываются Кудряш и Варвара. Целуются.

Борис. Целуются.

Кулигин. Это у нас нужды нет.

Кудряш уходит, а Варвара подходит к своим воротам и манит Бориса. Он подходит.

Явление четвертое

Борис, Кулигин и Варвара.

Кулигин. Я, сударь, на бульвар пойду. Что вам мешать-то? Там и подожду.

Борис. Хорошо, я сейчас приду.

Кулигин уходит.

Варвара *(закрываясь платком).* Знаешь овраг за Кабановым садом?

Борис. Знаю.

Варвара. Приходи туда ужо попозже.

Борис. Зачем?

Варвара. Какой ты глупый! Приходи, там увидишь зачем. Ну, ступай скорей, тебя дожидаются.

Борис уходит.

Не узнал ведь. Пущай теперь подумает. А ужотка я знаю, что Катерина не утерпит, выскочит. *(Уходит в ворота.)*

Сцена вторая

Ночь. Овраг, покрытый кустами; наверху забор сада Кабановых и калитка; сверху тропинка.

Явление первое

Кудряш *(входит с гитарой).* Нет никого. Что ж это она там! Ну, посидим да подождем. *(Садится на камень.)* Да со скуки песенку споем. *(Поет.)*

Как донской-то казак, казак вел коня поить, Добрый молодец, уж он у ворот стоит, У ворот стоит, сам он думу думает, Думу думает, как будет жену губить. Как жена-то, жена мужу возмолилася, Во скоры-то ноги ему поклонилася: Уж ты, батюшка, ты ли мил сердечный друг! Ты не бей, не губи ты меня со вечера! Ты убей, загуби меня со полуночи! Дай уснуть моим малым детушкам, Малым детушкам, всем ближним соседушкам.

Входит Борис.

Явление второе

Кудряш и Борис.

Кудряш *(перестает петь).* Ишь ты! Смирен, смирен, а тоже в разгул пошел.

Борис. Кудряш, это ты?

Кудряш. Я, Борис Григорьич!

Борис. Зачем это ты здесь?

Кудряш. Я-то? Стало быть, мне нужно, Борис Григорьич, коли я здесь. Без надобности б не

пошел. Вас куда Бог несет?

Борис *(оглядывает местность).* Вот что, Кудряш: мне бы нужно здесь остаться, а тебе ведь, я думаю, все равно, ты можешь идти и в другое место.

Кудряш. Нет, Борис Григорьич, вы, я вижу, здесь еще в первый раз, а у меня уж тут место насиженное, и дорожка-то мной протоптана. Я вас люблю, сударь, и на всякую вам услугу готов; а на этой дорожке вы со мной ночью не встречайтесь, чтобы, сохрани Господи, греха какого не вышло. Уговор лучше денег.

Борис. Что с тобой, Ваня?

Кудряш. Да что: Ваня! Я знаю, что я Ваня. А вы идите своей дорогой, вот и все. Заведи себе сам, да и гуляй себе с ней, и никому до тебя дела нет. А чужих не трогай! У нас так не водится, а то парни ноги переломают. Я за свою… да я и не знаю, что сделаю! Горло перерву!

Борис. Напрасно ты сердишься; у меня и на уме-то нет отбивать у тебя. Я бы и не пришел сюда, кабы мне не велели.

Кудряш. Кто же велел?

Борис. Я не разобрал, темно было. Девушка какая-то остановила меня на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришел, сзади сада Кабано-

вых, где тропинка.

Кудряш. Кто ж бы это такая?

Борис. Послушай, Кудряш. Можно с тобой поговорить по душе, ты не разболтаешь?

Кудряш. Говорите, не бойтесь! У меня все одно что умерло.

Борис. Я здесь ничего не знаю, ни порядков ваших, ни обычаев; а дело-то такое…

Кудряш. Полюбили, что ль, кого?

Борис. Да, Кудряш.

Кудряш. Ну, что ж, это ничего. У нас насчет этого слободно. Девки гуляют себе, как хотят, отцу с матерью и дела нет. Только бабы взаперти сидят.

Борис. То-то и горе мое.

Кудряш. Так неужто ж замужнюю полюбили?

Борис. Замужнюю, Кудряш.

Кудряш. Эх, Борис Григорьич, бросить надоть!

Борис. Легко сказать — бросить! Тебе это, может быть, все равно; ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! уж я коли полюбил…

Кудряш. Ведь это, значит, вы ее совсем загубить хотите, Борис Григорьич!

Борис. Сохрани Господи! Сохрани меня Господи! Нет, Кудряш, как можно. Захочу ли я ее погубить! Мне только бы видеть ее где-нибудь, мне больше ничего не надо.

Кудряш. Как, сударь, за себя поручиться! А ведь здесь какой народ! Сами знаете. Съедят, в гроб вколотят.

Борис. Ах, не говори этого, Кудряш, пожалуйста, не пугай ты меня.

Кудряш. А она-то вас любит?

Борис. Не знаю.

Кудряш. Да вы видались когда аль нет?

Борис. Я один раз только и был у них с дядей. А то в церкви вижу, на бульваре встречаемся. Ах, Кудряш, как она молится, кабы ты посмотрел! Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится.

Кудряш. Так это молодая Кабанова, что ль?

Борис. Она, Кудряш.

Кудряш. Да! Так вот оно что! Ну, честь имеем проздравить!

Борис. С чем?

Кудряш. Да! Значит, у вас дело на лад идет, коли сюда приходить велели.

Борис. Так неужто она велела?

Кудряш. А то кто же?

Борис. Нет, ты шутишь! Этого быть не может. *(Хватается за голову.)*

Кудряш. Что с вами?

Борис. Я с ума сойду от радости.

Кудряш. Вота! Есть от чего с ума сходить! Только вы смотрите — себе хлопот не наделайте, да и ее-то в беду не введите! Положим, хоть у нее муж и дурак, да свекровь-то больно люта.

Варвара выходит из калитки.

Явление третье

Те же и Варвара, потом Катерина.

Варвара *(у калитки поет).*

За рекою за быстрою мой Ваня гуляет, Там мой Ванюшка гуляет…

Кудряш *(продолжает).*

Товар закупает.

(Свищет.)

Варвара *(сходит по тропинке и, закрыв лицо платком, подходит к Борису).* Ты, парень, подожди. Дождешься чего-нибудь. *(Кудряшу.)* Пойдем на Волгу.

Кудряш. Ты что ж так долго? Ждать вас еще! Знаешь, что не люблю!

Варвара обнимает его одной рукой и уходят.

Борис. Точно я сон какой вижу! Эта ночь, песни, свидания! Ходят обнявшись. Это так ново для меня, так хорошо, так весело! Вот и я жду чего-то! А чего жду — и не знаю, и вообразить не могу; только бьется сердце да дрожит каждая жилка.

Не могу даже и придумать теперь, что сказать-то ей, дух захватывает, подгибаются колени! Вот когда у меня сердце глупое раскипится вдруг, ничем не унять. Вот идет.

Катерина тихо сходит по тропинке, покрытая большим белым платком, потупив глаза в землю.

Это вы, Катерина Петровна?

Молчание.

Уж как мне благодарить вас, я и не знаю.

Молчание.

Кабы вы знали, Катерина Петровна, как я люблю вас! *(Хочет взять ее за руку.)*

Катерина *(с испугом, но не поднимая глаз).* Не трогай, не трогай меня! Ах, ах!

Борис. Не сердитесь!

Катерина. Поди от меня! Поди прочь, окаянный человек! Ты знаешь ли: ведь мне не замолить этого греха, не замолить никогда! Ведь он камнем ляжет на душу, камнем.

Борис. Не гоните меня!

Катерина. Зачем ты пришел? Зачем ты пришел, погубитель мой? Ведь я замужем, ведь мне с мужем жить до гробовой доски…

Борис. Вы сами велели мне прийти…

Катерина. Да пойми ты меня, враг ты мой: ведь

до гробовой доски!

Борис. Лучше б мне не видеть вас!

Катерина *(с волнением).* Ведь что я себе готовлю. Где мне место-то, знаешь ли?

Борис. Успокойтесь! *(Берет ее за руку.)* Сядьте!

Катерина. Зачем ты моей погибели хочешь?

Борис. Как же я могу хотеть вашей погибели, когда люблю вас больше всего на свете, больше самого себя!

Катерина. Нет, нет! ты меня загубил!

Борис. Разве я злодей какой?

Катерина *(качая головой).* Загубил, загубил, загубил!

Борис. Сохрани меня Бог! Пусть лучше я сам погибну!

Катерина. Ну, как же ты не загубил меня, коли я, бросивши дом, ночью иду к тебе.

Борис. Ваша воля была на то.

Катерина. Нет у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я к тебе. *(Поднимает глаза и смотрит на Бориса.)*

Небольшое молчание.

Твоя теперь воля надо мной, разве ты не видишь! *(Кидается к нему на шею.)*

Борис *(обнимает Катерину).* Жизнь моя!

Катерина. Знаешь что? Теперь мне умереть

вдруг захотелось!

Борис. Зачем умирать, коли нам жить так хорошо?

Катерина. Нет, мне не жить! Уж я знаю, что не жить.

Борис. Не говори, пожалуйста, таких слов, не печаль меня…

Катерина. Да, тебе хорошо, ты вольный казак, а я!..

Борис. Никто не узнает про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалею!

Катерина. Э! Что меня жалеть, никто не виноват, — сама на то пошла. Не жалей, губи меня! Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю! *(Обнимает Бориса.)* Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда? Говорят, даже легче бывает, когда за какой-нибудь грех здесь, на земле, натерпишься.

Борис. Ну, что об этом думать, благо нам теперь-то хорошо!

Катерина. И то! Надуматься-то да наплакаться-то еще успею на досуге.

Борис. А я было испугался; я думал, ты меня прогонишь.

Катерина *(улыбаясь).* Прогнать! Где уж! С нашим ли сердцем! Кабы ты не пришел, так я,

кажется, сама бы к тебе пришла.

Борис. Я и не знал, что ты меня любишь.

Катерина. Давно люблю. Словно на грех ты к нам приехал. Как увидела тебя, так уж не своя стала. С первого же раза, кажется, кабы ты поманил меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край света, я бы все шла за тобой и не оглянулась бы.

Борис. Надолго ль муж-то уехал?

Катерина. На две недели.

Борис. О, так мы погуляем! Время-то довольно.

Катерина. Погуляем. А там… *(задумывается)* как запрут на замок, вот смерть! А не запрут на замок, так уж найду случай повидаться с тобой!

Входят Кудряш и Варвара.

Явление четвертое

Те же, Кудряш и Варвара.

Варвара. Ну что, сладили?

Катерина прячет лицо у Бориса на груди.

Борис. Сладили.

Варвара. Пошли бы погуляли, а мы подождем. Когда нужно будет, Ваня крикнет.

Борис и Катерина уходят. Кудряш и Варвара садятся на камень.

Кудряш. А это вы важную штуку придумали, в садовую калитку лазить. Оно для нашего брата

оченно способно.

Варвара. Все я.

Кудряш. Уж тебя взять на это. А мать-то не хватится?..

Варвара. Э! Куда ей! Ей и в лоб-то не влетит.

Кудряш. А ну, на грех?

Варвара. У нее первый сон крепок; вот к утру, так просыпается.

Кудряш. Да ведь как знать! Вдруг ее нелегкая поднимет.

Варвара. Ну так что ж! У нас калитка-то, которая со двора, изнутри заперта, из саду; постучит, постучит, да так и пойдет. А поутру мы скажем, что крепко спали, не слыхали. Да и Глаша стережет; чуть что, она сейчас голос подает. Без опаски нельзя! Как же можно! Того гляди, в беду попадешь.

Кудряш берет несколько аккордов на гитаре. Варвара прилегает к плечу Кудряша, который, не обращая внимания, тихо играет.

Варвара *(зевая).* Как бы то узнать, который час.

Кудряш. Первый.

Варвара. Почем ты знаешь?

Кудряш. Сторож в доску бил.

Варвара *(зевая).* Пора. Покричи-ка. Завтра мы пораньше выйдем, так побольше погуляем.

Кудряш *(свищет и громко запевает)*

Все домой, все домой! А я домой не хочу.

Борис *(за сценой).* Слышу!

Варвара *(встает).* Ну, прощай! *(Зевает, потом целует холодно, как давно знакомого.)* Завтра, смотрите, приходите пораньше! *(Смотрит в ту сторону, куда пошли Борис и Катерина.)* Будет вам прощаться-то, не навек расстаетесь, завтра увидитесь. *(Зевает и потягивается.)*

Вбегает Катерина, а за ней Борис.

Явление пятое

Кудряш, Варвара, Борис и Катерина.

Катерина *(Варваре).* Ну, пойдем, пойдем! *(Сходят по тропинке, Катерина оборачивается.)* Прощай.

Борис. До завтра!

Катерина. Да, до завтра! Что во сне увидишь, скажи! *(Подходит к калитке.)*

Борис. Непременно.

Кудряш *(поет под гитару)*

Гуляй, млада, до поры,
До вечерней до зари!
Ай-лели, до поры,
До вечерней до зари.

Варвара *(у калитки)*

А я, млада, до поры,
До утренней до зари,
Ай-лели, до поры,
До утренней до зари!

Уходит.

Кудряш

Как зорюшка занялась,
А я домой поднялась и т. д.

Действие четвертое

На первом плане узкая галерея со сводами старинной, начинающей разрушаться постройки; кой-где трава и кусты, за арками берег и вид на Волгу.

Явление первое

Несколько гуляющих обоего пола проходят за арками.

1-й. Дождь накрапывает, как бы гроза не собралась?

2-й. Гляди, сберется.

1-й. Еще хорошо, что есть где схорониться.

Входят все под своды.

Женщина. А что народу-то гуляет на бульваре! День праздничный, все повышли. Купчихи такие разряженные.

1-й. Попрячутся куда-нибудь.

2-й. Гляди, что теперь народу сюда набьется!

1-й *(осматривая стены).* А ведь тут, братец ты мой, когда-нибудь, значит, расписано было. И теперь еще местами означает.

2-й. Ну да, как же! Само собой, что расписано

было. Теперь, ишь ты, все впусте оставлено, развалилось, заросло. После пожара так и не поправляли. Да ты и пожару-то этого не помнишь, этому лет сорок будет.

1-й. Что бы это такое, братец ты мой, тут нарисовано было? Довольно затруднительно это понимать.

2-й. Это геенна огненная.

1-й. Так, братец ты мой!

2-й. И едут туда всякого звания люди.

1-й. Так, так, понял теперь.

2-й. И всякого чину.

1-й. И арапы?

2-й. И арапы.

1-й. А это, братец ты мой, что такое?

2-й. А это Литовское разорение. Битва! видишь? Как наши с Литвой бились.

1-й. Что ж это такое Литва?

2-й. Так она Литва и есть.

1-й. А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала.

2-й. Не умею тебе сказать. С неба так с неба.

Женщина. Толкуй еще! Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны.

1-й. А что, братец ты мой! Ведь это так точно.

Входят Дикой и за ним Кулигин без шапки. Все кланяются и принимают почтительное положение.

Явление второе

Те же, Дикой и Кулигин.

Дикой. Ишь ты, замочило всего. *(Кулигину).* Отстань ты от меня! Отстань! *(С сердцем.)* Глупый человек!

Кулигин. Савел Прокофьич, ведь от этого, ваше степенство, для всех вообще обывателей польза.

Дикой. Поди ты прочь! Какая польза! Кому нужна эта польза?

Кулигин. Да хоть бы для вас, ваше степенство, Савел Прокофьич. Вот бы, сударь, на бульваре, на чистом месте, и поставить. А какой расход? Расход пустой: столбик каменный *(показывает жестами размер каждой вещи),* дощечку медную, такую круглую, да шпильку, вот шпильку прямую *(показывает жестом),* простую самую. Уж я все это прилажу и цифры вырежу уже все сам. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять, или прочие которые гуляющие, сейчас подойдете и видите, который час. А то этакое место прекрасное, и вид, и все, а как будто пусто. У нас тоже, ваше степенство, и проезжие бывают,

ходят туда наши виды смотреть, все-таки украшение, — для глаз оно приятней.

Дикой. Да что ты ко мне лезешь со всяким вздором! Может, я с тобой и говорить-то не хочу. Ты должен был прежде узнать, в расположении ли я тебя слушать, дурака, или нет. Что я тебе — ровный, что ли! Ишь ты — какое дело нашел важное! Так прямо с рылом-то и лезет разговаривать.

Кулигин. Кабы я со своим делом лез, ну, тогда был бы я виноват. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну, что значит для общества каких-нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Дикой. А может, ты украсть хочешь; кто тебя знает!

Кулигин. Коли я свои труды хочу даром положить, что же я могу украсть, ваше степенство? Да меня здесь все знают; про меня никто дурно не скажет.

Дикой. Ну и пущай знают, а я тебя знать не хочу.

Кулигин. За что, сударь, Савел Прокофьич, честного человека обижать изволите?

Дикой. Отчет, что ли, я стану тебе давать! Я и поважней тебя никому отчета не даю. Хочу так думать о тебе, так и думаю. Для других ты чест-

ный человек, а я думаю, что ты разбойник, вот и все. Хотелось тебе это слышать от меня? Так вот слушай! Говорю, что разбойник, и конец! Что ж ты судиться, что ли, со мной будешь! Так ты знай, что ты червяк. Захочу — помилую, захочу — раздавлю.

Кулигин. Бог с вами, Савел Прокофьич! Я, сударь, маленький человек, меня обидеть недолго. А я вам вот что доложу, ваше степенство: «И в рубище[9] почтенна добродетель!»

Дикой. Ты у меня грубить не смей! Слышишь ты!

Кулигин. Никакой я грубости вам, сударь, не делаю; а говорю вам потому, что, может быть, вы и вздумаете когда что-нибудь для города сделать. Силы у вас, ваше степенство, много; была б только воля на доброе дело. Вот, хоть бы теперь то возьмем: у нас грозы частые, а не заведем мы громовых отводов.

Дикой *(гордо).* Все суета!

Кулигин. Да какая же суета, когда опыты были.

Дикой. Какие-такие там у тебя громовые отводы?

---

[9] Примечания: 9
Рубище — грубая одежда нищего.

Кулигин. Стальные.

Дикой *(с гневом).* Ну, еще что?

Кулигин. Шесты стальные.

Дикой *(сердясь более и более).* Слышал, что шесты, аспид ты этакой; да еще-то что? Наладил: шесты! Ну а еще что?

Кулигин. Ничего больше.

Дикой. Да гроза-то что такое, по-твоему, а? Ну, говори!

Кулигин. Электричество.

Дикой *(топнув ногой).* Какое еще там елестричество! Ну как же ты не разбойник! Гроза-то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться. Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А, говори! Татарин?

Кулигин. Савел Прокофьич, ваше степенство, Державин сказал:

Я телом в прахе истлеваю,

Умом громам повелеваю.

Дикой. А за эти вот слова тебя к городничему отправить, так он тебе задаст! Эй, почтенные! прислушайте-ко, что он говорит!

Кулигин. Нечего делать, надо покориться! А вот когда будет у меня миллион, тогда я поговорю.

(Махнув рукой, уходит.)

Дикой. Что ж ты украдешь, что ли, у кого? Держите его! Этакой фальшивый мужичонка! С этим народом какому надо быть человеку? Я уж не знаю. *(Обращаясь к народу.)* Да вы, проклятые, хоть кого в грех введете! Вот не хотел нынче сердиться, а он, как нарочно, рассердил-таки. Чтоб ему провалиться! *(Сердито.)* Перестал, что ль, дождик-то?

1-й. Кажется, перестал.

Дикой. Кажется! А ты, дурак, сходи да посмотри. А то: кажется!

1-й *(выйдя из-под сводов).* Перестал!

Дикой уходит, и все за ним. Сцена несколько времени пуста. Под своды быстро входит Варвара и, притаившись, высматривает.

Явление третье

Варвара и потом Борис.

Варвара. Кажется, он!

Борис проходит в глубине сцены.

Сс-сс!

Борис оглядывается.

Поди сюда.

Манит рукой, Борис входит.

Что нам с Катериной-то делать? Скажи на ми-

лость!

Борис. А что?

Варвара. Беда ведь, да и только. Муж приехал, ты знаешь ли это? И не ждали его, а он приехал.

Борис. Нет, я не знал.

Варвара. Она просто сама не своя сделалась.

Борис. Видно, только я и пожил десять деньков, пока его не было. Уж теперь не увидишь ее!

Варвара. Ах ты какой! Да ты слушай! Дрожит вся, точно ее лихорадка бьет; бледная такая, мечется по дому, точно чего ищет. Глаза, как у помешанной! Давеча утром плакать принялась, так и рыдает. Батюшки мои! что мне с ней делать?

Борис. Да, может быть, пройдет это у нее!

Варвара. Ну уж, едва ли. На мужа не смеет глаз поднять. Маменька замечать это стала, ходит да все на нее косится, так змеей и смотрит; а она от этого еще хуже. Просто мука глядеть-то на нее! Да и боюсь я.

Борис. Чего же ты боишься?

Варвара. Ты ее не знаешь! Она ведь чудная какая-то у нас. От нее все станется! Таких дел наделает, что…

Борис. Ах, боже мой! Что же делать-то! Ты бы с ней поговорила хорошенько. Неужели уж нельзя ее уговорить?

Варвара. Пробовала. И не слушает ничего. Лучше и не подходи.

Борис. Ну, как же ты думаешь, что она может сделать?

Варвара. А вот что: бухнет мужу в ноги да и расскажет все. Вот чего я боюсь.

Борис *(с испугом).* Может ли это быть!

Варвара. От нее все может быть.

Борис. Где она теперь?

Варвара. Сейчас с мужем на бульвар пошли, и маменька с ними. Пройди и ты, коли хочешь. Да нет, лучше не ходи, а то она, пожалуй, и вовсе растеряется.

Вдали удары грома.

Никак гроза? *(Выглядывает.)* Да и дождик. А вот и народ повалил. Спрячься там где-нибудь, а я тут на виду стану, чтоб не подумали чего.

Входят несколько лиц разного звания и пола.

Явление четвертое

Разные лица и потом Кабанова, Кабанов, Катерина и Кулигин.

1-й. Должно быть, бабочка-то очень боится, что так торопится спрятаться.

Женщина. Да уж как ни прячься! Коли кому на роду написано, так никуда не уйдешь.

Катерина *(вбегая).* Ах, Варвара! *(Хватает ее за руку и держит крепко.)*

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Смерть моя!

Варвара. Да ты одумайся! Соберись с мыслями!

Катерина. Нет! Не могу. Ничего не могу. У меня уж очень сердце болит.

Кабанова *(входя).* То-то вот, надо жить-то так, чтобы всегда быть готовой ко всему; страху-то бы такого не было.

Кабанов. Да какие ж, маменька, у нее грехи такие могут быть особенные: все такие же, как и у всех нас, а это так уж она от природы боится.

Кабанова. А ты почем знаешь? Чужая душа потемки.

Кабанов *(шутя).* Уж разве без меня что-нибудь, а при мне, кажись, ничего не было.

Кабанова. Может быть, и без тебя.

Кабанов *(шутя).* Катя, кайся, брат, лучше, коли в чем грешна. Ведь от меня не скроешься: нет, шалишь! Все знаю!

Катерина *(смотрит в глаза Кабанову).* Голубчик мой!

Варвара. Ну, что ты пристаешь! Разве не видишь, что ей без тебя тяжело.

Борис выходит из толпы и раскланивается с

Кабановым.

Катерина *(вскрикивает).* Ах!

Кабанов. Что ты испугалась! Ты думала — чужой? Это знакомый! Дядюшка здоров ли?

Борис. Слава богу!

Катерина *(Варваре).* Чего ему еще надо от меня?.. Или ему мало этого, что я так мучаюсь. *(Приклоняясь к Варваре, рыдает.)*

Варвара *(громко, чтобы мать слышала).* Мы с ног сбились, не знаем, что сделать с ней; а тут еще посторонние лезут! *(Делает Борису знак, тот отходит к самому выходу.)*

Кулигин *(выходит на середину, обращаясь к толпе).* Ну, чего вы боитесь, скажите на милость! Каждая теперь травка, каждый цветочек радуется, а мы прячемся, боимся, точно напасти какой! Гроза убьет! Не гроза это, а благодать! Да, благодать! У вас все гроза! Северное сияние загорится, любоваться бы надобно да дивиться премудрости: «С полночных стран встает заря»! А вы ужасаетесь да придумываете, к войне это или к мору[10]. Комета ли идет — не отвел бы глаз! красота! звезды-то уж пригляделись, все одни и те же, а это обновка; ну смотрел бы да любовался!

---

[10] Примечания: 10
Мор — эпидемия.

А вы боитесь и взглянуть-то на небо, дрожь вас берет! Изо всего-то вы себе пугал наделали. Эх, народ! Я вот не боюсь. Пойдемте, сударь!

Борис. Пойдемте! Здесь страшнее!

Уходят.

Явление пятое

Те же, без Бориса и Кулигина.

Кабанова. Ишь какие рацеи развел! Есть что послушать, уж нечего сказать! Вот времена-то пришли, какие-то учители появились. Коли старик так рассуждает, чего уж от молодых-то требовать!

Женщина. Ну, все небо обложило. Ровно шапкой, так и накрыло.

1-й. Эко, братец ты мой, точно клубком туча-то вьется, ровно что в ней там живое ворочается. А так на нас и ползет, так и ползет, как живая.

2-й. Уж ты помяни мое слово, что эта гроза даром не пройдет. Верно тебе говорю: потому знаю. Либо уж убьют кого-нибудь, либо дом сгорит; вот увидишь: потому, смотри, какой цвет необыкновенный!

Катерина *(прислушиваясь).* Что они говорят? Они говорят, что убьет кого-нибудь.

Кабанов. Известно, так городят, зря, что в го-

лову придет.

Кабанова. Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знают. У старых людей на все приметы есть. Старый человек на ветер слова не скажет.

Катерина *(мужу).* Тиша, я знаю, кого убьет.

Варвара *(Катерине тихо).* Ты уж хоть молчи-то!

Кабанов. Ты почем знаешь?

Катерина. Меня убьет. Молитесь тогда за меня.

Входит барыня с лакеями. Катерина с криком прячется.

Явление шестое

Те же и барыня.

Барыня. Что прячешься! Нечего прятаться! Видно, боишься: умирать-то не хочется! Пожить хочется! Как не хотеться! видишь, какая красавица! Ха, ха, ха! Красота! А ты молись Богу, чтоб отнял красоту-то! Красота-то ведь погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вот тогда и радуйся красоте-то своей. Много, много народу в грех введешь! Вертопрахи на поединки выходят, шпагами колют друг друга. Весело! Старики старые, благочестивые, об смерти забывают, соблазняются на красоту-то! А кто отвечать будет?

За все тебе отвечать придется. В омут лучше с красотой-то! Да скорей, скорей!

Катерина прячется.

Куда прячешься, глупая! От Бога-то не уйдешь! Все в огне гореть будете в неугасимом! *(Уходит.)*

Катерина. Ах! Умираю!

Варвара. Что ты мучаешься-то, в самом деле! Стань к сторонке да помолись: легче будет.

Катерина *(подходит к стене и опускается на колени, потом быстро вскакивает).* Ах! Ад! Ад! Геенна огненная!

Кабанов, Кабанова и Варвара окружают ее.

Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон! Грешна я перед Богом и перед вами! Не я ли клялась тебе, что не взгляну ни на кого без тебя! Помнишь, помнишь! А знаешь ли, что я, беспутная, без тебя делала! В первую же ночь я ушла из дому…

Кабанов *(растерявшись, в слезах, дергает ее за рукав).* Не надо, не надо, не говори! Что ты! Матушка здесь!

Кабанова *(строго).* Ну, ну, говори, коли уж начала.

Катерина. И все-то десять ночей я гуляла… *(Рыдает.)*

Кабанов хочет обнять ее.

Кабанова. Брось ее! С кем?

Варвара. Врет она, она сама не знает, что говорит.

Кабанова. Молчи ты! Вот оно что! Ну, с кем же?

Катерина. С Борисом Григорьичем.

Вопрос о мнении окружающих постепенно вытекает в другой, более глобальный – о «людском суде» и его связи с высшим судом, который предстает в образе грозы. И если Катерина неоднократно заявляет, что не боится «людского суда», пересудов, то высший суд, гроза повергает ее в ужас и толкает публично признаться в измене. Но примечательно, что столь сильно высшего суда боится лишь одна Катерина.

Удар грома.

Ах! *(Падает без чувств на руки мужа.)*

Кабанова. Что, сынок! Куда воля-то ведет! Говорила я, так ты слушать не хотел. Вот и дождался!

Действие пятое

Декорация первого действия. Сумерки.

Явление первое

Кулигин сидит на лавочке. Кабанов идет по бульвару.

Кулигин *(поет).*

Ночною темнотою покрылись небеса, Все люди для покою закрыли уж глаза… и пр.

(Увидав Кабанова.) Здравствуйте, сударь! Далеко ли изволите?

Кабанов. Домой. Слышал, братец, дела-то наши? Вся, братец, семья в расстройство пришла.

Кулигин. Слышал, слышал, сударь.

Кабанов. Я в Москву ездил, ты знаешь? На дорогу-то маменька читала, читала мне наставления-то, а я как выехал, так загулял. Уж очень рад, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пил, и в Москве все пил, так это кучу́, что на-поди! Так, чтобы уж на целый год отгуляться. Ни разу про дом-то и не вспомнил. Да хоть бы и вспомнил-то, так мне бы и в ум не пришло, что делается. Слышал?

Кулигин. Слышал, сударь.

Кабанов. Несчастный я теперь, братец, человек! Так ни за что я погибаю, ни за грош!

Кулигин. Маменька-то у вас больно крута.

Кабанов. Ну да. Она-то всему и причина. А я за что погибаю, скажи ты мне на милость? Я вот зашел к Дикому, ну, выпили; думал — легче будет; нет, хуже, Кулигин! Уж что жена против меня сделала! Уж хуже нельзя…

Кулигин. Мудреное дело, сударь. Мудрено вас судить.

Кабанов. Нет, постой! Уж на что еще хуже этого. Убить ее за это мало. Вот маменька говорит: ее надо живую в землю закопать, чтоб она казнилась! А я ее люблю, мне ее жаль пальцем тронуть. Побил немножко, да и то маменька приказала. Жаль мне смотреть-то на нее, пойми ты это, Кулигин. Маменька ее поедом ест, а она как тень какая ходит, безответная. Только плачет да тает как воск. Вот я и убиваюсь, глядя на нее.

Кулигин. Как бы нибудь, сударь, ладком дело-то сделать? Вы бы простили ей да и не поминали никогда. Сами-то, чай, тоже не без греха!

Кабанов. Уж что говорить!

Кулигин. Да уж так, чтобы и под пьяную руку не попрекать! Она бы вам, сударь, была хорошая

жена; гляди — лучше всякой.

Кабанов. Да пойми ты, Кулигин: я-то бы ничего, а маменька-то… разве с ней сговоришь!..

Кулигин. Пора бы уж вам, сударь, своим умом жить…

Кабанов. Что ж мне, разорваться, что ли! Нет, говорят, своего-то ума. И значит, живи век чужим. Я вот возьму да последний-то, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, как с дураком, и нянчится.

Кулигин. Эх, сударь! Дела, дела! Ну а Борис-то Григорьич, сударь, что?

Кабанов. А его, подлеца, в Тяхту, к китайцам. Дядя к знакомому купцу какому-то посылает туда на контору. На три года его туды.

Кулигин. Ну, что же он, сударь?

Кабанов. Мечется тоже; плачет. Накинулись мы давеча на него с дядей, уж ругали, ругали — молчит. Точно дикий какой сделался. Со мной, говорит, что хотите делайте, только ее не мучьте! И он к ней тоже жалость имеет.

Кулигин. Хороший он человек, сударь.

Кабанов. Собрался совсем, и лошади уж готовы. Так тоскует, беда! Уж я вижу, что это ему проститься хочется. Ну, да мало ли чего! Будет с него. Враг ведь он мне, Кулигин! Расказнить его

надобно на части, чтобы знал…

Кулигин. Врагам-то прощать надо, сударь!

Кабанов. Поди-ка, поговори с маменькой, что она тебе на это скажет. Так, братец, Кулигин, все наше семейство теперь врозь расшиблось. Не то что родные, а точно вороги друг другу. Варвару маменька точила, точила, а та не стерпела, да и была такова — взяла да и ушла.

Кулигин. Куда ушла?

Кабанов. Кто ее знает. Говорят, с Кудряшом с Ванькой убежала, и того также нигде не найдут. Уж это, Кулигин, надо прямо сказать, что от маменьки; потому стала ее тиранить и на замок запирать. «Не запирайте, говорит, хуже будет!» Вот так и вышло. Что ж мне теперь делать, скажи ты мне! Научи ты меня, как мне жить теперь! Дом мне опостылел, людей совестно, за дело возьмусь — руки отваливаются. Вот теперь домой иду: на радость, что ль, иду?

Входит Глаша.

Глаша. Тихон Иваныч, батюшка!

Кабанов. Что еще?

Глаша. Дома у нас нездорово, батюшка!

Кабанов. Господи! Так уж одно к одному! Говори, что там такое?

Глаша. Да хозяюшка ваша…

Кабанов. Ну, что ж? Умерла, что ль?

Глаша. Нет, батюшка; ушла куда-то, не найдем нигде. Сбились с ног, искамши.

Кабанов. Кулигин, надо, брат, бежать искать ее. Я, братец, знаешь, чего боюсь? Как бы она с тоски-то на себя руки не наложила! Уж так тоскует, так тоскует, что ах! На нее-то глядя, сердце рвется. Чего ж вы смотрели-то? Давно ль она ушла-то?

Глаша. Недавнушко, батюшка! Уж наш грех, недоглядели. Да и то сказать: на всякий час не остережешься.

Кабанов. Ну, что стоишь-то, беги!

Глаша уходит.

И мы пойдем, Кулигин.

Уходят. Сцена несколько времени пуста. С противоположной стороны выходит Катерина и тихо идет по сцене.

Явление второе

Катерина *(одна)* [11]. Нет, нигде нет! Что-то он теперь, бедный, делает? Мне только проститься с ним, а там… а там хоть умирать. За что я его в беду ввела? Ведь мне не легче от того! Погибать бы

---

[11] Примечания: 11

Весь монолог и все следующие сцены говорит, растягивая и повторяя слова, задумчиво и как будто в забытьи. — *Примеч. А. Н. Островского.*

мне одной! А то себя погубила, его погубила, себе бесчестье — ему вечный покор! Да! Себе бесчестье — ему вечный покор. *(Молчание.)* Вспомнить бы мне, что он говорил-то? Как он жалел-то меня? Какие слова-то говорил? *(Берет себя за голову.)* Не помню, все забыла. Ночи, ночи мне тяжелы! Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне как в могилу. Так страшно в потемках! Шум какой-то сделается, и поют, точно кого хоронят; только так тихо, чуть слышно, далеко, далеко от меня... Свету-то так рада сделаешься! А вставать не хочется, опять те же люди, те же разговоры, та же мука. Зачем они так смотрят на меня? Отчего это нынче не убивают? Зачем так сделали? Прежде, говорят, убивали. Взяли бы да и бросили меня в Волгу; я бы рада была. «Казнить-то тебя, говорят, так с тебя грех снимется, а ты живи да мучайся своим грехом». Да уж измучилась я! Долго ль еще мне мучиться?.. Для чего мне теперь жить, ну для чего? Ничего мне не надо, ничего мне не мило, и свет божий не мил! А смерть не приходит. Ты ее кличешь, а она не приходит. Что ни увижу, что ни услышу, только тут *(показывает на сердце)* больно. Еще кабы с ним жить, может быть, радость бы какую я и видела. Что ж: уж все равно, уж душу свою я ведь погубила. Как мне по нем скучно! Ах,

как мне по нем скучно! Уж коли не увижу я тебя, так хоть услышь ты меня издали. Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мне, скучно! *(Подходит к берегу и громко во весь голос.)* Радость моя, жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись! *(Плачет.)*

Входит Борис.

Явление третье

Катерина и Борис.

Борис *(не видя Катерины).* Боже мой! Ведь это ее голос! Где же она? *(Оглядывается.)*

Катерина *(подбегает к нему и падает на шею).* Увидала-таки я тебя! *(Плачет на груди у него.)*

Молчание.

Борис. Ну, вот и поплакали вместе, привел Бог.

Катерина. Ты не забыл меня?

Борис. Как забыть, что ты!

Катерина. Ах нет, не то, не то! Ты не сердишься?

Борис. За что мне сердиться?

Катерина. Ну, прости меня. Не хотела я тебе зла сделать; да в себе не вольна была. Что говорила, что делала, себя не помнила.

Борис. Полно, что ты, что ты!

Катерина. Ну, как же ты? Теперь-то ты как?

Борис. Еду.

Катерина. Куда едешь?

Борис. Далеко, Катя, в Сибирь.

Катерина. Возьми меня с собой отсюда!

Борис. Нельзя мне, Катя. Не по своей я воле еду: дядя посылает, уж и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотел хоть с местом-то тем проститься, где мы с тобой виделись.

Катерина. Поезжай с богом! Не тужи обо мне. Сначала только разве скучно будет тебе, бедному, а там и позабудешь.

Борис. Что обо мне-то толковать! Я вольная птица. Ты-то как? Что свекровь-то?

Катерина. Мучает меня, запирает. Всем говорит и мужу говорит: «Не верь ей, она хитрая». Все и ходят за мной целый день и смеются мне прямо в глаза. На каждом слове все тобой попрекают.

Борис. А муж-то?

Катерина. То ласков, то сердится, да пьет все. Да постыл он мне, постыл, ласка-то его мне хуже побоев.

Борис. Тяжело тебе, Катя?

Катерина. Уж так тяжело, так тяжело, что умереть легче!

Борис. Кто ж это знал, что нам за любовь нашу так мучиться с тобой! Лучше б бежать мне тогда!

Катерина. На беду я увидала тебя. Радости видела мало, а горя-то, горя-то что! Да еще впереди-то сколько! Ну, да что думать о том, что будет! Вот теперь тебя видела, этого они у меня не отнимут; а больше мне ничего не надо. Только ведь мне и нужно было увидать тебя. Вот мне теперь гораздо легче сделалось; точно гора с плеч свалилась. А я все думала, что ты на меня сердишься, проклинаешь меня…

Борис. Что ты, что ты!

Катерина. Да нет, все не то я говорю; не то я хотела сказать! Скучно мне было по тебе, вот что; ну, вот я тебя увидала.

Борис. Не застали б нас здесь!

Катерина. Постой, постой! Что-то я тебе хотела сказать! Вот забыла! Что-то нужно было сказать! В голове-то все путается, не вспомню ничего.

Борис. Время мне, Катя!

Катерина. Погоди, погоди!

Борис. Ну, что же ты сказать-то хотела?

Катерина. Сейчас скажу. *(Подумав.)* Да! Поедешь ты дорогой, ни одного ты нищего так не пропускай, всякому подай, да прикажи, чтоб молились за мою грешную душу.

Борис. Ах, кабы знали эти люди, каково мне прощаться с тобой! Боже мой! Дай бог, чтоб им

когда-нибудь так же сладко было, как мне теперь. Прощай, Катя! *(Обнимает ее и хочет уйти.)* Злодеи вы! Изверги! Эх, кабы сила!

Катерина. Постой, постой! Дай мне поглядеть на тебя в последний раз. *(Смотрит ему в глаза.)* Ну, будет с меня! Теперь бог с тобой, поезжай. Ступай, скорее ступай!

Борис *(отходит несколько шагов и останавливается).* Катя, нехорошо что-то! Не задумала ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебе.

Катерина. Ничего, ничего! Поезжай с богом!

Борис хочет подойти к ней.

Не надо, не надо, довольно!

Борис *(рыдая).* Ну, бог с тобой! Только одного и надо у Бога просить, чтоб она умерла поскорее, чтоб ей не мучиться долго! Прощай! *(Кланяется.)*

Катерина. Прощай!

Борис уходит. Катерина провожает его глазами и стоит несколько времени задумавшись.

Явление четвертое

Катерина *(одна.)* Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу — все равно. Да, что домой, что в могилу!.. что в могилу! В могиле лучше… Под деревцом могилушка… как хорошо!..

Солнышко ее греет, дождичком ее мочит… весной на ней травка вырастет, мягкая такая… птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие… всякие *(задумывается),* всякие… Так тихо, так хорошо! Мне как будто легче! А о жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо… нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда. Нет, нет, не пойду! Придешь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это! Ах, темно стало! И опять поют где-то! Что поют? Не разберешь… Умереть бы теперь… Что поют? Все равно, что смерть придет, что сама… а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться… Руки крест-накрест складывают… в гробу! Да, так… я вспомнила. А поймают меня да воротят домой насильно… Ах, скорей, скорей! *(Подходит к берегу. Громко.)* Друг мой! Радость моя! Прощай! *(Уходит.)*

Входят Кабанова, Кабанов, Кулигин и работник с фонарем.

Явление пятое

Кабанов, Кабанова и Кулигин.

Кулигин. Говорят, здесь видели.

Кабанов. Да это верно?

Кулигин. Прямо на нее говорят.

Кабанов. Ну, слава богу, хоть живую видели-то.

Кабанова. А ты уж испугался, расплакался! Есть о чем. Не беспокойся: еще долго нам с ней маяться будет.

Кабанов. Кто ж это знал, что она сюда пойдет. Место такое людное. Кому в голову придет здесь прятаться.

Кабанова. Видишь, что она делает! Вот какое зелье! Как она характер-то свой хочет выдержать!

С разных сторон собирается народ с фонарями.

Один из народа. Что, нашли?

Кабанова. То-то что нет. Точно провалилась куда.

Несколько голосов. Эка притча! Вот оказия-то! И куда б ей деться!

Один из народа. Да найдется!

Другой. Как не найтись!

Третий. Гляди, сама придет.

Голоса за сценой: «Эй, лодку!»

Кулигин *(с берега).* Кто кричит? Что там?

Голос: «Женщина в воду бросилась!» Кулигин и за ним несколько человек убегают.

Явление шестое

Те же без Кулигина.

Кабанов. Батюшки, она ведь это! *(Хочет бежать.)*

Кабанова удерживает его за руку.

Маменька, пустите, смерть моя! я ее вытащу, а то так и сам… Что мне без нее!

Кабанова. Не пущу, и не думай! Из-за нее да себя губить, стоит ли она того? Мало она нам страму-то наделала, еще что затеяла?

Кабанов. Пустите!

Кабанова. Без тебя есть кому. Прокляну, коли пойдешь.

Кабанов *(падая на колени).* Хоть взглянуть-то мне на нее!

Кабанова. Вытащут, взглянешь.

Кабанов *(встает, к народу).* Что, голубчики, не видать ли чего?

1-й. Темно внизу-то, не видать ничего.

Шум за сценой.

2-й. Словно кричат что-то, да ничего не разберешь.

1-й. Да это Кулигина голос.

2-й. Вон с фонарем по берегу ходят.

1-й. Сюда идут. Вон и ее несут.

Несколько народу возвращается.

Один из возвратившихся. Молодец Кулигин! Тут близехонько, в омуточке у берега; с огнем-то оно в воду-то далеко видно; он платье и увидал, и вытащил ее.

Кабанов. Жива?

Другой. Где уж жива! Высоко бросилась-то: тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная! А точно, ребяты, как живая! Только на виске маленькая ранка, и одна только, как есть одна, капелька крови.

Кабанов бросается бежать; навстречу ему Кулигин с народом несут Катерину.

Явление седьмое

Те же и Кулигин.

Кулигин. Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней что хотите! Тело ее здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша; она теперь перед судией, который милосерднее вас! *(Кладет на землю и убегает.)*

Кабанов *(бросается к Катерине).* Катя! Катя!

Кабанова. Полно! Об ней и плакать-то грех!

Кабанов. Маменька, вы ее погубили! вы, вы, вы…

Кабанова. Что ты? Аль себя не помнишь! Забыл, с кем говоришь!

Кабанов. Вы ее погубили! Вы! Вы!

Кабанова *(сыну).* Ну, я с тобой дома поговорю. *(Низко кланяется народу.)* Спасибо вам, люди добрые, за вашу услугу!

Все кланяются.

Кабанов. Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! *(Падает на труп жены.)*

У пьесы трагический финал, в котором обычное отношение к жизни и смерти меняется местами. Смерть видится в ярких, живых красках: представляя свою могилу, Катерина говорит, что «солнышко ее (могилу) греет, дождичком ее мочит… птицы прилетят… будут петь… цветочки расцветут». А жизнь, наоборот, это вечная мука и тоска. Так Тихон прощается с Катериной, не скрывая зависти: «Хорошо тебе, Катя! А я-то… остался жить… да мучиться!»

Бесприданница
Драма в четырех действиях

Лица

Харита Игнатьевна Огудалова, вдова средних лет; одета изящно, но смело и не по летам.

Лариса Дмитриевна, ее дочь, девица; одета богато, но скромно.

Мокий Парменыч Кнуров, из крупных дельцов последнего времени, пожилой человек, с громадным состоянием.

Василий Данилыч Вожеватов, очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы; по костюму европеец.

Сергей Сергеич Паратов, блестящий барин, из судохозяев, лет за 30.

Юлий Капитоныч Карандышев, молодой человек, небогатый чиновник.

«Бесприданница» во многом схожа с «Грозой». В обеих пьесах действие разворачивается в вымышленном городе на берегу Волги. Трагическая главная героиня (Лариса, Катерина) ищет свободу

и уважение в семье и обществе. А камнем преткновения выступает роковая любовь к малодушному и эгоистичному человеку (Борис, Паратов). И там, и там героиня страдает из-за конфликтов со старшей женщиной в семье (свекровью или матерью). Наконец в этих пьесах поиск героини оканчивается ее смертью.

Евфросинья Потаповна, тетка Карандышева.

Робинзон.

Гаврило, клубный буфетчик и содержатель кофейной на бульваре.

Иван, слуга в кофейной.

Лакей Огудаловой.

Илья, цыган.

Цыгане и цыганки.

Действие происходит в настоящее время в большом городе Бряхимове на Волге.

Действие первое

Городской бульвар на высоком берегу Волги, с площадкой перед кофейной. Направо от актеров — вход в кофейную, налево — деревья; в глубине низкая чугунная решетка, за ней вид на Волгу — на большое пространство: леса, села и проч. На площадке столы и стулья: один стол на правой стороне, подле кофейной; другой — на левой.

Действие пьесы происходит в вымышленном городе – Бряхимов. В отличие от Калинова из «Грозы», у Бряхимова есть исторические прототипы, город с таким названием действительно существовал. Но у Островского Бряхимов – это скорее собирательный образ, в котором писатель соединил черты всех крупных торговых городов своего времени.

Явление первое

Гаврило стоит в дверях кофейной, Иван приводит в порядок мебель на площадке.

Иван. Никого народу-то нет на бульваре.

Гаврило. По праздникам всегда так. По старине живем: от поздней обедни все к пирогу да ко щам, а потом, после хлеба-соли, семь часов отдых.

Иван. Уж и семь! Часика три-четыре. Хорошее это заведение.

Гаврило. А вот около вечерен проснутся, попьют чайку до третьей тоски…

Иван. До тоски! Об чем тосковать-то?

Гаврило. Посиди за самоваром поплотнее, поглотай часа два кипятку, так узнаешь. После шестого пота она, первая-то тоска, подступает… Расстанутся с чаем и выползут на бульвар раздышаться да разгуляться. Теперь чистая публика гуляет: вон Мокий Парменыч Кнуров проминает себя.

Иван. Он каждое утро бульвар-то меряет взад и вперед, точно по обещанию. И для чего это он себя так утруждает?

Гаврило. Для моциону.

Иван. А моцион-то для чего?

Гаврило. Для аппетиту. А аппетит нужен ему для обеду. Какие обеды-то у него! Разве без моциону такой обед съешь?

Иван. Отчего это он все молчит?

Гаврило. «Молчит»! Чудак ты… Как же ты хочешь, чтоб он разговаривал, коли у него мил-

лионы! С кем ему разговаривать? Есть человека два-три в городе, с ними он разговаривает, а больше не с кем; ну, он и молчит. Он и живет здесь не подолгу от этого от самого; да и не жил бы, кабы не дела. А разговаривать он ездит в Москву, в Петербург да за границу, там ему просторнее.

Иван. А вот Василий Данилыч из-под горы идет. Вот тоже богатый человек, а разговорчив.

Гаврило. Василий Данилыч еще молод; малодушеством занимается; еще мало себя понимает; а в лета войдет, такой же идол будет.

Слева выходит Кнуров и, не обращая внимания на поклоны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает. Справа входит Вожеватов.

Явление второе

Кнуров, Вожеватов, Гаврило, Иван.

Вожеватов *(почтительно кланяясь).* Мокий Парменыч, честь имею кланяться!

Кнуров. А! Василий Данилыч! *(Подает руку.)* Откуда?

Вожеватов. С пристани. *(Садится.)*

Гаврило подходит ближе.

Кнуров. Встречали кого-нибудь?

Вожеватов. Встречал, да не встретил. Я вчера от

Сергея Сергеича Паратова телеграмму получил. Я у него пароход покупаю.

Гаврило. Не «Ласточку» ли, Василий Данилыч?

Вожеватов. Да, «Ласточку». А что?

Паратов, уже однажды жестоко предавший Ларису, теперь собирается продать пароход «Ласточка» – свое последнее имущество – перед женитьбой на невесте с «золотыми приисками». Интересно, что имя Лариса переводится как «чайка». Образ птицы в «Бесприданнице», как и в «Грозе», символизирует счастливую свободу, исполнение желаний. Но своих «птиц» Паратов собственноручно продает и отвергает, тем самым отказываясь от любви ради денег.

Гаврило. Резво бегает, сильный пароход.

Вожеватов. Да вот обманул Сергей Сергеич, не приехал.

Гаврило. Вы их с «Самолетом» ждали, а они, может, на своем приедут, на «Ласточке».

Иван. Василий Данилыч, да вон еще пароход бежит сверху.

Вожеватов. Мало ль их по Волге бегает.

Иван. Это Сергей Сергеич едут.

Вожеватов. Ты думаешь?

Иван. Да похоже, что они-с… Кожухи-то на «Ласточке» больно приметны.

Вожеватов. Разберешь ты кожухи за семь верст!

Иван. За десять разобрать можно-с… Да и ходко идет, сейчас видно, что с хозяином.

Вожеватов. А далеко?

Иван. Из-за острова вышел. Так и выстилает, так и выстилает.

Гаврило. Ты говоришь, выстилает?

Иван. Выстилает. Страсть! Шибче «Самолета» бежит, так и меряет.

Гаврило. Они едут-с.

Вожеватов *(Ивану).* Так ты скажи, как приставать станут.

Иван. Слушаю-с… Чай, из пушки выпалят.

Гаврило. Беспременно.

Вожеватов. Из какой пушки?

Гаврило. У них тут свои баржи серёд Волги на якоре.

Вожеватов. Знаю.

Гаврило. Так на барже пушка есть. Когда Сергея Сергеича встречают или провожают, так всегда палят. *(Взглянув в сторону за кофейную.)* Вон и коляска за ними едет-с, извозчицкая, Чиркова-с!

Видно, дали знать Чиркову, что приедут. Сам хозяин, Чирков, на козлах. Это за ними-с.

Вожеватов. Да почем ты знаешь, что за ними?

Гаврило. Четыре иноходца в ряд, помилуйте, за ними. Для кого же Чирков такую четверню сберет! Ведь это ужасти смотреть… как львы… все четыре на трензелях! А сбруя-то, сбруя-то! За ними-с.

Иван. И цыган с Чирковым на козлах сидит, в парадном казакине, ремнем перетянут так, что, того и гляди, переломится.

Гаврило. Это за ними-с. Некому больше на такой четверке ездить. Они-с.

Кнуров. С шиком живет Паратов.

Вожеватов. Уж чего другого, а шику довольно.

Кнуров. Дешево пароход-то покупаете?

Вожеватов. Дешево, Мокий Парменыч.

Кнуров. Да, разумеется; а то что за расчет покупать. Зачем он продает?

Вожеватов. Знать, выгоды не находит.

Кнуров. Конечно, где ж ему! Не барское это дело. Вот вы выгоду найдете, особенно коли дешево-то купите.

Вожеватов. Нам кстати: у нас на низу грузу много.

Кнуров. Не деньги ль понадобились?.. Он ведь

мотоват.

Вожеватов. Его дело. Деньги у нас готовы.

Кнуров. Да, с деньгами можно дела делать, можно. *(С улыбкой.)* Хорошо тому, Василий Данилыч, у кого денег-то много.

Вожеватов. Дурное ли дело! Вы сами, Мокий Парменыч, это лучше всякого знаете.

Кнуров. Знаю, Василий Данилыч, знаю.

Вожеватов. Не выпьем ли холодненького, Мокий Парменыч?

Кнуров. Что вы, утром-то! Я еще не завтракал.

Вожеватов. Ничего-с. Мне один англичанин — он директор на фабрике — говорил, что от насморка хорошо шампанское натощак пить. А я вчера простудился немного.

Кнуров. Каким образом? Такое тепло стоит.

Вожеватов. Да все им же и простудился-то: холодно очень подали.

Кнуров. Нет, что хорошего; люди посмотрят, скажут: ни свет ни заря — шампанское пьют.

Вожеватов. А чтоб люди чего дурного не сказали, так мы станем чай пить.

Кнуров. Ну, чай — другое дело.

Вожеватов *(Гавриле).* Гаврило, дай-ко нам чайку моего, понимаешь?.. *Моего!*

Гаврило. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Кнуров. Вы разве особенный какой пьете?

Вожеватов. Да все то же шампанское, только в чайники он разольет и стаканы с блюдечками подаст.

Кнуров. Остроумно.

Вожеватов. Нужда-то всему научит, Мокий Парменыч.

Кнуров. Едете в Париж-то на выставку?

Вожеватов. Вот куплю пароход да отправлю его вниз за грузом и поеду.

Кнуров. И я на днях, уж меня ждут.

Гаврило приносит на подносе два чайника с шампанским и два стакана.

Вожеватов *(наливая).* Слышали новость, Мокий Парменыч? Лариса Дмитриевна замуж выходит.

Кнуров. Как замуж? Что вы! За кого?

Вожеватов. За Карандышева.

Кнуров. Что за вздор такой! Вот фантазия! Ну что такое Карандышев! Не пара ведь он ей, Василий Данилыч.

Вожеватов. Какая уж пара! Да что ж делать-то, где взять женихов-то? Ведь она бесприданница.

Кнуров. Бесприданницы-то и находят женихов хороших.

Лариса – бесприданница. Приданое –

это деньги и ценные вещи (посуда, ткани и др.), которые собирали родители невесты перед ее замужеством. Собранный дар отправлялся вместе с новоиспеченной супругой в дом мужа. В XIX веке приданое играло роль приманки, многие люди, как Паратов, женились не по любви, а из-за денег. У Ларисы не было приданого, и поэтому шансы выйти замуж за человека ее круга крайне малы.

Вожеватов. Не то время. Прежде женихов-то много было, так и на бесприданниц хватало; а теперь женихов-то в самый обрез: сколько приданых, столько и женихов, лишних нет, — бесприданницам-то и недостает. Разве бы Харита Игнатьевна отдала за Карандышева, кабы лучше были?

Кнуров. Бойкая женщина.

Вожеватов. Она, должно быть, не русская.

Кнуров. Отчего?

Вожеватов. Уж очень проворна.

Кнуров. Как это она оплошала? Огудаловы все-таки фамилия порядочная; и вдруг за какого-то Карандышева!.. Да с ее ловкостью… всегда полон дом холостых!..

Вожеватов. Ездить-то к ней все ездят, потому что весело очень: барышня хорошенькая, играет на разных инструментах, поет, обращение свободное, оно и тянет. Ну а жениться-то надо подумавши.

Кнуров. Ведь выдала же она двух.

Вожеватов. Выдать-то выдала, да надо их спросить, сладко ли им жить-то. Старшую увез какой-то горец, кавказский князек. Вот потеха-то была! Как увидал, затрясся, заплакал даже — так две недели и стоял подле нее, за кинжал держался да глазами сверкал, чтоб не подходил никто. Женился и уехал, да, говорят, не довез до Кавказа-то, зарезал на дороге от ревности. Другая тоже за какого-то иностранца вышла, а он после оказался совсем не иностранец, а шулер.

Кнуров. Огудалова разочла не глупо: состояние небольшое, давать приданое не из чего, так она живет открыто, всех принимает.

Вожеватов. Любит и сама пожить весело. А средства у нее так невелики, что даже и на такую жизнь недостает…

Кнуров. Где ж она берет?

Вожеватов. Женихи платятся. Как кому понравилась дочка, так и раскошеливайся. Потом на приданое возьмет с жениха, а приданого не

спрашивай.

Кнуров. Ну, я думаю, не одни женихи платятся; а и вам, например, частое посещение этого семейства недешево обходится.

Вожеватов. Не разорюсь, Мокий Парменыч. Что ж делать! За удовольствия платить надо, они даром не достаются, а бывать у них в доме — большое удовольствие.

Кнуров. Действительно удовольствие — это вы правду говорите.

Вожеватов. А сами почти никогда не бываете.

Кнуров. Да неловко; много у них всякого сброду бывает; потом встречаются, кланяются, разговаривать лезут. Вот, например, Карандышев, — ну что за знакомство для меня?

Вожеватов. Да, у них в доме на базар похоже.

Кнуров. Ну, что хорошего! Тот лезет к Ларисе Дмитриевне с комплиментами, другой с нежностями, так и жужжат, не дают с ней слова сказать. Приятно с ней одной почаще видеться, без помехи.

Вожеватов. Жениться надо.

Кнуров. Жениться! Не всякому можно, да и не всякий захочет; вот я, например, женатый.

Вожеватов. Так уж нечего делать. Хорош виноград, да зелен, Мокий Парменыч.

Кнуров. Вы думаете?

Вожеватов. Видимое дело. Не таких правил люди: мало ль случаев-то было, да вот не польстились, хоть за Карандышева, да замуж.

Кнуров. А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку.

Вожеватов. Да, не скучно будет, прогулка приятная. Какие у вас планы-то, Мокий Парменыч!

Кнуров. Да и у вас этих планов-то не было ли тоже?

Вожеватов. Где мне! Я простоват на такие дела. Смелости у меня с женщинами нет: воспитание, знаете ли, такое, уж очень нравственное, патриархальное получил.

Кнуров. Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость — великое дело. Да и денег не пожалеете; дешево пароход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле «Ласточки» обошлось бы?

Вожеватов. Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч. Я хоть молод, а не зарвусь, лишнего не передам.

Кнуров. Не ручайтесь! Долго ли с вашими летами влюбиться; а уж тогда какие расчеты!

Вожеватов. Нет, как-то я, Мокий Парменыч, в себе этого совсем не замечаю.

Кнуров. Чего?

Вожеватов. А вот что любовью-то называют.

Кнуров. Похвально, хорошим купцом будете. А все-таки вы с ней гораздо ближе, чем другие.

Вожеватов. Да в чем моя близость? Лишний стаканчик шампанского потихоньку от матери иногда налью, песенку выучу, романы вожу, которые девушкам читать не дают.

Кнуров. Развращаете, значит, понемножку.

Вожеватов. Да мне что! Я ведь насильно не навязываю. Что ж мне об ее нравственности заботиться: я ей не опекун.

Кнуров. Я все удивляюсь, неужели у Ларисы Дмитриевны, кроме Карандышева, совсем женихов не было?

Вожеватов. Были, да ведь она простовата.

Кнуров. Как простовата? То есть глупа?

Вожеватов. Не глупа, а хитрости нет, не в матушку. У той все хитрость да лесть, а эта вдруг, ни с того ни с сего, и скажет что не надо.

Кнуров. То есть правду?

Вожеватов. Да, правду; а бесприданницам так нельзя. К кому расположена, нисколько этого не скрывает. Вот Сергей Сергеич Паратов в прошлом году появился, наглядеться на него не могла; а он месяца два поездил, женихов всех отбил, да и

след его простыл, исчез неизвестно куда.

Кнуров. Что ж с ним сделалось?

Вожеватов. Кто его знает; ведь он мудреный какой-то. А уж как она его любила, чуть не умерла с горя. Какая чувствительная! *(Смеется.)* Бросилась за ним догонять, уж мать со второй станции воротила.

Кнуров. А после Паратова были женихи?

Вожеватов. Набегали двое: старик какой-то с подагрой да разбогатевший управляющий какого то князя, вечно пьяный. Уж Ларисе и не до них, а любезничать надо было, маменька приказывает.

Кнуров. Однако положение ее незавидное.

Вожеватов. Да, смешно даже. У ней иногда слезинки на глазах, видно, поплакать задумала, а маменька улыбаться велит. Потом вдруг проявился этот кассир… Вот бросал деньги-то, так и засыпал Хариту Игнатьевну. Отбил всех, да не долго покуражился: у них в доме его и арестовали. Скандалище здоровый! *(Смеется.)* С месяц Огудаловым никуда глаз показать было нельзя. Тут уж Лариса наотрез матери объявила: «Довольно, говорит, с нас сраму-то: за первого пойду, кто посватается, богат ли, беден ли, разбирать не буду». А Карандышев и тут как тут с предложением.

Кнуров. Откуда взялся этот Карандышев?

Вожеватов. Он давно у них в доме вертится, года три. Гнать не гнали, а и почету большого не было. Когда перемежка случалась, никого из богатых женихов в виду не было, так и его придерживали, слегка приглашивали, чтоб не совсем пусто было в доме. А как, бывало, набежит какой-нибудь богатенький, так просто жалость было смотреть на Карандышева: и не говорят с ним, и не смотрят на него. А он-то, в углу сидя, разные роли разыгрывает, дикие взгляды бросает, отчаянным прикидывается. Раз застрелиться хотел, да не вышло ничего, только насмешил всех. А то вот потеха-то: был у них как-то, еще при Паратове, костюмированный вечер; так Карандышев оделся разбойником, взял в руки топор и бросал на всех зверские взгляды, особенно на Сергея Сергеича.

Кнуров. И что же?

Вожеватов. Топор отняли и переодеться велели; а то, мол, пошел вон!

Кнуров. Значит, он за постоянство награжден. Рад, я думаю.

Вожеватов. Еще как рад-то, сияет, как апельсин. Что смеху-то! Ведь он у нас чудак. Ему бы жениться поскорей да уехать в свое именьишко, пока разговоры утихнут, так и Огудаловым хо-

телось, — а он таскает Ларису на бульвар, ходит с ней под руку, голову так высоко поднял, что того и гляди наткнется на кого-нибудь. Да еще очки надел зачем-то, а никогда их не носил. Кланяется — едва кивает; тон какой взял: прежде и не слыхать его было, а теперь все «я да я, я хочу, я желаю».

Кнуров. Как мужик русский: мало радости, что пьян, надо поломаться, чтоб все видели; поломается, поколотят его раза два, ну, он и доволен, и идет спать.

Вожеватов. Да, кажется, и Карандышеву не миновать.

Кнуров. Бедная девушка! как она страдает, на него глядя, я думаю.

Вожеватов. Квартиру свою вздумал отделывать, — вот чудит-то. В кабинете ковер грошевый на стену прибил, кинжалов, пистолетов тульских навешал: уж диви бы охотник, а то и ружья-то никогда в руки не брал. Тащит к себе, показывает; надо хвалить, а то обидишь — человек самолюбивый, завистливый. Лошадь из деревни выписал, клячу какую-то разношерстную, кучер маленький, а кафтан на нем с большого. И возит на этом верблюде-то Ларису Дмитриевну; сидит так гордо, будто на тысячных рысаках едет. С

бульвара выходит, так кричит городовому: «Прикажи подавать мой экипаж!» Ну и подъезжает этот экипаж с музыкой: все винты, все гайки дребезжат на разные голоса, а рессоры-то трепещутся, как живые.

Кнуров. Жаль бедную Ларису Дмитриевну! Жаль.

Вожеватов. Что вы очень жалостливы стали?

Кнуров. Да разве вы не видите, что эта женщина создана для роскоши? Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует.

Вожеватов. И хорошего ювелира.

Кнуров. Совершенную правду вы сказали. Ювелир — не простой мастеровой; он должен быть художником. В нищенской обстановке, да еще за дураком мужем, она или погибнет, или опошлится.

Вожеватов. А я так думаю, что бросит она его скорехонько. Теперь еще она, как убитая; а вот оправится да поглядит на мужа попристальнее, каков он… *(Тихо.)* Вот они легки на помине-то…

Входят Карандышев, Огудалова, Лариса. Вожеватов встает и кланяется. Кнуров вынимает газету.

Явление третье

Кнуров, Вожеватов, Карандышев, Огудалова; Лариса в глубине садится на скамейку у решетки и смотрит в бинокль за Волгу; Гаврило, Иван.

Огудалова *(подходя к столу).* Здравствуйте, господа!

Карандышев подходит за ней. Вожеватов подает руку Огудаловой и Карандышеву. Кнуров, молча и не вставая с места, подает руку Огудаловой, слегка кивает Карандышеву и погружается в чтение газеты.

Вожеватов. Харита Игнатьевна, присядьте, милости просим! *(Подвигает стул.)*

Огудалова садится.

Чайку не прикажете ли?

Карандышев садится поодаль.

Огудалова. Пожалуй, чашку выпью.

Вожеватов. Иван, подай чашку, да прибавь кипяточку!

Иван берет чайник и уходит.

Карандышев. Что за странная фантазия пить чай в это время? Удивляюсь.

Вожеватов. Жажда, Юлий Капитоныч, а что пить, не знаю. Посоветуйте — буду очень благодарен.

Карандышев *(смотрит на часы).* Теперь полдень, можно выпить рюмочку водки, съесть котлетку, выпить стаканчик вина хорошего. Я всегда так завтракаю.

Вожеватов *(Огудаловой).* Вот жизнь-то, Харита Игнатьевна, позавидуешь. *(Карандышеву.)* Пожил бы, кажется, хоть денек на вашем месте. Водочки да винца! Нам так нельзя-с, пожалуй, разум потеряешь. Вам можно все: вы капиталу не проживете, потому его нет, а уж мы такие горькие зародились на свете, у нас дела очень велики; так нам разума-то терять и нельзя.

Иван подает чайник и чашку.

Пожалуйте, Харита Игнатьевна! *(Наливает и подает чашку.)* Я и чай-то холодный пью, чтобы люди не сказали, что я горячие напитки употребляю.

Огудалова. Чай-то холодный; только, Вася, ты мне крепко налил.

Вожеватов. Ничего-с. Выкушайте, сделайте одолжение! На воздухе не вредно.

Карандышев *(Ивану).* Приходи ко мне сегодня служить за обедом!

Иван. Слушаю-с, Юлий Капитоныч.

Карандышев. Ты, братец, почище оденься!

Иван. Известное дело — фрак; нешто не пони-

маем-с.

Карандышев. Василий Данилыч, вот что: приезжайте-ко вы ко мне обедать сегодня!

Вожеватов. Покорно благодарю. Мне тоже во фраке прикажете?

Карандышев. Как вам угодно: не стесняйтесь. Однако дамы будут.

Вожеватов *(кланяясь).* Слушаю-с. Надеюсь не уронить себя.

Карандышев *(переходит к Кнурову).* Мокий Парменыч, не угодно ли вам будет сегодня отобедать у меня?

Кнуров *(с удивлением оглядывает его).* У вас?

Огудалова. Мокий Парменыч, это все равно что у нас, — этот обед для Ларисы.

Кнуров. Да, так это вы приглашаете? Хорошо, я приеду.

Карандышев. Так уж я буду надеяться.

Кнуров. Уж я сказал, что приеду. *(Читает газету.)*

Огудалова. Юлий Капитоныч — мой будущий зять: я выдаю за него Ларису.

Кнуров *(продолжая читать).* Это ваше дело.

Карандышев. Да-с, Мокий Парменыч, я рискнул. Я и вообще всегда был выше предрассудков.

Кнуров закрывается газетой.

Вожеватов *(Огудаловой).* Мокий Парменыч строг…

Карандышев *(отходя от Кнурова к Вожеватову).* Я желаю, чтоб Ларису Дмитриевну окружали только избранные люди.

Вожеватов. Значит, и я к избранному обществу принадлежу? Благодарю, не ожидал. *(Гавриле.)* Гаврило, сколько с меня за чай?

Гаврило. Две порции изволили спрашивать?

Вожеватов. Да, две порции.

Гаврило. Так уж сами знаете, Василий Данилыч, не в первый раз… Тринадцать рублей-с.

Вожеватов. То-то, я думал, что подешевле стало.

Гаврило. С чего дешевле-то быть! Курсы, пошлина, помилуйте!

Вожеватов. Да ведь я не спорю с тобой, что ты пристаешь! Получай деньги и отстань! *(Отдает деньги.)*

Карандышев. За что же так дорого? Я не понимаю.

Гаврило. Кому дорого, а кому нет. Вы такого чаю не кушаете.

Огудалова *(Карандышеву).* Перестаньте вы, не мешайтесь не в свое дело!

Иван. Василий Данилыч, «Ласточка» подходит.

Вожеватов. Мокий Парменыч, «Ласточка» подходит; не угодно ли взглянуть? Мы вниз не пойдем, с горы посмотрим.

Кнуров. Пойдемте. Любопытно. *(Встает.)*

Огудалова. Вася, я доеду на твоей лошади.

Вожеватов. Поезжайте, только пришлите поскорей! *(Подходит к Ларисе и говорит с ней тихо.)*

Огудалова *(подходит к Кнурову).* Мокий Парменыч, затеяли мы свадьбу, так не поверите, сколько хлопот.

Кнуров. Да.

Огудалова. И вдруг такие расходы, которых никак нельзя было ожидать… Вот завтра рожденье Ларисы, хотелось бы что-нибудь подарить…

Кнуров. Хорошо, я к вам заеду.

Огудалова уходит.

Лариса *(Вожеватову).* До свиданья, Вася!

Вожеватов и Кнуров уходят. Лариса подходит к Карандышеву.

Явление четвертое

Карандышев, Лариса.

Лариса. Я сейчас все за Волгу смотрела: как там хорошо, на той стороне! Поедемте поскорей в деревню!

Карандышев. Вы за Волгу смотрели? А что с вами Вожеватов говорил?

Лариса. Ничего, так, пустяки какие-то. Меня так и манит за Волгу, в лес… *(Задумчиво.)* Уедемте, уедемте отсюда!

> Как Катерину из «Грозы», Ларису тоже манит Волга, природа. Она постоянно просит Карандышева поскорее уехать в деревню, предчувствуя, как и героиня «Грозы», свою скорую гибель. Ларису влечет на «ту сторону», «за Волгу, в лес». В данном случае «лес» на «той стороне» символизирует смерть и потусторонний мир, в который Ларису отвозит ее губитель Паратов вместе с Кнуровым и Вожеватовым.

Карандышев. Однако это странно! Об чем он мог с вами разговаривать?

Лариса. Ах, да об чем бы он ни говорил, что вам за дело!

Карандышев. Называете его Васей. Что за фамильярность с молодым человеком!

Лариса. Мы с малолетства знакомы; еще маленькие играли вместе; ну, я и привыкла.

Карандышев. Вам надо старые привычки

бросить. Что за короткость с пустым, глупым мальчиком! Нельзя же терпеть того, что у вас до сих пор было.

Лариса *(обидясь).* У нас ничего дурного не было.

Карандышев. Был цыганский табор-с, вот что было.

Лариса утирает слезы.

Чем вы обиделись, помилуйте!

Лариса. Что ж, может быть, и цыганский табор; только в нем было, по крайней мере, весело. Сумеете ли вы дать мне что-нибудь лучше этого табора?

Карандышев. Уж конечно.

Лариса. Зачем вы постоянно попрекаете меня этим табором? Разве мне самой такая жизнь нравилась? Мне было приказано, так нужно было маменьке; значит, волей или неволей, я должна была вести такую жизнь… Колоть беспрестанно мне глаза цыганской жизнью или глупо, или безжалостно. Если б я не искала тишины, уединения, не захотела бежать от людей, разве бы я пошла за вас? Так умейте это понять и не приписывайте моего выбора своим достоинствам, я их еще не вижу. Я еще только хочу полюбить вас; меня манит скромная семейная жизнь, она мне кажется

каким-то раем. Вы видите, я стою на распутье; поддержите меня, мне нужно ободрение, сочувствие; отнеситесь ко мне нежно, с лаской! Ловите эти минуты, не пропустите их!

Карандышев. Лариса Дмитриевна, я совсем не хотел вас обидеть, это я сказал так…

Лариса. Что значит «так»? То есть не подумавши? Вы не понимали, что в ваших словах обида, так, что ли?

Карандышев. Конечно, я без умыслу.

Лариса. Так это еще хуже. Надо думать, о чем говоришь. Болтайте с другими, если вам нравится, а со мной говорите осторожнее! Разве вы не видите, что положение мое очень серьезно! Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сделалась очень чутка и впечатлительна.

Карандышев. В таком случае я прошу извинить меня.

Лариса. Да бог с вами, только вперед будьте осторожнее! *(Задумчиво.)* Цыганский табор… Да, это, пожалуй, правда… но в этом таборе были и хорошие, и благородные люди.

Карандышев. Кто же эти благородные люди? Уж не Сергей ли Сергеич Паратов?

Лариса. Нет, я прошу вас, вы не говорите о

нем!

Карандышев. Да почему же-с?

Лариса. Вы его не знаете, да хоть бы и знали, так… извините, не вам о нем судить.

Карандышев. Об людях судят по поступкам. Разве он хорошо поступил с вами?

Лариса. Это уж мое дело. Если я боюсь и не смею осуждать его, так не позволю и вам.

Карандышев. Лариса Дмитриевна, скажите мне, только, прошу вас, говорите откровенно!

Лариса. Что вам угодно?

Карандышев. Ну чем я хуже Паратова?

Лариса. Ах, нет, оставьте!

Карандышев. Позвольте, отчего же?

Лариса. Не надо! Не надо! Что за сравнения!

Карандышев. А мне бы интересно было слышать от вас.

Лариса. Не спрашивайте, не нужно!

Карандышев. Да почему же?

Лариса. Потому что сравнение не будет в вашу пользу. Сами по себе вы что-нибудь значите, вы хороший, честный человек; но от сравнения с Сергеем Сергеичем вы теряете все.

Карандышев. Ведь это только слова: нужны доказательства. Вы разберите нас хорошенько!

Лариса. С кем вы равняетесь? Возможно ли

такое ослепление! Сергей Сергеич… это идеал мужчины. Вы понимаете, что такое идеал? Быть может, я ошибаюсь, я еще молода, не знаю людей; но это мнение изменить во мне нельзя, оно умрет со мной.

Карандышев. Не понимаю-с, не понимаю, что в нем особенного; ничего, ничего не вижу. Смелость какая-то, дерзость… Да это всякий может, если захочет.

Лариса. Да вы знаете, какая это смелость?

Карандышев. Да какая ж такая: что тут необыкновенного? Стоит только напустить на себя.

Лариса. А вот какая, я вам расскажу один случай. Проезжал здесь один кавказский офицер, знакомый Сергея Сергеича, отличный стрелок; были они у нас. Сергей Сергеич и говорит: «Я слышал, вы хорошо стреляете». — «Да, не дурно», — говорит офицер. Сергей Сергеич дает ему пистолет, ставит себе стакан на голову и отходит в другую комнату, шагов на двенадцать. «Стреляйте», — говорит.

Карандышев. И он стрелял?

Лариса. Стрелял и, разумеется, сшиб стакан, но только побледнел немного. Сергей Сергеич говорит: «Вы прекрасно стреляете, но вы побледнели, стреляя в мужчину и человека вам не близкого.

Смотрите, я буду стрелять в девушку, которая для меня дороже всего на свете, и не побледнею». Дает мне держать какую-то монету, равнодушно, с улыбкой; стреляет на таком же расстоянии и выбивает ее.

Карандышев. И вы послушали его?

Лариса. Да разве можно его не послушать?

Карандышев. Разве уж вы были так уверены в нем?

Лариса. Что вы! Да разве можно быть в нем неуверенной?

Карандышев. Сердца нет, оттого он так и смел.

Лариса. Нет, и сердце есть. Я сама видела, как он помогал бедным, как отдавал все деньги, которые были с ним.

Карандышев. Ну, положим, Паратов имеет какие-нибудь достоинства, по крайней мере в глазах ваших; а что такое этот купчик Вожеватов, этот ваш Вася?

Лариса. Вы не ревновать ли? Нет, уж вы эти глупости оставьте! Это пошло, я не переношу этого, я вам заранее говорю. Не бойтесь, я не люблю и не полюблю никого.

Карандышев. А если б явился Паратов?

Лариса. Разумеется, если б явился Сергей Сергеич и был свободен, так довольно одного его

взгляда… Успокойтесь, он не явился, а теперь хоть и явится, так уж поздно… Вероятно, мы никогда не увидимся более.

На Волге пушечный выстрел.

Что это?

Карандышев. Какой-нибудь купец-самодур слезает с своей баржи, так в честь его салютуют.

Лариса. Ах, как я испугалась.

Карандышев. Чего? Помилуйте!

Лариса. У меня нервы расстроены. Я сейчас с этой скамейки вниз смотрела, и у меня закружилась голова. Тут можно очень ушибиться?

Карандышев. Ушибиться! Тут верная смерть: внизу мощено камнем. Да, впрочем, тут так высоко, что умрешь прежде, чем долетишь до земли.

Лариса. Пойдемте домой, пора!

Карандышев. Да и мне нужно, у меня ведь обед.

Лариса *(подойдя к решетке).* Подождите немного. *(Смотрит вниз.)* Ай, ай! Держите меня!

Карандышев *(берет Ларису за руку).* Пойдемте, что за ребячество! *(Уходят.)*

Гаврило и Иван выходят из кофейной.

Явление пятое

Гаврило, Иван.

Иван. Пушка! Барин приехал, барин приехал, Сергей Сергеич.

Гаврило. Я говорил, что он. Уж я знаю: видно сокола по полету.

Иван. Коляска пустая в гору едет, значит, господа пешком идут. Да вон они! *(Убегает в кофейную.)*

Гаврило. Милости просим. Чем только их попотчевать-то, не сообразишь.

Входят Паратов (черный однобортный сюртук в обтяжку, высокие лаковые сапоги, белая фуражка, через плечо дорожная сумка), Робинзон (в плаще, правая пола закинута на левое плечо, мягкая высокая шляпа надета набок), Кнуров, Вожеватов; Иван выбегает из кофейной с веничком и бросается обметать Паратова.

Явление шестое

Паратов, Робинзон, Кнуров, Вожеватов, Гаврило, Иван.

Паратов *(Ивану).* Да что ты! Я с воды, на Волге-то не пыльно.

Иван. Все-таки, сударь, нельзя же… порядок требует. Целый год-то вас не видали, да чтобы… С приездом, сударь.

Паратов. Ну, хорошо, спасибо! На! *(Дает ему рублевую бумажку.)*

Иван. Покорнейше благодарим-с. *(Отходит.)*

Паратов. Так вы меня, Василий Данилыч, с «Самолетом» ждали?

Вожеватов. Да ведь я не знал, что вы на своей «Ласточке» прилетите; я думал, что она с баржами идет.

Паратов. Нет, я баржи продал. Я думал нынче рано утром приехать, мне хотелось обогнать «Самолет»; да трус машинист. Кричу кочегарам: «Шуруй!», а он у них дрова отнимает. Вылез из своей мурьи: «Если вы, — говорит, — хоть полено еще подкинете, я за борт выброшусь». Боялся, что котел не выдержит, цифры мне какие-то на бумажке выводил, давление рассчитывал. Иностранец, голландец он, душа коротка; у них арифметика вместо души-то. А я, господа, и позабыл познакомить вас с моим другом. Мокий Парменыч, Василий Данилыч! Рекомендую: Робинзон.

Робинзон важно раскланивается и подает руку Кнурову и Вожеватову.

Вожеватов. А как их по имени и отчеству?

Паратов. Так, просто, Робинзон, без имени и отчества.

Робинзон *(Паратову).* Серж!

Паратов. Что тебе?

Робинзон. Полдень, мой друг, я стражду.

Паратов. А вот погоди, в гостиницу приедем.

Робинзон *(показывая на кофейную).* Voilà! [12]

Паратов. Ну, ступай, черт с тобой!

Робинзон идет в кофейную.

Гаврило, ты этому барину больше одной рюмки не давай; он характера непокойного.

Робинзон *(пожимая плечами).* Серж! *(Уходит в кофейную, Гаврило за ним.)*

Паратов. Это, господа, провинциальный актер, Счастливцев Аркадий.

Вожеватов. Почему же он Робинзон?

Паратов. А вот почему: ехал он на каком-то пароходе, уж не знаю, с другом своим, с купеческим сыном Непутевым; разумеется, оба пьяные до последней возможности. Творили они, что только им в голову придет, публика все терпела. Наконец, в довершение безобразия, придумали драматическое представление: разделись, раз-

---

[12] Примечания: 12
Вот! *(фр.)*

резали подушку, вывалялись в пуху и начали изображать диких; тут уж капитан, по требованию пассажиров, и высадил их на пустой остров. Бежим мы мимо этого острова, гляжу, кто-то взвывает, поднявши руки кверху. Я сейчас «стоп», сажусь сам в шлюпку и обретаю артиста Счастливцева. Взял его на пароход, одел с ног до головы в свое платье, благо у меня много лишнего. Господа, я имею слабость к артистам… Вот почему он Робинзон.

Вожеватов. А Непутевый на острове остался?

Паратов. Да на что он мне; пусть проветрится. Сами посудите, господа, ведь в дороге скука смертная, всякому товарищу рад.

Кнуров. Еще бы, конечно.

Вожеватов. Это такое счастье, такое счастье! Вот находка-то золотая!

Кнуров. Одно только неприятно, пьянством одолеет.

Паратов. Нет, со мной, господа, нельзя: я строг на этот счет. Денег у него нет, без моего разрешения давать не велено, а у меня как попросит, так я ему в руки французские разговоры — на счастье нашлись у меня; изволь прежде страницу выучить, без того не дам. Ну и учит, сидит. Как старается!

Вожеватов. Эко вам счастье, Сергей Сергеич! Кажется, ничего б не пожалел за такого человека, а нет как нет. Он хороший актер?

Паратов. Ну, нет, какой хороший! Он все амплуа прошел и в суфлерах был; а теперь в оперетках играет. Ничего, так себе, смешит.

Вожеватов. Значит, веселый?

Паратов. Потешный господин.

Вожеватов. И пошутить с ним можно?

Паратов. Ничего, он не обидчив. Вот отводите свою душу, могу его вам дня на два, на три предоставить.

Вожеватов. Очень благодарен. Коли придет по нраву, так не останется внакладе.

Кнуров. Как это вам, Сергей Сергеич, не жаль «Ласточку» продавать?

Паратов. Что такое «жаль», этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

Паратов, как и Борис из «Грозы», становится причиной гибели героини. Однако Паратов не просто эгоистичен и труслив,

как Борис. Он совмещает черты байронического героя-искусителя – загадочного, высокомерного, свободолюбивого и очаровывающего женщин (не случайно Лариса называет его «идеалом мужчины») – с чертами идеального купца: и Кнуров, и Вожеватов уважают его решение жениться по расчету.

Вожеватов. Приданое хорошее.

Паратов. Но достается оно мне не дешево: я должен проститься с моей свободой, с моей веселой жизнью; поэтому надо постараться как можно повеселей провести последние дни.

Вожеватов. Будем стараться, Сергей Сергеич, будем стараться.

Паратов. Отец моей невесты важный чиновный господин; старик строгий: он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем; даже не любит, кто много курит табаку. Тут уж надевай фрак и parlez français! [13] Вот я теперь и практикуюсь с Робинзоном. Только он, для важности, что ли, уже не знаю, зовет меня: «ля Серж», а не просто «Серж». Умора!

---

[13] Примечания: 13
Говорите по-французски! *(фр.)*

На крыльце кофейной показывается Робинзон, что-то жует, за ним Гаврило.

Явление седьмое

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило, Иван.

Паратов *(Робинзону).* Que faites-vous là? Venez! [14]

Робинзон *(с важностью).* Comment? [15]

Паратов. Что за прелесть! Каков тон, господа! *(Робинзону.)* Оставь ты эту вашу скверную привычку бросать порядочное общество для трактира!

Вожеватов. Да, это за ними водится.

Робинзон. Ля Серж, ты уж успел… Очень нужно было.

Паратов. Да, извини, я твой псевдоним раскрыл.

Вожеватов. Мы, Робинзон, тебя не выдадим, ты у нас так за англичанина и пойдешь.

Робинзон. Как, сразу на «ты»? Мы с вами брудершафт не пили.

---

[14] Примечания: 14
Что вы там делаете? Идите сюда! *(фр.)*

[15] Примечания: 15
Как? *(фр.)*

Вожеватов. Это все равно… Что за церемонии!

Робинзон. Но я фамильярности не терплю и не позволю всякому…

Вожеватов. Да я не всякий…

Робинзон. А кто же вы?

Вожеватов. Купец.

Робинзон. Богатый?

Вожеватов. Богатый.

Робинзон. И тароватый?

Вожеватов. И тароватый.

Робинзон. Вот это в моем вкусе. *(Подает руку Вожеватову.)* Очень приятно! Вот теперь я могу тебе позволить обращаться со мной запросто.

Вожеватов. Значит, приятели: два тела — одна душа.

Робинзон. И один карман. Имя-отчество? То есть одно имя, отчество не надо.

Вожеватов. Василий Данилыч.

Робинзон. Так вот, Вася, для первого знакомства заплати за меня!

Вожеватов. Гаврило, запиши! Сергей Сергеич, мы нынче вечером прогулочку сочиним за Волгу. На одном катере цыгане, на другом мы; приедем, усядемся на коврике, жженочку сварим.

Гаврило. А у меня, Сергей Сергеич, два ананасика давно вас дожидаются; надо их нарушить

для вашего приезда.

Паратов *(Гавриле).* Хорошо, срежь! *(Вожеватову.)* Делайте, господа, со мной что хотите!

Гаврило. Да уж я, Василий Данилыч, все заготовлю, что требуется; у меня и кастрюлечка серебряная водится для таких оказий; уж я и своих людей с вами отпущу.

Вожеватов. Ну, ладно. Чтобы к шести часам все было готово; коли что лишнее припасешь, взыску не будет; а за недостачу ответишь.

Гаврило. Понимаем-с.

Вожеватов. А назад поедем, на катерах разноцветные фонарики зажжем.

Робинзон. Давно ли я его знаю, а уж полюбил, господа. Вот чудо-то!

Паратов. Главное, чтоб весело. Я прощаюсь с холостой жизнью, так чтоб было чем ее вспомнить. А откушать сегодня, господа, прошу ко мне.

Вожеватов. Эка досада! Ведь нельзя, Сергей Сергеич.

Кнуров. Отозваны мы.

Паратов. Откажитесь, господа.

Вожеватов. Отказаться-то нельзя: Лариса Дмитриевна выходит замуж, так мы у жениха обедаем.

Паратов. Лариса выходит замуж! *(Задумывает-*

ся.) Что ж… Бог с ней! Это даже лучше. Я немножко виноват перед ней, то есть так виноват, что не должен бы и носу к ним показывать; ну а теперь она выходит замуж, значит, старые счеты покончены, и я могу опять явиться поцеловать ручки у ней и у тетеньки. Я Хариту Игнатьевну, для краткости, тетенькой зову. Ведь я было чуть не женился на Ларисе, — вот бы людей-то насмешил! Да, разыграл было дурака. Замуж выходит… Это очень мило с ее стороны; все-таки на душе у меня немного полегче… и дай ей бог здоровья и всякого благополучия! Заеду я к ним, заеду; любопытно, очень любопытно поглядеть на нее.

Вожеватов. Уж наверное и вас пригласят.

Паратов. Само собой, как же можно без меня!

Кнуров. Я очень рад, все-таки будет с кем хоть слово за обедом перемолвить.

Вожеватов. Там и потолкуем, как нам веселее время провести, может, и еще что придумаем.

Паратов. Да, господа, жизнь коротка, говорят философы, так надо уметь ею пользоваться. N'est ce pas [16], Робинзон?

Робинзон. Вуй, ля Серж.

Вожеватов. Постараемся; скучать не будете: на

---

[16] Примечания: 16
Не так ли *(фр.)*.

том стоим. Мы третий катер прихватим, полковую музыку посадим.

Паратов. До свидания, господа! Я в гостиницу. Марш, Робинзон!

Робинзон *(поднимает шляпу).*

Да здравствует веселье! Да здравствует Услад!

Действие второе

Комната в доме Огудаловой. Две двери: одна в глубине, входная; другая налево от актеров; направо окно; мебель приличная, фортепьяно, на нем лежит гитара.

Явление первое

Огудалова одна. Подходит к двери налево, с коробочкой в руках.

Огудалова. Лариса, Лариса!

Лариса за сценой: «Я, мама, одеваюсь».

Погляди-ка, какой тебе подарок Вася привез!

Лариса за сценой: «После погляжу!»

Какие вещи — рублей 500 стоят. Положите, говорит, завтра поутру в ее комнату и не говорите от кого. А ведь знает, плутишка, что я не утерплю, скажу. Я его просила посидеть, не остался, с каким-то иностранцем ездит, город ему показывает. Да ведь шут он, у него не разберешь, нарочно он или вправду. Надо, говорит, этому иностранцу все замечательные трактирные заведения показать. Хотел к нам привезти этого иностранца. *(Взглянув в окно.)* А вот и Мокий Парменыч! Не

выходи, я лучше одна с ним потолкую.

Входит Кнуров.

Явление второе

Огудалова, Кнуров.

Кнуров *(в дверях).* У вас никого нет?

Огудалова. Никого, Мокий Парменыч.

Кнуров *(входит).* Ну и прекрасно.

Огудалова. На чем записать такое счастье! Благодарна, Мокий Парменыч, очень благодарна, что удостоили. Я так рада, растерялась, право… не знаю, где и посадить вас.

Кнуров. Все равно, сяду где-нибудь. *(Садится.)*

Огудалова. А Ларису извините, она переодевается. Да ведь можно ее поторопить.

Кнуров. Нет, зачем беспокоить!

Огудалова. Как это вы вздумали?

Кнуров. Брожу ведь я много пешком перед обедом-то, ну, вот и зашел.

Огудалова. Будьте уверены, Мокий Парменыч, что мы за особенное счастье поставляем ваш визит; ни с чем этого сравнить нельзя.

Кнуров. Так выдаете замуж Ларису Дмитриевну?

Огудалова. Да, замуж, Мокий Парменыч.

Кнуров. Нашелся жених, который берет без

денег?

Огудалова. Без денег, Мокий Парменыч, где ж нам взять денег-то.

Кнуров. Что ж он, средства имеет большие, жених-то ваш?

Огудалова. Какие средства! Самые ограниченные.

Кнуров. Да… А как вы полагаете, хорошо вы поступили, что отдаете Ларису Дмитриевну за человека бедного?

Огудалова. Не знаю, Мокий Парменыч. Я тут ни при чем, ее воля была.

Кнуров. Ну а этот молодой человек как, по-вашему: хорошо поступает?

Огудалова. Что ж, я нахожу, что это похвально с его стороны.

Кнуров. Ничего тут нет похвального, напротив, это непохвально. Пожалуй, с своей точки зрения, он не глуп. Что он такое… кто его знал, кто на него обращал внимание? А теперь весь город заговорит про него, он влезает в лучшее общество, он позволяет себе приглашать меня на обед, например… Но вот что глупо: он не подумал или не захотел подумать, как и чем ему жить с такой женой. Вот об чем поговорить нам с вами следует.

Огудалова. Сделайте одолжение, Мокий Парменыч!

Кнуров. Как вы думаете о вашей дочери, что она такое?

Огудалова. Да уж я не знаю, что и говорить; мне одно осталось: слушать вас.

Кнуров. Ведь в Ларисе Дмитриевне земного, этого житейского, нет. Ну, понимаете, тривиального, что нужно для бедной семейной жизни.

Огудалова. Ничего нет, ничего.

Кнуров. Ведь это эфир.

Огудалова. Эфир, Мокий Парменыч.

Кнуров. Она создана для блеску.

Огудалова. Для блеску, Мокий Парменыч.

Кнуров. Ну а может ли ваш Карандышев доставить ей этот блеск?

Огудалова. Нет, где же!

Кнуров. Бедной полумещанской жизни она не вынесет. Что ж остается ей? Зачахнуть, а потом, как водится, — чахотка.

Огудалова. Ах, что вы, что вы! Сохрани бог!

Кнуров. Хорошо, если она догадается поскорее бросить мужа и вернуться к вам.

Огудалова. Опять беда, Мокий Парменыч: чем мне жить с дочерью?

Кнуров. Ну, эта беда поправимая. Теплое уча-

стие сильного, богатого человека…

Огудалова. Хорошо, как найдется это участие.

Кнуров. Надо постараться приобресть. В таких случаях доброго друга, солидного, прочного, иметь необходимо.

Огудалова. Уж как необходимо-то.

Кнуров. Вы можете мне сказать, что она еще и замуж-то не вышла, что еще очень далеко то время, когда она может разойтись с мужем. Да, пожалуй, может быть, что и очень далеко, а ведь может быть, что и очень близко. Так лучше предупредить вас, чтобы вы еще не сделали какой-нибудь ошибки, чтоб знали, что я для Ларисы Дмитриевны ничего не пожалею. Что вы улыбаетесь?

Огудалова. Я очень рада, Мокий Парменыч, что вы так расположены к нам.

Кнуров. Вы, может быть, думаете, что такие предложения не бывают бескорыстны?

Огудалова. Ах, Мокий Парменыч!

Кнуров. Обижайтесь, если угодно, прогоните меня.

Огудалова *(конфузясь).* Ах, Мокий Парменыч!

Кнуров. Найдите таких людей, которые посулят вам десятки тысяч даром, да тогда и браните меня. Не трудитесь напрасно искать, не найдете.

Но я увлекся в сторону, я пришел не для этих разговоров. Что это у вас за коробочка?

Огудалова. Это я, Мокий Парменыч, хотела дочери подарок сделать.

Кнуров *(рассматривая вещи).* Да…

Огудалова. Да дорого, не по карману.

Кнуров *(отдает коробочку).* Ну, это пустяки; есть дело поважнее. Вам нужно сделать для Ларисы Дмитриевны хороший гардероб, то есть мало сказать хороший — очень хороший. Подвенечное платье, ну и все там, что следует.

Огудалова. Да, да, Мокий Парменыч.

Кнуров. Обидно будет видеть, если ее оденут кой-как. Так вы закажите все это в лучшем магазине, да не рассчитывайте и не копейничайте! А счеты пришлите ко мне, я заплачу.

Огудалова. Право, даже уж и слов-то не подберешь, как благодарить вас!

Кнуров. Вот зачем, собственно, я зашел к вам. *(Встает.)*

Огудалова. А все-таки мне завтра хотелось бы дочери сюрприз сделать. Сердце матери, знаете…

Кнуров *(берет коробочку).* Ну, что там такое? Что это стоит?

Огудалова. Оцените, Мокий Парменыч!

Кнуров. Что тут ценить! Пустое дело! Триста

рублей это стоит. (Достает из бумажника деньги и отдает Огудаловой.) До свиданья! Я пойду еще побродить, я нынче на хороший обед рассчитываю. За обедом увидимся. (Идет к дверям.)

Огудалова. Очень, очень вам благодарна за все, Мокий Парменыч, за все!

Кнуров уходит. Входит Лариса с корзинкой в руках.

Явление третье

Огудалова, Лариса.

Лариса *(ставит корзинку на столик и рассматривает вещи в коробочке).* Это Вася-то подарил? Недурно. Какой милый!

Огудалова. «Недурно». Это очень дорогие вещи. Будто ты и не рада?

Лариса. Никакой особенной радости не чувствую.

Огудалова. Ты поблагодари Васю, так шепни ему на ухо: благодарю, мол. И Кнурову тоже.

Лариса. А Кнурову за что?

Огудалова. Уж так надо, я знаю за что.

Лариса. Ах, мама, все-то у тебя секреты да хитрости.

Огудалова. Ну, ну, хитрости! Без хитрости на свете не проживешь.

Лариса *(берет гитару, садится к окну и запевает).*

Матушка, голубушка, солнышко мое,
Пожалей, родимая, дитятко твое!

Юлий Капитоныч хочет в мировые судьи баллотироваться.

Огудалова. Ну, вот и прекрасно. В какой уезд?

Лариса. В Заболотье!

Огудалова. Ай, в лес ведь это. Что ему вздумалось такую даль?

Лариса. Там кандидатов меньше, наверное выберут.

Огудалова. Что ж, ничего, и там люди живут.

Лариса. Мне хоть бы в лес, да только поскорей отсюда вырваться.

Огудалова. Да оно и хорошо в захолустье пожить, там и твой Карандышев мил покажется; пожалуй, первым человеком в уезде будет; вот помаленьку и привыкнешь к нему.

Лариса. Да он и здесь хорош, я в нем ничего не замечаю дурного.

Огудалова. Ну, что уж! Такие ль хорошие-то бывают!

Лариса. Конечно, есть и лучше, я сама это очень хорошо знаю.

Огудалова. Есть, да не про нашу честь.

Лариса. Теперь для меня и этот хорош. Да что толковать, дело решенное.

Огудалова. Я ведь только радуюсь, что он тебе нравится. Слава богу. Осуждать его перед тобой я не стану; а и притворяться-то нам друг перед другом нечего — ты сама не слепая.

Лариса. Я ослепла, я все чувства потеряла, да и рада. Давно уж точно во сне вижу, что кругом меня происходит. Нет, уехать надо, вырваться отсюда. Я стану приставать к Юлию Капитонычу. Скоро и лето пройдет, а я хочу гулять по лесам, собирать ягоды, грибы.

Огудалова. Вот для чего ты корзиночку-то приготовила! Понимаю теперь. Ты уж и шляпу соломенную с широкими полями заведи, вот и будешь пастушкой.

Лариса. И шляпу заведу. *(Запевает.)*

Не искушай меня без нужды.

Там спокойствие, тишина.

Огудалова. А вот сентябрь настанет, так не очень тихо будет, ветер-то загудит в окна.

Лариса. Ну, что ж такое.

Огудалова. Волки завоют на разные голоса.

Лариса. Все-таки лучше, чем здесь. Я, по край-

ней мере, душой отдохну.

Огудалова. Да разве я тебя отговариваю? Поезжай, сделай милость, отдыхай душой! Только знай, что Заболотье не Италия. Это я обязана тебе сказать; а то, как ты разочаруешься, так меня же будешь винить, что я тебя не предупредила.

Лариса. Благодарю тебя… Но пусть там и дико, и глухо, и холодно; для меня после той жизни, которую я здесь испытала, всякий тихий уголок покажется раем. Что это Юлий Капитоныч медлит, я не понимаю.

Огудалова. До деревни ль ему! Ему покрасоваться хочется. Да и неудивительно: из ничего, да в люди попал.

Лариса *(напевает).*

Не искушай меня без нужды.

Экая досада, не налажу никак. *(Взглянув в окно.)* Илья, Илья! Зайди на минутку. Наберу с собой в деревню романсов и буду играть да петь от скуки.

Входит Илья.

Явление четвертое

Огудалова, Лариса, Илья.

Илья. С праздником! Дай Бог здорово да счаст-

ливо! *(Кладет фуражку на стул у двери.)*

Лариса. Илья, наладь мне: «Не искушай меня без нужды!» Все сбиваюсь. *(Подает гитару.)*

Илья. Сейчас, барышня. *(Берет гитару и подстраивает.)* Хороша песня; она в три голоса хороша, тенор надо: второе колено делает… Больно хорошо. А у нас беда, ах беда!

Огудалова. Какая беда?

Илья. Антон у нас есть, тенором поет.

Огудалова. Знаю, знаю.

Илья. Один тенор есть, а то все басы. Какие басы, какие басы! А тенор один Антон.

Огудалова. Так что ж?

Илья. Не годится в хор, — хоть брось.

Огудалова. Нездоров?

Илья. Нет, здоров, совсем невредимый.

Огудалова. Что же с ним?

Илья. Пополам перегнуло набок, совсем углом; так глаголем и ходит, другая неделя. Ах беда! Теперь в хоре всякий лишний человек дорого стоит; а без тенора как быть! К дохтору ходил, дохтор и говорит: «Через неделю, через две отпустит, опять прямой будешь». А нам теперь его надо.

Лариса. Да ты пой.

Илья. Сейчас, барышня. Секунда фальшивит. Вот беда, вот беда! В хоре надо браво стоять, а его

набок перегнуло.

Огудалова. От чего это с ним?

Илья. От глупости.

Огудалова. От какой глупости?

Илья. Такая есть глупость в нас. Говорил: «Наблюдай, Антон, эту осторожность!» А он не понимает.

Огудалова. Да и мы не понимаем.

Илья. Ну, не вам будь сказано, гулял, так гулял, так гулял. Я говорю: «Антон, наблюдай эту осторожность!» А он не понимает. Ах, беда, ах, беда! Теперь сто рублей человек стоит, вот какое дело у нас; такого барина ждем. А Антона набок свело. Какой прямой цыган был, а теперь кривой. *(Запевает басом.)* «Не искушай…»

Голос в окно: «Илья, Илья, ча одарик! да сегер!» [17]

Палсо? Со туки требе? [18]

Голос с улицы: «Иди, барин приехал!»

Хохавеса! [19]

Голос с улицы: «Верно приехал!»

---

[17] Примечания: 17
Поди сюда! Иди скорей! *(цыган.)*

[18] Примечания: 18
Зачем? Что тебе? *(цыган.)*

[19] Примечания: 19
Обманываешь! *(цыган.)*

Некогда, барышня, барин приехал. *(Кладет гитару и берет фуражку.)*

Огудалова. Какой барин?

Илья. Такой барин, ждем не дождемся: год ждали — вот какой барин! *(Уходит.)*

Явление пятое

Огудалова, Лариса.

Огудалова. Кто же бы это приехал? Должно быть, богатый и, вероятно, Лариса, холостой, коли цыгане так ему обрадовались. Видно, уж так у цыган и живет. Ах, Лариса, не прозевали ли мы жениха? Куда торопиться-то было?

Лариса. Ах, мама, мало, что ли, я страдала? Нет, довольно унижаться.

Огудалова. Экое страшное слово сказала: «унижаться»! Испугать, что ли, меня вздумала? Мы люди бедные, нам унижаться-то всю жизнь. Так уж лучше унижаться смолоду, чтоб потом пожить по-человечески.

Лариса. Нет, не могу; тяжело, невыносимо тяжело.

Огудалова. А легко-то ничего не добудешь, всю жизнь и останешься ничем.

Лариса. Опять притворяться, опять лгать!

Огудалова. И притворяйся, и лги! Счастье не

пойдет за тобой, если сама от него бегаешь.

Входит Карандышев.

Явление шестое

Огудалова, Лариса, Карандышев.

Огудалова. Юлий Капитоныч, Лариса у нас в деревню собралась, вон и корзинку для грибов приготовила!

Лариса. Да, сделайте для меня эту милость, поедемте поскорей!

Карандышев. Я вас не понимаю; куда вы торопитесь, зачем?

Лариса. Мне так хочется бежать отсюда.

Карандышев *(запальчиво).* От кого бежать? Кто вас гонит? Или вы стыдитесь за меня, что ли?

Лариса *(холодно).* Нет, я за вас не стыжусь. Не знаю, что дальше будет, а пока вы мне еще повода не подали.

Карандышев. Так зачем бежать, зачем скрываться от людей! Дайте мне время устроиться, опомниться, прийти в себя! Я рад, я счастлив… дайте мне возможность почувствовать всю приятность моего положения!

Огудалова. Повеличаться[20].

---

[20] Примечания: 20

Повеличаться — похвалиться, похвастаться.

Карандышев. Да, повеличаться, я не скрываю. Я много, очень много перенес уколов для своего самолюбия, моя гордость не раз была оскорблена; теперь я хочу и вправе погордиться и повеличаться.

Лариса. Вы когда же думаете ехать в деревню?

Карандышев. После свадьбы, когда вам угодно, хоть на другой день. Только венчаться непременно здесь; чтоб не сказали, что мы прячемся, потому что я не жених вам, не пара, а только та соломинка, за которую хватается утопающий.

Лариса. Да ведь последнее-то почти так, Юлий Капитоныч, вот это правда.

Карандышев *(с сердцем).* Так правду эту вы и знайте про себя! *(Сквозь слезы.)* Пожалейте вы меня хоть сколько-нибудь! Пусть хоть посторонние-то думают, что вы любите меня, что выбор ваш был свободен.

Лариса. Зачем это?

Карандышев. Как зачем? Разве вы уж совсем не допускаете в человеке самолюбия?

Лариса. Самолюбие! Вы только о себе. Все себя любят! Когда же меня-то будет любить кто-нибудь? Доведете вы меня до погибели.

Огудалова. Полно, Лариса, что ты?

Лариса. Мама, я боюсь, я чего-то боюсь. Ну,

послушайте: если уж свадьба будет здесь, так пожалуйста, чтобы поменьше было народу, чтобы как можно тише, скромнее!

Огудалова. Нет, ты не фантазируй! Свадьба так свадьба; я Огудалова, я нищенства не допущу. Ты у меня заблестишь так, что здесь и не видывали.

Карандышев. Да и я ничего не пожалею.

Лариса. Ну, я молчу. Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите.

Карандышев. Вот и обед сегодня для меня обойдется недешево.

Огудалова. А этот обед ваш я считаю уж совсем лишним — напрасная трата.

Карандышев. Да если б он стоил мне вдвое, втрое, я б не пожалел денег.

Огудалова. Никому он не нужен.

Карандышев. Мне нужен.

Лариса. Да зачем, Юлий Капитоныч?

Карандышев. Лариса Дмитриевна, три года я терпел унижения, три года я сносил насмешки прямо в лицо от ваших знакомых; надо же и мне, в свою очередь, посмеяться над ними.

Огудалова. Что вы еще придумываете! Ссору, что ли, затеять хотите? Так мы с Ларисой и не поедем.

Лариса. Ах, пожалуйста, не обижайте никого!

Карандышев. Не обижайте! А меня обижать можно? Да успокойтесь, никакой ссоры не будет, все будет очень мирно. Я предложу за вас тост и поблагодарю вас публично за счастье, которое вы делаете мне своим выбором, за то, что вы отнеслись ко мне не так, как другие, что вы оценили меня и поверили в искренность моих чувств. Вот и все, вот и вся моя месть!

Огудалова. И все это совсем не нужно.

Карандышев. Нет, уж эти фаты одолели меня своим фанфаронством. Ведь не сами они нажили богатство; что ж они им хвастаются! По пятнадцати рублей за порцию чаю бросать!

Огудалова. Все это вы на бедного Васю нападаете.

Карандышев. Да не один Вася, все хороши. Вон посмотрите, что в городе делается, какая радость на лицах! Извозчики все повеселели, скачут по улицам, кричат друг другу: «Барин приехал, барин приехал». Половые в трактирах тоже сияют, выбегают на улицу, из трактира в трактир перекликаются: «Барин приехал, барин приехал». Цыгане с ума сошли, все вдруг галдят, машут руками. У гостиницы съезд, толпа народу. Сейчас к гостинице четыре цыганки разряженные в коляске подъехали, поздравить с приездом. Чудо,

что за картина! А барин-то, я слышал, промотался совсем, последний пароходишко продал. Кто приехал? Промотавшийся кутила, развратный человек, и весь город рад. Хороши нравы!

Огудалова. Да кто приехал-то?

Карандышев. Ваш Сергей Сергеич Паратов.

Лариса в испуге встает.

Огудалова. А, так вот кто!

Лариса. Поедемте в деревню, сейчас поедемте!

Карандышев. Теперь-то и не нужно ехать.

Огудалова. Что ты, Лариса, зачем от него прятаться! Он не разбойник.

Лариса. Что вы меня не слушаете! Топите вы меня, толкаете в пропасть!

Огудалова. Ты сумасшедшая.

Карандышев. Чего вы боитесь?

Лариса. Я не за себя боюсь.

Карандышев. За кого же?

Лариса. За вас.

Карандышев. О, за меня не бойтесь! Я в обиду не дамся. Попробуй он только задеть меня, так увидит.

Огудалова. Нет, что вы! Сохрани вас Бог! Это ведь не Вася. Вы поосторожнее с ним, а то жизни не рады будете.

Карандышев *(у окна).* Вот, изволите видеть, к

вам подъехал; четыре иноходца в ряд и цыган на козлах с кучером. Какую пыль в глаза пускает! Оно, конечно, никому вреда нет, пусть тешится; а в сущности-то и гнусно, и глупо.

Лариса *(Карандышеву).* Пойдемте, пойдемте ко мне в комнату. Мама, прими сюда, пожалуйста, отделайся от его визитов!

Лариса и Карандышев уходят. Входит Паратов.

Явление седьмое

Огудалова, Паратов.

Паратов *(всю сцену ведет в шутливо-серьезном тоне).* Тетенька, ручку!

Огудалова *(простирая руки).* Ах, Сергей Сергеич! Ах, родной мой!

Паратов. В объятия желаете заключить? Можно. *(Обнимаются и целуются.)*

Огудалова. Каким ветром занесло? Проездом, вероятно?

Паратов. Нарочно сюда, и первый визит к вам, тетенька.

Огудалова. Благодарю. Как поживаете, как дела ваши?

Паратов. Гневить Бога нечего, тетенька, живу весело; а дела неважны.

Огудалова *(поглядев на Паратова).* Сергей Сер-

геич, скажите, мой родной, что это вы тогда так вдруг исчезли?

Паратов. Неприятную телеграмму получил, тетенька.

Огудалова. Какую?

Паратов. Управители мои и управляющие свели без меня домок мой в ореховую скорлупку-с. Своими операциями довели было до аукционной продажи мои пароходики и все движимое и недвижимое имение. Так я полетел тогда спасать свои животишки-с.

Огудалова. И, разумеется, всё спасли и всё устроили?

Паратов. Никак нет-с; устроил, да не совсем, брешь порядочная осталась. Впрочем, тетенька, духу не теряю и веселого расположения не утратил.

Огудалова. Вижу, что не утратил.

Паратов. На одном потеряем, на другом выиграем, тетенька; вот наше дело какое.

Огудалова. На чем же вы выиграть хотите? Новые обороты завели?

Паратов. Не нам, легкомысленным джентльменам, новые обороты заводить! За это в долговое отделение, тетенька. Хочу продать свою волюшку.

Огудалова. Понимаю: выгодно жениться хотите. А во сколько вы цените свою волюшку?

Паратов. В полмиллиона-с.

Огудалова. Порядочно.

Паратов. Дешевле, тетенька, нельзя-с, расчету нет, себе дороже, сами знаете.

Огудалова. Молодец мужчина.

Паратов. С тем возьмите.

Огудалова. Экой сокол! Глядеть на тебя да радоваться.

Паратов. Очень лестно слышать от вас. Ручку пожалуйте! *(Целует руку.)*

Огудалова. А покупатели, то есть покупательницы-то, есть?

Паратов. Поискать, так найдутся.

Огудалова. Извините за нескромный вопрос!

Паратов. Коли очень нескромный, так не спрашивайте: я стыдлив.

Огудалова. Да полно тебе шутить-то! Есть невеста или нет? Коли есть, так кто она?

Паратов. Хоть зарежьте, не скажу.

Огудалова. Ну, как знаешь.

Паратов. Я бы желал засвидетельствовать свое почтение Ларисе Дмитриевне. Могу я ее видеть?

Огудалова. Отчего же. Я ее сейчас пришлю к вам. *(Берет футляр с вещами.)* Да вот, Сергей

Сергеич, завтра Ларисы рождение, хотелось бы подарить ей эти вещи, да денег много не хватает.

Паратов. Тетенька, тетенька! Ведь уж человек с трех взяла? Я тактику-то вашу помню.

Огудалова *(берет Паратова за ухо).* Ах ты проказник!

Паратов. Я завтра сам привезу подарок, получше этого.

Огудалова. Я позову к вам Ларису. *(Уходит.)*

Входит Лариса.

Явление восьмое

Паратов, Лариса.

Паратов. Не ожидали!

Лариса. Нет, теперь не ожидала. Я ждала вас долго, но уж давно перестала ждать.

Паратов. Отчего же перестали ждать?

Лариса. Не надеялась дождаться. Вы скрылись так неожиданно, и ни одного письма…

Паратов. Я не писал потому, что не мог сообщить вам ничего приятного.

Лариса. Я так и думала.

Паратов. И замуж выходите?

Лариса. Да, замуж.

Паратов. А позвольте вас спросить: долго вы меня ждали?

Лариса. Зачем вам знать это?

Паратов. Мне не для любопытства, Лариса Дмитриевна; меня интересуют чисто теоретические соображения. Мне хочется знать, скоро ли женщина забывает страстно любимого человека: на другой день после разлуки с ним, через неделю или через месяц… имел ли право Гамлет сказать матери, что она «башмаков еще не износила» и так далее.

Лариса. На ваш вопрос я вам не отвечу, Сергей Сергеич: можете думать обо мне, что вам угодно.

Паратов. Об вас я всегда буду думать с уважением; но женщины вообще, после вашего поступка, много теряют в глазах моих.

Лариса. Да какой мой поступок? Вы ничего не знаете.

Паратов. Эти «кроткие, нежные взгляды», этот сладкий любовный шепот, когда каждое слово чередуется с глубоким вздохом, эти клятвы!.. И все это через месяц повторяется другому, как выученный урок. О, женщины!

Лариса. Что «женщины»?

Паратов. Ничтожество вам имя!

Перефразированная – то есть измененная – цитата из пьесы «Гамлет» Шекспира.

В оригинале: «Вам имя – вероломство!»

Лариса. Ах, как вы смеете так обижать меня? Разве вы знаете, что я после вас полюбила кого-нибудь? Вы уверены в этом?

Паратов. Я не уверен, но полагаю.

Лариса. Чтобы так жестоко упрекать, надо знать, а не полагать.

Паратов. Вы выходите замуж?

Лариса. Но что меня заставило… Если дома жить нельзя, если во время страшной смертельной тоски заставляют любезничать, улыбаться, навязывают женихов, на которых без отвращения нельзя смотреть, если в доме скандалы, если надо бежать из дому и даже из городу?

Паратов. Лариса, так вы?..

Лариса. Что «я»? Ну, что вы хотели сказать?

Паратов. Извините! Я виноват перед вами. Так вы не забыли меня, вы еще… меня любите?

Лариса молчит.

Ну, скажите, будьте откровенны!

Лариса. Конечно да. Нечего и спрашивать.

Паратов *(нежно целует руку Ларисы)*. Благодарю вас, благодарю.

Лариса. Вам только и нужно было: вы — человек гордый.

Паратов. Уступить вас я могу, я должен по обстоятельствам; но любовь вашу уступить было бы тяжело.

Лариса. Неужели?

Паратов. Если бы вы предпочли мне кого-нибудь, вы оскорбили бы меня глубоко, и я нелегко бы простил вам это.

Лариса. А теперь?

Паратов. А теперь я во всю жизнь сохраню самое приятное воспоминание о вас, и мы расстанемся, как лучшие друзья.

Лариса. Значит, пусть женщина плачет, страдает, только бы любила вас?

Паратов. Что делать, Лариса Дмитриевна! В любви равенства нет, это уж не мной заведено. В любви приходится иногда и поплакать.

Лариса. И непременно женщине?

Паратов. Уж разумеется, не мужчине.

Лариса. Да почему?

Паратов. Очень просто; потому что если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобрести ум человеческий.

Лариса. Кабы любовь-то была равная с обеих сторон, так слез-то бы не было. Бывает это когда-нибудь?

Паратов. Изредка случается. Только уж это какое-то кондитерское пирожное выходит, какое-то безе.

Лариса. Сергей Сергеич, я сказала вам то, чего не должна была говорить; я надеюсь, что вы не употребите во зло моей откровенности.

Паратов. Помилуйте, за кого же вы меня принимаете! Если женщина свободна, ну, тогда другой разговор… Я, Лариса Дмитриевна, человек с правилами, брак для меня дело священное. Я этого вольнодумства терпеть не могу. Позвольте узнать: ваш будущий супруг, конечно, обладает многими достоинствами?

Лариса. Нет, одним только.

Паратов. Немного.

Лариса. Зато дорогим.

Паратов. А именно?

Лариса. Он любит меня.

Паратов. Действительно дорогим; это для домашнего обихода очень хорошо.

Входят Огудалова и Карандышев.

Явление девятое

Паратов, Лариса, Огудалова, Карандышев, потом лакей.

Огудалова. Позвольте вас познакомить, госпо-

да! *(Паратову.)* Юлий Капитоныч Карандышев. *(Карандышеву.)* Сергей Сергеич Паратов.

Паратов *(подавая руку Карандышеву).* Мы уже знакомы. *(Кланяясь.)* Человек с большими усами и малыми способностями. Прошу любить и жаловать. Старый друг Хариты Игнатьевны и Ларисы Дмитриевны.

Карандышев *(сдержанно).* Очень приятно.

Огудалова. Сергей Сергеич у нас в доме как родной.

Карандышев. Очень приятно.

Паратов *(Карандышеву).* Вы не ревнивы?

Карандышев. Я надеюсь, что Лариса Дмитриевна не подаст мне никакого повода быть ревнивым.

Паратов. Да ведь ревнивые люди ревнуют без всякого повода.

Лариса. Я ручаюсь, что Юлий Капитоныч меня ревновать не будет.

Карандышев. Да, конечно; но если бы…

Паратов. О да, да. Вероятно, это было бы что-нибудь очень ужасное.

Огудалова. Что вы, господа, затеяли! Разве нет других разговоров, кроме ревности!

Лариса. Мы, Сергей Сергеич, скоро едем в деревню.

Паратов. От прекрасных здешних мест?

Карандышев. Что же вы находите здесь прекрасного?

Паратов. Ведь это как кому; на вкус, на цвет образца нет.

Огудалова. Правда, правда. Кому город нравится, а кому деревня.

Паратов. Тетенька, у всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой свиной хрящик.

Огудалова. Ах, проказник! Откуда вы столько пословиц знаете?

Паратов. С бурлаками водился, тетенька, так русскому языку выучишься.

Карандышев. У бурлаков учиться русскому языку?

Паратов. А почему ж у них не учиться?

Карандышев. Да потому, что мы считаем их…

Паратов. Кто это мы?

Карандышев *(разгорячась).* Мы, то есть образованные люди, а не бурлаки.

Паратов. Ну-с, чем же вы считаете бурлаков? Я судохозяин и вступаюсь за них; я сам такой же бурлак.

Карандышев. Мы считаем их образцом грубости и невежества.

Паратов. Ну, далее, господин Карандышев!

Карандышев. Все, больше нечего.

Паратов. Нет, не все, главного недостает: вам нужно просить извинения.

Карандышев. Мне — извиняться!

Паратов. Да, уж нечего делать, надо.

Карандышев. Да с какой стати? Это мое убеждение.

Паратов. Но-но-но-но! Отвилять нельзя.

Огудалова. Господа, господа, что вы!

Паратов. Не беспокойтесь, я за это на дуэль не вызову: ваш жених цел останется; я только поучу его. У меня правило: никому ничего не прощать; а то страх забудут, забываться станут.

Лариса *(Карандышеву).* Что вы делаете? Просите извинения сейчас, я вам приказываю.

Паратов *(Огудаловой).* Кажется, пора меня знать. Если я кого хочу поучить, так на неделю дома запираюсь да казнь придумываю.

Карандышев *(Паратову).* Я не понимаю…

Паратов. Так выучитесь прежде понимать, да потом и разговаривайте!

Огудалова. Сергей Сергеич, я на колени брошусь перед вами; ну, ради меня, извините его!

Паратов *(Карандышеву).* Благодарите Хариту Игнатьевну. Я вас прощаю. Только, мой родной, разбирайте людей! Я еду-еду, не свищу, а наеду

— не спущу.

Карандышев хочет отвечать.

Огудалова. Не возражайте, не возражайте! А то я с вами поссорюсь. Лариса, вели шампанского подать да налей им по стаканчику — пусть выпьют мировую.

Лариса уходит.

И уж, господа, пожалуйста, не ссорьтесь больше. Я женщина мирного характера; я люблю, чтоб все дружно было, согласно.

Паратов. Я сам мирного характера, курицы не обижу, я никогда первый не начну; за себя я вам ручаюсь.

Огудалова. Юлий Капитоныч, вы — еще молодой человек, вам надо быть поскромнее, горячиться не следует. Извольте-ка вот пригласить Сергея Сергеича на обед, извольте непременно! Нам очень приятно быть с ним вместе.

Карандышев. Я и сам хотел. Сергей Сергеич, угодно вам откушать у меня сегодня?

Паратов *(холодно).* С удовольствием.

Входит Лариса, за ней человек с бутылкой шампанского в руках и стаканами на подносе.

Лариса *(наливает).* Господа, прошу покорно.

Паратов и Карандышев берут стаканы.

Прошу вас быть друзьями.

Паратов. Ваша просьба для меня равняется приказу.

Огудалова *(Карандышеву).* Вот и вы берите пример с Сергея Сергеича!

Карандышев. Про меня нечего и говорить: для меня каждое слово Ларисы Дмитриевны — закон.

Входит Вожеватов.

Явление десятое

Огудалова, Лариса, Паратов, Карандышев, Вожеватов, потом Робинзон.

Вожеватов. Где шампанское, там и мы. Каково чутье! Харита Игнатьевна, Лариса Дмитриевна, позвольте белокурому в комнату войти!

Огудалова. Какому белокурому?

Вожеватов. Сейчас увидите. Войди, белокур!

Робинзон входит.

Честь имею представить вам нового друга моего: лорд Робинзон.

Огудалова. Очень приятно.

Вожеватов *(Робинзону).* Целуй ручки!

Робинзон целует руки у Огудаловой и Ларисы.

Ну, милорд, теперь поди сюда!

Огудалова. Что это вы как командуете вашим другом?

Вожеватов. Он почти не бывал в дамском обществе, так застенчив. Все больше путешествовал, и по воде, и по суше, а вот недавно совсем было одичал на необитаемом острове. *(Карандышеву.)* Позвольте вас познакомить! Лорд Робинзон, Юлий Капитоныч Карандышев!

Карандышев *(подавая руку Робинзону).* Вы уж давно выехали из Англии?

Робинзон. Yes (Йес) [21].

Вожеватов *(Паратову).* Я его слова три по-английски выучил, да, признаться, и сам-то не много больше знаю. *(Робинзону.)* Что ты на винато поглядываешь? Харита Игнатьевна, можно?

Огудалова. Сделайте одолжение.

Вожеватов. Англичане ведь целый день пьют вино, с утра.

Огудалова. Неужели вы целый день пьете?

Робинзон. Yes.

Вожеватов. Они три раза завтракают да потом обедают с шести часов до двенадцати.

Огудалова. Возможно ли?

Робинзон. Yes.

Вожеватов *(Робинзону).* Ну, наливай!

Робинзон *(налив стаканы).* If you please! (Иф ю

---

[21] Примечания: 21
Да *(англ.).*

плиз) [22]. *(Пьют.)*

Паратов *(Карандышеву).* Пригласите и его обедать! Мы с ним везде вместе, я без него не могу.

Карандышев. Как его зовут?

Паратов. Да кто ж их по имени зовет! Лорд, милорд…

Карандышев. Разве он лорд?

Паратов. Конечно не лорд; да они так любят. А то просто: сэр Робинзон.

Карандышев *(Робинзону).* Сэр Робинзон, прошу покорно сегодня откушать у меня.

Робинзон. I thank you (Ай сенк ю) [23].

Карандышев *(Огудаловой).* Харита Игнатьевна, я отправляюсь домой, мне нужно похлопотать кой о чем. *(Кланяясь всем.)* Я вас жду, господа. Честь имею кланяться. *(Уходит.)*

Паратов *(берет шляпу).* Да и нам пора, надо отдохнуть с дороги.

Вожеватов. К обеду приготовиться.

Огудалова. Погодите, господа, не все вдруг.

Огудалова и Лариса уходят за Карандышевым в переднюю.

---

[22] Примечания: 22
Пожалуйста! *(англ.)*

[23] Примечания: 23
Благодарю вас *(англ.).*

Явление одиннадцатое

Паратов, Вожеватов, Робинзон.

Вожеватов. Понравился вам жених?

Паратов. Чему тут нравиться! Кому он может нравиться! А еще разговаривает, гусь лапчатый.

Вожеватов. Разве было что?

Паратов. Был разговор небольшой. Топорщился тоже, как и человек, петушиться тоже вздумал. Да погоди, дружок, я над тобой, дружок, потешусь. *(Ударив себя по лбу.)* Ах, какая мысль блестящая! Ну, Робинзон, тебе предстоит работа трудная, старайся…

Вожеватов. Что такое?

Робинзон. Yes.

Паратов. А вот что… *(Прислушиваясь.)* Идут. После скажу, господа.

Входят Огудалова и Лариса.

Честь имею кланяться.

Вожеватов. До свидания! *(Раскланиваются.)*

Действие третье

Кабинет Карандышева. Комната, меблированная с претензиями, но без вкуса; на одной стене прибит над диваном ковер, на котором развешано оружие. Три двери: одна в середине, две по бокам.

Явление первое

Евфросинья Потаповна и Иван (выходят из двери налево).

Иван. Лимонов пожалуйте!

Евфросинья Потаповна. Каких лимонов, аспид?

Иван. Мессинских-с.

Евфросинья Потаповна. На что они тебе понадобились?

Иван. После обеда которые господа кофей кушают, а которые чай, так к чаю требуется.

Евфросинья Потаповна. Вымотали вы из меня всю душеньку нынче. Подай клюковного морсу, разве не все равно. Возьми там у меня графинчик; ты поосторожнее, графинчик-то старенький; пробочка и так еле держится, сургучиком подклеена. Пойдем, я сама выдам. *(Уходит в среднюю дверь,*

Иван за ней.)

Входят Огудалова и Лариса слева.

Явление второе

Огудалова, Лариса.

Лариса. Ах, мама, я не знала куда деться.

Огудалова. Я так и ожидала от него.

Лариса. Что за обед, что за обед! А еще зовет Мокия Парменыча! Что он делает?

Огудалова. Да, угостил, нечего сказать.

Лариса. Ах, как нехорошо! Нет хуже этого стыда, когда приходится за других стыдиться. Вот мы ни в чем не виноваты, а стыдно, стыдно, так бы убежала куда-нибудь. А он как будто не замечает ничего, он даже весел.

Огудалова. Да ему и заметить нельзя: он ничего не знает, он никогда и не видывал, как порядочные люди обедают. Он еще думает, что удивил всех своей роскошью, вот он и весел. Да разве ты не замечаешь? Его нарочно подпаивают.

Лариса. Ах, ах! Останови его, останови его!

Огудалова. Как остановить! Он — не малолетний, пора без няньки жить.

Лариса. Да ведь он не глуп, как же он не видит этого!

Огудалова. Не глуп, да самолюбив. Над ним под-

трунивают, вина похваливают, он и рад; сами-то только вид делают, что пьют, а ему подливают.

Лариса. Ах! Я боюсь, всего боюсь. Зачем они это делают?

Огудалова. Да так просто, позабавиться хотят.

Лариса. Да ведь они меня терзают-то!

Огудалова. А кому нужно, что ты терзаешься. Вот, Лариса, еще ничего не видя, а уж терзание; что дальше-то будет?

Лариса. Ах, дело сделано; можно только жалеть, а поправить нельзя.

Входит Евфросинья Потаповна.

Явление третье

Огудалова, Лариса и Евфросинья Потаповна.

Евфросинья Потаповна. Уж откушали? А чаю не угодно?

Огудалова. Нет, увольте.

Евфросинья Потаповна. А мужчины-то что?

Огудалова. Они там сидят, разговаривают.

Евфросинья Потаповна. Ну, покушали и вставали бы; чего еще дожидаются? Уж достался мне этот обед; что хлопот, что изъяну! Поварихи разбойники, в кухню-то точно какой победитель придет, слова ему сказать не смей!

Огудалова. Да об чем с ним разговаривать?

Коли он хороший повар, так учить его не надо.

Евфросинья Потаповна. Да не об ученье речь, а много очень добра изводят. Кабы свой материал, домашний, деревенский, так я бы слова не сказала; а то купленный, дорогой, так его и жалко. Помилуйте, требует сахару, ванилю, рыбьего клею; а ваниль этот дорогой, а рыбий клей еще дороже. Ну и положил бы чуточку для духу, а он валит зря; сердце-то и мрет, на него глядя.

Огудалова. Да, для расчетливых людей, конечно…

Евфросинья Потаповна. Какие тут расчеты, коли человек с ума сошел. Возьмем стерлядь: разве вкус-то в ней не один, что большая, что маленькая? А в цене-то разница, ох велика! Полтинничек десяток и за глаза бы, а он по полтиннику штуку платил.

Огудалова. Ну, этим, что были за обедом, еще погулять по Волге да подрасти бы не мешало.

Евфросинья Потаповна. Ах, да ведь, пожалуй, есть и в рубль, и в два; плати, у кого деньги бешеные. Кабы для начальника какого высокого или для владыки, ну, уж это так и полагается, а то для кого! Опять вино хотел было дорогое покупать в рубль и больше, да купец честный человек попался; берите, говорит, кругом по шести гривен

за бутылку, а ярлыки наклеим какие прикажете! Уж и вино отпустил! Можно сказать, что на чести. Попробовала я рюмочку, так и гвоздикой-то пахнет, и розаном пахнет, и еще чем-то. Как ему быть дешевым, когда в него столько дорогих духов кладется! И деньги немалые: шесть гривен за бутылку; а уж и стоит дать. А дороже платить не из чего, жалованьем живем. Вот у нас сосед женился, так к нему этого одного пуху: перин да подушек, возили-возили, возили-возили, да все чистого; потом пушного: лисица, и куница, и соболь! Все это в дом, так есть из чего ему тратиться. А вот рядом чиновник женился, так всего приданого привезли фортепьяны старые. Не разживешься. Все равно и нам форсить некстати.

Лариса *(Огудаловой).* Бежала б я отсюда куда глаза глядят.

Огудалова. Невозможно, к несчастию.

Евфросинья Потаповна. Да коли вам что не по себе, так пожалуйте ко мне в комнату; а то придут мужчины, накурят так, что не продохнешь. Что я стою-то! Бежать мне серебро сосчитать да запереть, нынче народ без креста.

Огудалова и Лариса уходят в дверь направо, Евфросинья Потаповна — в среднюю. Из двери налево выходят Паратов, Кнуров, Вожеватов.

Явление четвертое

Паратов, Кнуров и Вожеватов.

Кнуров. Я, господа, в клуб обедать поеду, я не ел ничего.

Паратов. Подождите, Мокий Парменыч!

Кнуров. Со мной в первый раз в жизни такой случай. Приглашают обедать известных людей, а есть нечего… Он человек глупый, господа.

Паратов. Мы не спорим. Надо ему отдать справедливость: он действительно глуп.

Кнуров. И сам прежде всех напился.

Вожеватов. Мы его порядочно подстроили.

Паратов. Да, я свою мысль привел в исполнение. Мне еще давеча в голову пришло: накатить его хорошенько и посмотреть, что выйдет.

Кнуров. Так у вас было это задумано?

Паратов. Мы прежде условились. Вот, господа, для таких случаев Робинзоны-то и дороги.

Вожеватов. Золото, а не человек.

Паратов. Чтобы напоить хозяина, надо самому пить с ним вместе, а есть ли возможность глотать эту микстуру, которую он вином величает. А Робинзон — натура выдержанная на заграничных винах ярославского производства, ему нипочем. Он пьет да похваливает, пробует то одно, то

другое, сравнивает, смакует с видом знатока, но без хозяина пить не соглашается; тот и попался. Человек непривычный, много ль ему надо, скорехонько и дошел до восторга.

Кнуров. Это забавно; только мне, господа, не шутя есть хочется.

Паратов. Еще успеете. Погодите немного, мы попросим Ларису Дмитриевну спеть что-нибудь.

Кнуров. Это другое дело. А где ж Робинзон?

Вожеватов. Они там еще допивают.

Входит Робинзон.

Явление пятое

Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон *(падая на диван).* Батюшки, помогите! Ну, Серж, будешь ты за меня Богу отвечать!

Паратов. Что ж ты, пьян, что ли?

Робинзон. Пьян! Разве я на это жалуюсь когда-нибудь? Кабы пьян, это бы прелесть что такое — лучше бы и желать ничего нельзя. Я с этим добрым намерением ехал сюда, да с этим добрым намерением и на свете живу. Это цель моей жизни.

Паратов. Что ж с тобой?

Робинзон. Я отравлен, я сейчас караул закричу.

Паратов. Да ты что пил-то больше, какое вино?

Робинзон. Кто ж его знает? Химик я, что ли! Ни один аптекарь не разберет.

Паратов. Да что на бутылке-то, какой этикет?

Робинзон. На бутылке-то «бургонское», а в бутылке-то «киндер-бальзам» какой-то. Не пройдет мне даром эта специя, уж я чувствую.

Вожеватов. Это случается: как делают вино, так переложат лишнее что-нибудь против пропорции. Ошибиться долго ли? Человек не машина. Мухоморов не переложили ли?

Робинзон. Что тебе весело! Человек погибает, а ты рад.

Вожеватов. Шабаш! Помирать тебе, Робинзон.

Робинзон. Ну, это вздор, помирать я не согласен… Ах! хоть бы знать, какое увечье-то от этого вина бывает.

Вожеватов. Один глаз лопнет непременно, ты так и жди.

За сценой голос Карандышева: «Эй, дайте нам бургонского!»

Робинзон. Ну вот, изволите слышать, опять бургонского! Спасите, погибаю! Серж, пожалей хоть ты меня. Ведь я в цвете лет, господа, я подаю большие надежды. За что ж искусство должно

лишиться…

Паратов. Да не плачь, я тебя вылечу; я знаю, чем помочь тебе; как рукой снимет.

Входит Карандышев с ящиком сигар.

Явление шестое

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон и Карандышев.

Робинзон *(взглянул на ковер).* Что это у вас такое?

Карандышев. Сигары.

Робинзон. Нет, что развешано-то? Бутафорские вещи?

Карандышев. Какие бутафорские вещи! Это турецкое оружие.

Паратов. Так вот кто виноват, что австрийцы турок одолеть не могут.

Карандышев. Как? Что за шутки! Помилуйте, что это за вздор! Чем я виноват?

Паратов. Вы забрали у них все дрянное, негодное оружие; вот они с горя хорошим английским и запаслись.

Вожеватов. Да, да, вот кто виноват! теперь нашлось. Ну, вам австрийцы спасибо не скажут.

Карандышев. Да чем оно негодное? Вот это пистолет, например. *(Снимает со стены писто-*

лет.)

Паратов *(берет у него пистолет).* Этот пистолет?

Карандышев. Ах, осторожнее, он заряжен.

Паратов. Не бойтесь! Заряжен ли он, не заряжен ли, опасность от него одинакова: он все равно не выстрелит. Стреляйте в меня в пяти шагах, я позволяю.

Карандышев. Ну, нет-с, и этот пистолет пригодиться может.

Паратов. Да, в стену гвозди заколачивать. *(Бросает пистолет на стол.)*

Вожеватов. Ну, нет, не скажите! По русской пословице: «На грех и из палки выстрелишь».

Карандышев *(Паратову).* Не угодно ли сигар?

Паратов. Да ведь, чай, дорогие? Рублей семь сотня, я думаю.

Карандышев. Да-с, около того: сорт высокий, очень высокий сорт.

Паратов. Я этот сорт знаю: Регалия капустиссима dos amigos, я его держу для приятелей, а сам не курю.

Карандышев *(Кнурову).* Не прикажете ли?

Кнуров. Не хочу я ваших сигар — свои курю.

Карандышев. Хорошенькие сигары, хорошенькие-с.

Кнуров. Ну а хорошие, так и курите сами.

Карандышев *(Вожеватову).* Вам не угодно ли?

Вожеватов. Для меня эти очень дороги; пожалуй, избалуешься. Не нашему носу рябину клевать: рябина — ягода нежная.

Карандышев. А вы, сэр Робинзон, курите?

Робинзон. Я-то? Странный вопрос! Пожалуйте пяточек! *(Выбирает пять штук, вынимает из кармана бумажку и тщательно завертывает.)*

Карандышев. Что же вы не закуриваете?

Робинзон. Нет, как можно! Эти сигары надо курить в природе, в хорошем местоположении.

Карандышев. Да почему же?

Робинзон. А потому, что если их закурить в порядочном доме, так, пожалуй, прибьют, чего я терпеть не могу.

Вожеватов. Не любишь, когда бьют?

Робинзон. Нет, с детства отвращение имею.

Карандышев. Какой он оригинал! А, господа, каков оригинал! Сейчас видно, что англичанин. *(Громко.)* А где наши дамы? *(Еще громче.)* Где дамы?

Входит Огудалова.

Явление седьмое

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Огудалова.

Огудалова. Дамы здесь, не беспокойтесь. *(Карандышеву тихо.)* Что вы делаете? Посмотрите вы на себя!

Карандышев. Я, помилуйте, я себя знаю. Посмотрите: все пьяны, а я только весел. Я счастлив сегодня, я торжествую.

Огудалова. Торжествуйте, только не так громко! *(Подходит к Паратову.)* Сергей Сергеич, перестаньте издеваться над Юлием Капитонычем! Нам больно видеть: вы обижаете меня и Ларису.

Паратов. Ах, тетенька, смею ли я!

Огудалова. Неужели вы еще не забыли давешнюю ссору? Как не стыдно!

Паратов. Что вы! Я, тетенька, не злопамятен. Да извольте, я для вашего удовольствия все это покончу одним разом. Юлий Капитоныч!

Карандышев. Что вам угодно?

Паратов. Хотите брудершафт со мной выпить?

Огудалова. Вот это хорошо. Благодарю вас!

Карандышев. Брудершафт, вы говорите? Извольте, с удовольствием.

Паратов *(Огудаловой).* Да попросите сюда Ларису Дмитриевну! Что она прячется от нас!

Огудалова. Хорошо, я приведу ее. *(Уходит.)*

Карандышев. Что же мы выпьем? Бургонского?

Паратов. Нет, уж от бургонского увольте! Я человек простой.

Карандышев. Так чего же?

Паратов. Знаете что: любопытно теперь нам с вами коньячку выпить. Коньяк есть?

Карандышев. Как не быть! У меня все есть. Эй, Иван, коньяку!

Паратов. Зачем сюда, мы там выпьем; только велите стаканчиков дать, я рюмок не признаю.

Робинзон. Что ж вы прежде не сказали, что у вас коньяк есть? Сколько дорогого времени-то потеряно!

Вожеватов. Как он ожил!

Робинзон. С этим напитком я обращаться умею, я к нему применился.

Паратов и Карандышев уходят в дверь налево.

Явление восьмое

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон *(глядит в дверь налево).* Погиб Карандышев. Я начал, а Серж его докончит. Наливают,

устанавливаются в позу; живая картина. Посмотрите, какая у Сержа улыбка! Совсем Бертрам. *(Поет из «Роберта».)* «Ты мой спаситель. — Я твой спаситель! — И покровитель. — И покровитель». Ну, проглотил. Целуются. *(Поет.)* «Как счастлив я! — Жертва моя!» Ай, уносит Иван коньяк, уносит! *(Громко.)* Что ты, что ты, оставь! Я его давно дожидаюсь. *(Убегает.)*

Из средней двери выходит Илья.

Явление девятое

Кнуров, Вожеватов, Илья, потом Паратов.

Вожеватов. Что тебе, Илья?

Илья. Да наши готовы, собрались совсем, на бульваре дожидаются. Когда ехать прикажете?

Вожеватов. Сейчас все вместе поедем, подождите немного!

Илья. Хорошо. Как прикажете, так и будет.

Входит Паратов.

Паратов. А, Илья, готовы?

Илья. Готовы, Сергей Сергеич.

Паратов. Гитара с тобой?

Илья. Не захватил, Сергей Сергеич.

Паратов. Гитару нужно, слышишь?

Илья. Сейчас сбегаю, Сергей Сергеич! *(Уходит.)*

Паратов. Я хочу попросить Ларису Дмитриевну

спеть нам что-нибудь, да и поедемте за Волгу.

Кнуров. Не весела наша прогулка будет без Ларисы Дмитриевны. Вот если бы… Дорого можно заплатить за такое удовольствие…

Вожеватов. Если бы Лариса Дмитриевна поехала, я бы, с радости, всех гребцов по рублю серебром оделил.

Паратов. Представьте, господа, я и сам о том же думаю; вот как мы сошлись.

Кнуров. Да есть ли возможность?

Паратов. На свете нет ничего невозможного, говорят философы.

Кнуров. А Робинзон, господа, лишний. Потешились и будет. Напьется он там до звериного образа — что хорошего! Эта прогулка — дело серьезное, он нам совсем не компания. *(Указывая в дверь.)* Вон он как к коньяку-то прильнул.

Вожеватов. Так не брать его.

Паратов. Увяжется как-нибудь.

Вожеватов. Погодите, господа, я от него отделаюсь. *(В дверь.)* Робинзон!

Входит Робинзон.

Явление десятое

Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон. Что тебе?

Вожеватов *(тихо).* Хочешь ехать в Париж?

Робинзон. Как в Париж, когда?

Вожеватов. Сегодня вечером.

Робинзон. А мы за Волгу сбирались.

Вожеватов. Как хочешь; поезжай за Волгу, а я в Париж.

Робинзон. Да ведь у меня паспорта нет.

Вожеватов. Это уж мое дело.

Робинзон. Я пожалуй.

Вожеватов. Так отсюда мы поедем вместе; я тебя завезу домой к себе; там и жди меня, отдохни, усни. Мне нужно заехать по делам места в два.

Робинзон. А интересно бы и цыган послушать.

Вожеватов. А еще артист! Стыдись! Цыганские песни — ведь это невежество. То ли дело итальянская опера или оперетка веселенькая! Вот что тебе надо слушать. Чай, сам играл.

Робинзон. Еще бы! Я в «Птичках певчих»[24] играл.

Вожеватов. Кого?

Робинзон. Нотариуса.

Вожеватов. Ну, как же такому артисту да в Париже не побывать! После Парижа тебе какая цена-то будет!

---

[24] Примечания: 24

Имеется в виду оперетта «Перикола» Жака Оффенбаха.

Робинзон. Руку!

Вожеватов. Едешь?

Робинзон. Еду.

Вожеватов *(Паратову).* Как он тут пел из «Роберта»! Что за голос!

Паратов. А вот мы с ним в Нижнем на ярмарке дел наделаем.

Робинзон. Еще поеду ли я, спросить надо.

Паратов. Что так?

Робинзон. Невежества я и без ярмарки довольно вижу.

Паратов. Ого, как он поговаривать начал!

Робинзон. Нынче образованные люди в Европу ездят, а не по ярмаркам шатаются.

Паратов. Какие же государства и какие города Европы вы осчастливить хотите?

Робинзон. Конечно, Париж, я уж туда давно собираюсь.

Вожеватов. Мы с ним сегодня вечером едем.

Паратов. А, вот что! Счастливого пути! В Париж тебе действительно надо ехать. Там только тебя и недоставало. А где ж хозяин?

Робинзон. Он там, он говорит, что сюрприз нам готовит.

Входят справа Огудалова и Лариса, слева Карандышев и Иван.

Явление одиннадцатое

Огудалова, Лариса, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев, Иван, потом Илья и Евфросинья Потаповна.

Паратов *(Ларисе).* Что вы нас покинули?

Лариса. Мне что-то нездоровится.

Паратов. А мы сейчас с вашим женихом брудершафт выпили. Теперь уж друзья навек.

Лариса. Благодарю вас. *(Жмет руку Паратову.)* Карандышев *(Паратову).* Серж!

Паратов *(Ларисе).* Вот видите, какая короткость! *(Карандышеву.)* Что тебе?

Карандышев. Тебя кто-то спрашивает.

Паратов. Кто там?

Иван. Цыган Илья.

Паратов. Так зови его сюда.

Иван уходит.

Господа, извините, что я приглашаю Илью в наше общество. Это мой лучший друг. Где принимают меня, там должны принимать и моих друзей. Это мое правило.

Вожеватов *(Ларисе тихо).* Я новую песенку знаю.

Лариса. Хорошая?

Вожеватов. Бесподобная! «Веревьюшки вере-

вью, на барышне башмачки».

Лариса. Это забавно.

Вожеватов. Я вас выучу.

Входит Илья с гитарой.

Паратов *(Ларисе).* Позвольте, Лариса Дмитриевна, попросить вас осчастливить нас! Спойте нам какой-нибудь романс или песенку! Я вас целый год не слыхал, да, вероятно, и не услышу уж более.

Кнуров. Позвольте и мне повторить ту же просьбу!

Карандышев. Нельзя, господа, нельзя. Лариса Дмитриевна не станет петь.

Паратов. Да почем ты знаешь, что не станет? А может быть, и станет.

Лариса. Извините, господа, я и не расположена сегодня, и не в голосе.

Кнуров. Что-нибудь, что вам угодно!

Карандышев. Уж коли я говорю, что не станет, так не станет.

Паратов. А вот посмотрим. Мы попросим хорошенько, на колени станем.

Вожеватов. Это я сейчас, я человек гибкий.

Карандышев. Нет, нет, и не просите, нельзя; я запрещаю.

Огудалова. Что вы! Запрещайте тогда, когда

будете иметь право, а теперь еще погодите запрещать, рано.

Карандышев. Нет, нет! Я положительно запрещаю.

Лариса. Вы запрещаете? Так я буду петь, господа.

Карандышев, надувшись, отходит в угол и садится.

Паратов. Илья!

Илья. Что будем петь, барышня?

Лариса. «Не искушай».

Илья *(подстраивая гитару).* Вот третий голос надо! Ах, беда! Какой тенор был! От своей от глупости. *(Поют в два голоса.)*

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей!
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.

Романс «Не искушай меня без нужды…» (слова известного поэта пушкинской поры Е. А. Баратынского) звучит в пьесе неоднократно, подсвечивая одну из главных тем «Бесприданницы» – тему искушения и наказания. Главный иску-

ситель – это Паратов, уговаривающий Ларису плыть на «ту сторону». Но есть и другие искусители: Вожеватов, который обещает Робинзону поездку в Париж, но обманывает его; Кнуров, который соблазняет Ларису красивой жизнью. И только Лариса отличается от остальных персонажей прямотой в обращении с людьми.

Все различным образом выражают восторг. Паратов сидит, запустив руки в волосы. Во втором куплете слегка пристает Робинзон.

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не хочу предаться вновь
Раз обманувшим сновиденьям.

Илья *(Робинзону).* Вот спасибо, барин. Выручил.

Кнуров *(Ларисе).* Велико наслаждение видеть вас, а еще больше наслаждения слушать вас.

Паратов *(с мрачным видом).* Мне кажется, я с ума сойду. *(Целует руку Ларисы.)*

Вожеватов. Послушать да и умереть — вот оно что! *(Карандышеву.)* А вы хотели лишить нас этого удовольствия.

Карандышев. Я, господа, не меньше вашего восхищаюсь пением Ларисы Дмитриевны. Мы сейчас выпьем шампанского за ее здоровье.

Вожеватов. Умную речь приятно и слышать.

Карандышев *(громко).* Подайте шампанского!

Огудалова *(тихо).* Потише! Что вы кричите!

Карандышев. Помилуйте, я у себя дома. Я знаю, что делаю. *(Громко.)* Подайте шампанского!

Входит Евфросинья Потаповна.

Евфросинья Потаповна. Какого тебе еще шампанского? Поминутно то того, то другого.

Карандышев. Не мешайтесь не в свое дело! Исполняйте, что вам приказывают!

Евфросинья Потаповна. Так поди сам! А уж я ноги отходила; я еще, может быть, не евши с утра. *(Уходит.)*

Карандышев идет в дверь налево.

Огудалова. Послушайте, Юлий Капитоныч!.. *(Уходит за Карандышевым.)*

Паратов. Илья, поезжай! чтоб катера были готовы! Мы сейчас приедем.

Илья уходит в среднюю дверь.

Вожеватов *(Кнурову).* Оставим его одного с Ларисой Дмитриевной. *(Робинзону.)* Робинзон, смотри, Иван коньяк-то убирает.

Робинзон. Да я его убью. Мне легче с жизнью

расстаться!

Уходят налево Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Явление двенадцатое

Лариса и Паратов.

Паратов. Очаровательница! *(Страстно глядит на Ларису.)* Как я проклинал себя, когда вы пели!

Лариса. За что?

Паратов. Ведь я не дерево; потерять такое сокровище, как вы, разве легко?

Лариса. Кто ж виноват?

Паратов. Конечно я, и гораздо более виноват, чем вы думаете. Я должен презирать себя.

Лариса. За что же, скажите!

Паратов. Зачем я бежал от вас! На что променял вас?

Лариса. Зачем же вы это сделали?

Паратов. Ах, зачем! Конечно, малодушие. Надо было поправить свое состояние. Да бог с ним, с состоянием! Я проиграл больше, чем состояние, я потерял вас; я и сам страдаю, и вас заставил страдать.

Лариса. Да, надо правду сказать, вы надолго отравили мою жизнь.

Паратов. Погодите, погодите винить меня! Я еще не совсем опошлился, не совсем огрубел;

во мне врожденного торгашества нет; благородные чувства еще шевелятся в душе моей. Еще несколько таких минут, да… еще несколько таких минут…

Лариса *(тихо).* Говорите!

Паратов. Я брошу все расчеты, и уж никакая сила не вырвет вас у меня; разве вместе с моей жизнью.

Лариса. Чего же вы хотите?

Паратов. Видеть вас, слушать вас… Я завтра уезжаю.

Лариса *(опустя голову).* Завтра.

Паратов. Слушать ваш очаровательный голос, забывать весь мир и мечтать об одном блаженстве.

Лариса *(тихо).* О каком?

Паратов. О блаженстве быть рабом вашим, быть у ваших ног.

Лариса. Но как же?

Паратов. Послушайте: мы едем всей компанией кататься по Волге на катерах — поедемте!

Лариса. Ах, а здесь? Я не знаю, право… Как же здесь?

Паратов. Что такое «здесь»? Сюда сейчас приедут: тетка Карандышева, барыни в крашеных шелковых платьях; разговор будет о соленых

грибах.

Лариса. Когда же ехать?

Паратов. Сейчас.

Лариса. Сейчас?

Паратов. Сейчас или никогда.

Лариса. Едемте.

Паратов. Как, вы решаетесь ехать за Волгу?

Лариса. Куда вам угодно.

Паратов. С нами, сейчас?

Лариса. Когда вам угодно.

Паратов. Ну, признаюсь, выше и благородней этого я ничего и вообразить не могу. Очаровательное создание! Повелительница моя!

Лариса. Вы — мой повелитель.

Входят: Огудалова, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Иван с подносом, на котором стаканы шампанского.

Явление тринадцатое

Огудалова, Лариса, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Карандышев и Иван.

Паратов *(Кнурову и Вожеватову).* Она поедет.

Карандышев. Господа, я предлагаю тост за Ларису Дмитриевну. *(Все берут стаканы.)* Господа, вы сейчас восхищались талантом Ларисы Дмитриевны. Ваши похвалы для нее не новость;

с детства она окружена поклонниками, которые восхваляют ее в глаза при каждом удобном случае. Да-с, талантов у нее действительно много. Но не за них я хочу похвалить ее. Главное неоцененное достоинство Ларисы Дмитриевны — то, господа… то, господа…

Вожеватов. Спутается.

Паратов. Нет, вынырнет, выучил.

Карандышев. То, господа, что она умеет ценить и выбирать людей. Да-с, Лариса Дмитриевна знает, что не все то золото, что блестит. Она умеет отличать золото от мишуры. Много блестящих молодых людей окружало ее; но она мишурным блеском не прельстилась. Она искала для себя человека не блестящего, а достойного…

Паратов *(одобрительно).* Браво, браво!

Карандышев. И выбрала…

Паратов. Вас! Браво! браво!

Вожеватов и **Робинзон**. Браво, браво!

Карандышев. Да, господа, я не только смею, я имею право гордиться и горжусь. Она меня поняла, оценила и предпочла всем. Извините, господа, может быть, не всем это приятно слышать; но я счел своим долгом поблагодарить публично Ларису Дмитриевну за такое лестное для меня предпочтение. Господа, я сам пью и предлагаю

выпить за здоровье моей невесты!

Паратов, **Вожеватов** и **Робинзон**. Ура!

Паратов *(Карандышеву).* Еще есть вино-то?

Карандышев. Разумеется, есть; как же не быть? Что ты говоришь? Уж я достану.

Паратов. Надо еще тост выпить.

Карандышев. Какой?

Паратов. За здоровье счастливейшего из смертных, Юлия Капитоныча Карандышева.

Карандышев. Ах, да. Так ты предложишь? Ты и предложи, Серж! А я пойду похлопочу; я достану. *(Уходит.)*

Кнуров. Ну, хорошенького понемножку. Прощайте. Я заеду закушу и сейчас же на сборный пункт. *(Кланяется дамам.)*

Вожеватов *(указывая среднюю дверь).* Здесь пройдите, Мокий Парменыч. Тут прямо выход в переднюю, никто вас и не увидит…

Кнуров уходит.

Паратов *(Вожеватову).* И мы сейчас едем. *(Ларисе.)* Собирайтесь!

Лариса уходит направо.

Вожеватов. Не дождавшись тоста?

Паратов. Так лучше.

Вожеватов. Да чем же?

Паратов. Смешнее.

Выходит Лариса с шляпкой в руках.

Вожеватов. И то смешнее. Робинзон! Едем.

Робинзон. Куда?

Вожеватов. Домой, сбираться в Париж.

Робинзон и Вожеватов раскланиваются и уходят.

Паратов *(Ларисе тихо).* Едем! *(Уходит.)*

Лариса *(Огудаловой).* Прощай, мама!

Огудалова. Что ты! Куда ты?

Лариса. Или тебе радоваться, мама, или ищи меня в Волге.

Огудалова. Бог с тобой! Что ты!

Лариса. Видно, от своей судьбы не уйдешь! *(Уходит.)*

Огудалова. Вот наконец до чего дошло: всеобщее бегство! Ах, Лариса!.. Догонять мне ее иль нет? Нет, зачем!.. Что бы там ни было, все-таки кругом нее люди… А здесь, хоть и бросить, так потеря не велика.

Входят Карандышев и Иван с бутылкой шампанского.

Явление четырнадцатое

Огудалова, Карандышев, Иван, потом Евфросинья Потаповна.

Карандышев. Я, господа… *(Оглядывает ком-*

нату.) Где ж они? Уехали? Вот это учтиво, нечего сказать! Ну, да тем лучше! Однако когда ж они успели? И вы, пожалуй, уедете? Нет, уж вы-то с Ларисой Дмитриевной погодите! Обиделись? Понимаю! Ну и прекрасно. И мы останемся в тесном семейном кругу… А где же Лариса Дмитриевна? *(У двери направо.)* Тетенька, у вас Лариса Дмитриевна?

Евфросинья Потаповна *(входя).* Никакой у меня твоей Ларисы Дмитриевны нет.

Карандышев. Однако что ж это такое, в самом деле! Иван, куда девались все господа и Лариса Дмитриевна?

Иван. Лариса Дмитриевна, надо полагать, с господами вместе уехали… Потому как господа за Волгу сбирались, вроде как пикник у них.

Карандышев. Как за Волгу?

Иван. На катерах-с. И посуда, и вина, все от нас пошло-с; еще давеча отправили; ну и прислуга — все как следует-с.

Карандышев *(садится и хватается за голову).* Ах, что же это, что же это!

Иван. И цыгане, и музыка с ними — все как следует.

Карандышев *(с горячностью).* Харита Игнатьевна, где ваша дочь? Отвечайте мне, где ваша

дочь?

Огудалова. Я к вам привезла дочь, Юлий Капитоныч; вы мне скажите, где моя дочь!

Карандышев. И все это преднамеренно — все вы вперед сговорились… *(Со слезами.)* Жестоко, бесчеловечно жестоко!

Огудалова. Рано было торжествовать-то!

Карандышев. Да, это смешно… Я смешной человек… Я знаю сам, что я смешной человек. Да разве людей казнят за то, что они смешны? Я смешон — ну, смейся надо мной, смейся в глаза! Приходите ко мне обедать, пейте мое вино и ругайтесь, смейтесь надо мной — я того стою. Но разломать грудь у смешного человека, вырвать сердце, бросить под ноги и растоптать его! Ох, ох! Как мне жить! Как мне жить!

Евфросинья Потаповна. Да полно ты, перестань! Не о чем сокрушаться-то!

Карандышев. И ведь это не разбойники, это почтенные люди… Это всё приятели Хариты Игнатьевны.

Огудалова. Я ничего не знаю.

Карандышев. Нет, у вас одна шайка, вы все заодно. Но знайте, Харита Игнатьевна, что и самого кроткого человека можно довести до бешенства. Не все преступники — злодеи, и смирный чело-

век решится на преступление, когда ему другого выхода нет. Если мне на белом свете остается только или повеситься от стыда и отчаяния, или мстить, так уж я буду мстить. Для меня нет теперь ни страха, ни закона, ни жалости; только злоба лютая и жажда мести душат меня. Я буду мстить каждому из них, каждому, пока не убьют меня самого. *(Схватывает со стола пистолет и убегает.)*

Огудалова. Что он взял-то?

Иван. Пистолет.

Огудалова. Беги, беги за ним, кричи, чтоб остановили.

Действие четвертое

Декорация 1-го действия, светлая летняя ночь.

Явление первое

Робинзон с мазиком в руках и Иван. Выходят из кофейной.

Иван. Мазик-то пожалуйте!

Робинзон. Не отдам. Ты играй со мной! Отчего ты не играешь?

Иван. Да как же играть с вами, когда вы денег не платите!

Робинзон. Я после отдам. Мои деньги у Василия Данилыча, он их увез с собой. Разве ты не веришь?

Иван. Как же вы это с ними на пикник не поехали?

Робинзон. Я заснул; а он не посмел меня беспокоить, будить, ну и уехал один. Давай играть!

Иван. Нельзя-с, игра не равна; я ставлю деньги, а вы нет; выигрываете — берете, а проигрываете — не отдаете. Ставьте деньги-с!

Робинзон. Что ж, разве мне кредиту нет? Это странно! Я первый город такой вижу; я везде, по

всей России все больше в кредит.

Иван. Это я оченно верю-с. Коли спросить чего угодно, мы подадим; знавши Сергея Сергеича и Василия Данилыча, какие они господа, мы обязаны для вас кредит сделать-с; а игра денег требует-с.

Робинзон. Так бы ты и говорил. Возьми мазик и дай мне бутылку… чего бы?..

Иван. Портвейн есть недурен-с.

Робинзон. Я ведь дешевого не пью.

Иван. Дорогого подадим-с.

Робинзон. Да вели мне приготовить… знаешь, этого… как оно…

Иван. Дупелей зажарить можно; не прикажете ли?

Робинзон. Да, вот именно дупелей.

Иван. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Робинзон. Они пошутить захотели надо мной; ну и прекрасно, и я пошучу над ними. Я, с огорчения, задолжаю рублей двадцать, пусть расплачиваются. Они думают, что мне общество их очень нужно, — ошибаются; мне только бы кредит; а то и один не соскучусь, я и solo могу разыграть очень веселое. К довершению удовольствия, денег бы занять…

Входит Иван с бутылкой.

Иван *(ставит бутылку).* Дупеля заказаны-с.

Робинзон. Я здесь театр снимаю.

Иван. Дело хорошее-с.

Робинзон. Не знаю, кому буфет сдать. Твой хозяин не возьмет ли?

Иван. Отчего не взять-с!

Робинзон. Только у меня — чтоб содержать исправно! И, для верности, побольше задатку сейчас же!

Иван. Нет, уж он учен, задатку не дает: его так-то уж двое обманули.

Робинзон. Уж двое? Да, коли уж двое…

Иван. Так третьему не поверит.

Робинзон. Какой народ! Удивляюсь. Везде поспеют; где можно взять, все уж взято, непочатых мест нет. Ну, не надо, не нуждаюсь я в нем. Ты ему не говори ничего, а то он подумает, что и я хочу обмануть; а я горд.

Иван. Да-с, оно, конечно… А как давеча господин Карандышев рассердились, когда все гости вдруг уехали! Очень гневались, даже убить кого-то хотели, так с пистолетом и ушли из дому.

Робинзон. С пистолетом? Это нехорошо.

Иван. Хмельненьки были; я полагаю, что это у них постепенно пройдет-с. Они по бульвару раза два проходили… да вон и сейчас идут.

Робинзон *(оробев).* Ты говоришь, с пистолетом? Он кого убить-то хотел — не меня ведь?

Иван. Уж не могу вам сказать. *(Уходит.)*

Входит Карандышев. Робинзон старается спрятаться за бутылку.

Явление второе

Робинзон, Карандышев, потом Иван.

Карандышев *(подходит к Робинзону).* Где ваши товарищи, господин Робинзон?

Робинзон. Какие товарищи? У меня нет товарищей.

Карандышев. А те господа, которые обедали у меня с вами вместе?

Робинзон. Какие ж это товарищи! Это так… мимолетное знакомство.

Карандышев. Так не знаете ли, где они теперь?

Робинзон. Не могу сказать, я стараюсь удалять-ся от этой компании; я человек смирный, знаете ли… семейный…

Карандышев. Вы семейный?

Робинзон. Очень семейный… Для меня тихая семейная жизнь выше всего; а неудовольствие какое или ссора — это боже сохрани; я люблю и побеседовать, только чтоб разговор умный,

учтивый, об искусстве, например... Ну, с благородным человеком, вот как вы, можно и выпить немножко. Не прикажете ли?

Карандышев. Не хочу.

Робинзон. Как угодно. Главное дело, чтобы неприятности не было.

Карандышев. Да вы должны же знать, где они.

Робинзон. Кутят где-нибудь: что ж им больше-то делать!

Карандышев. Говорят, они за Волгу поехали?

Робинзон. Очень может быть.

Карандышев. Вас не звали с собой?

Робинзон. Нет, я человек семейный.

Карандышев. Когда ж они воротятся?

Робинзон. Уж это они и сами не знают, я думаю. К утру вернутся.

Карандышев. К утру?

Робинзон. Может быть, и раньше.

Карандышев. Все-таки надо подождать; мне кой с кем из них объясниться нужно.

Робинзон. Коли ждать, так на пристани; зачем они сюда пойдут! С пристани они прямо домой проедут. Чего им еще? Чай, и так сыты.

Карандышев. Да на какой пристани? Пристаней у нас много.

Робинзон. Да на какой угодно, только не здесь;

здесь их не дождетесь.

Карандышев. Ну, хорошо, я пойду на пристань. Прощайте! *(Подает руку Робинзону.)* Не хотите ли проводить меня?

Робинзон. Нет, помилуйте, я человек семейный.

Карандышев уходит.

Иван, Иван!

Входит Иван.

Накрой мне в комнате и вино перенеси туда!

Иван. В комнате, сударь, душно. Что за неволя!

Робинзон. Нет, мне на воздухе вечером вредно; доктор запретил. Да если этот барин спрашивать будет, так скажи, что меня нет. *(Уходит в кофейную.)*

Из кофейной выходит Гаврило.

Явление третье

Гаврило и Иван.

Гаврило. Ты смотрел за Волгу? Не видать наших?

Иван. Должно быть, приехали.

Гаврило. Что так?

Иван. Да под горой шум, эфиопы загалдели. *(Берет со стола бутылку и уходит в кофейную.)*

Входят Илья и хор цыган.

Явление четвертое

Гаврило, Илья, цыгане и цыганки.

Гаврило. Хорошо съездили?

Илья. И, хорошо! Так хорошо, не говори!

Гаврило. Господа веселы?

Илья. Разгулялись, важно разгулялись, дай бог на здоровье! Сюда идут; всю ночь, гляди, прогуляют.

Гаврило *(потирая руки).* Так ступайте, усаживайтесь! Женщинам велю чаю подать, а вы к буфету — закусите!

Илья. Старушкам к чаю-то ромку вели — любят.

Илья, цыгане и цыганки, Гаврило уходят в кофейную. Входят Кнуров и Вожеватов.

Явление пятое

Кнуров и Вожеватов.

Кнуров. Кажется, драма начинается.

Вожеватов. Похоже.

Кнуров. Я уж у Ларисы Дмитриевны слезки видел.

Вожеватов. Да ведь у них дешевы.

Кнуров. Как хотите, а положение ее незавид-

ное.

Вожеватов. Дело обойдется как-нибудь.

Кнуров. Ну, едва ли.

Вожеватов. Карандышев посердится немножко, поломается, сколько ему надо, и опять тот же будет.

Кнуров. Да она-то не та же. Ведь чтоб бросить жениха чуть не накануне свадьбы, надо иметь основание. Вы подумайте: Сергей Сергеич приехал на один день, и она бросает для него жениха, с которым ей жить всю жизнь. Значит, она надежду имеет на Сергея Сергеича; иначе зачем он ей!

Вожеватов. Так вы думаете, что тут не без обмана, что он опять словами поманил ее?

Кнуров. Да непременно. И должно быть, обещания были определенные и серьезные; а то как бы она поверила человеку, который уж раз обманул ее!

Вожеватов. Мудреного нет; Сергей Сергеич ни над чем не задумается: человек смелый.

Кнуров. Да ведь как ни смел, а миллионную невесту на Ларису Дмитриевну не променяет.

Вожеватов. Еще бы! Что за расчет!

Кнуров. Так посудите, каково ей, бедной!

Вожеватов. Что делать-то! Мы не виноваты, наше дело сторона.

На крыльце кофейной показывается Робинзон.

Явление шестое

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Вожеватов. А, милорд! Что во сне видел?

Робинзон. Богатых дураков; то же, что и наяву вижу.

Вожеватов. Ну, как же ты, бедный умник, здесь время проводишь?

Робинзон. Превосходно. Живу в свое удовольствие и притом в долг, на твой счет. Что может быть лучше!

Вожеватов. Позавидуешь тебе. И долго ты намерен наслаждаться такой приятной жизнью?

Робинзон. Да ты чудак, я вижу. Ты подумай: какой же мне расчет отказываться от таких прелестей!

Вожеватов. Что-то я не помню: как будто я тебе открытого листа не давал?

Робинзон. Так ты в Париж обещал со мной ехать — разве это не все равно?

Вожеватов. Нет, не все равно! Что я обещал, то исполню; для меня слово — закон, что сказано, то свято. Ты спроси: обманывал ли я кого-нибудь?

Робинзон. А покуда ты сбираешься в Париж, не воздухом же мне питаться?

Вожеватов. Об этом уговору не было. В Париж хоть сейчас.

Робинзон. Теперь поздно; поедем, Вася, завтра.

Вожеватов. Ну, завтра так завтра. Послушай, вот что: поезжай лучше ты один, я тебе прогоны выдам взад и вперед.

Робинзон. Как один? Я дороги не найду.

Вожеватов. Довезут.

Робинзон. Послушай, Вася, я по-французски не совсем свободно… Хочу выучиться, да все времени нет.

Вожеватов. Да зачем тебе французский язык?

Робинзон. Как же, в Париже да по-французски не говорить?

Вожеватов. Да и не надо совсем, и никто там не говорит по-французски.

Робинзон. Столица Франции, да чтоб там по-французски не говорили! Что ты меня за дурака, что ли, считаешь?

Вожеватов. Да какая столица! Что ты, в уме ли? О каком Париже ты думаешь? Трактир у нас на площади есть «Париж», вот я куда хотел с тобой ехать.

Робинзон. Браво, браво!

Вожеватов. А ты полагал, в настоящий? Хоть бы ты немножко подумал. А еще умным челове-

ком считаешь себя! Ну, зачем я тебя туда возьму, с какой стати? Клетку, что ли, сделать да показывать тебя?

Робинзон. Хорошей ты школы, Вася, хорошей; серьезный из тебя негоциант выйдет.

Вожеватов. Да, ничего; я стороной слышал, одобряют.

Кнуров. Василий Данилыч, оставьте его! Мне нужно вам сказать кой-что.

Вожеватов *(подходя).* Что вам угодно?

Кнуров. Я все думал о Ларисе Дмитриевне. Мне кажется, она теперь находится в таком положении, что нам, близким людям, не только позволительно, но мы даже обязаны принять участие в ее судьбе.

Робинзон прислушивается.

Вожеватов. То есть вы хотите сказать, что теперь представляется удобный случай взять ее с собой в Париж?

Кнуров. Да, пожалуй, если угодно: это одно и то же.

Вожеватов. Так за чем же дело стало? Кто мешает?

Кнуров. Вы мне мешаете, а я вам. Может быть, вы не боитесь соперничества? Я тоже не очень опасаюсь; а все-таки неловко, беспокойно; гораз-

до лучше, когда поле чисто.

Вожеватов. Отступного я не возьму, Мокий Парменыч.

Кнуров. Зачем отступное? Можно иначе как-нибудь.

Вожеватов. Да вот, лучше всего. *(Вынимает из кармана монету и кладет под руку.)* Орел или решетка?

Кнуров *(в раздумье).* Если скажу: орел, так проиграю; орел, конечно, вы. *(Решительно).* Решетка.

Вожеватов *(поднимая руку).* Ваше. Значит, мне одному в Париж ехать. Я не в убытке; расходов меньше.

Кнуров. Только, Василий Данилыч, давши слово, держись; а не давши, крепись! Вы купец, вы должны понимать, что значит слово.

Вожеватов. Вы меня обижаете. Я сам знаю, что такое купеческое слово[25]. Ведь я с вами дело имею, а не с Робинзоном.

Кнуров. Вон Сергей Сергеич идет с Ларисой Дмитриевной. Войдемте в кофейную, не будем

---

[25] Примечания: 25

«Честное купеческое слово» — здесь шутка, оксюморон — соединение несоединимого. «Золотой век» купцов — это мир, где все продается и покупается, а уважение к человеку зависит лишь от его капитала. В таком мире не существует честного слова. Для Кнурова и Вожеватого «честное слово» — это обычная договоренность, сделка.

им мешать.

Кнуров и Вожеватов уходят в кофейную. Входят Паратов и Лариса.

Явление седьмое

Паратов, Лариса и Робинзон.

Лариса. Ах, как я устала. Я теряю силы, я насилу взошла на гору. *(Садится в глубине сцены на скамейку у решетки.)*

Паратов. А, Робинзон! Ну, что ж ты, скоро в Париж едешь?

Робинзон. С кем это? С тобой, ля Серж, куда хочешь, а уж с купцом я не поеду. Нет, с купцами кончено.

Паратов. Что так?

Робинзон. Невежи!

Паратов. Будто? Давно ли ты догадался?

Робинзон. Всегда знал. Я всегда за дворян.

Паратов. Это делает тебе честь, Робинзон. Но ты не по времени горд. Применяйся к обстоятельствам, бедный друг мой! Время просвещенных покровителей, время меценатов[26] прошло; теперь торжество буржуазии, теперь искусство на вес золота ценится, в полном смысле наступает

---

[26] Примечания: 26
Меценат — покровитель искусств.

золотой век. Но, уж не взыщи, подчас и ваксой напоят, и в бочке с горы, для собственного удовольствия, прокатят — на какого Медичиса[27] нападешь. Не отлучайся, ты мне будешь нужен!

В этих «наставлениях» Паратова Робинзону звучит критика автора, который разоблачает свой век как «золотой век» с «торжеством буржуазии». Но если в легендах «золотой век» – это эпоха всеобщего благоденствия, то в переосмыслении автора превращается в век денег, когда всем правят купцы вроде Паратова и Кнурова. В этом мире нет места любви (Лариса), уважению (Карандышев) и искусству (Робинзон) – «время меценатов прошло». И именно Лариса, Карандышев и Робинзон – главные жертвы «золотого века».

Робинзон. Для тебя в огонь и в воду. *(Уходит в кофейную.)*

Паратов *(Ларисе).* Позвольте теперь поблагода-

---

[27] Примечания: 27

Медичис — имеется в виду Медичи — богатая итальянская семья эпохи Возрождения. Эта фамилия стала нарицательной в смысле: богатый, но строптивый, придирчивый покровитель — в противовес меценату, доброму покровителю.

рить вас за удовольствие — нет, этого мало — за счастие, которое вы нам доставили.

Лариса. Нет, нет, Сергей Сергеич, вы мне фраз не говорите! Вы мне скажите только: что я — жена ваша или нет?

Паратов. Прежде всего, Лариса Дмитриевна, вам нужно ехать домой. Поговорить обстоятельно мы еще успеем завтра.

Лариса. Я не поеду домой.

Паратов. Но и здесь оставаться вам нельзя. Прокатиться с нами по Волге днем — это еще можно допустить; но кутить всю ночь в трактире, в центре города, с людьми, известными дурным поведением! Какую пищу вы дадите для разговоров.

Лариса. Что мне за дело до разговоров! С вами я могу быть везде. Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой.

Паратов. Вы поедете на моих лошадях — разве это не все равно?

Лариса. Нет, не все равно. Вы меня увезли от жениха, маменька видела, как мы уехали — она не будет беспокоиться, как бы поздно мы ни возвратились… Она покойна, она уверена в вас, она только будет ждать нас, ждать… чтоб благословить. Я должна или приехать с вами, или совсем

не являться домой.

Паратов. Что такое? Что значит: «совсем не являться»? Куда деться вам?

Лариса. Для несчастных людей много простора в божьем мире: вот сад, вот Волга. Здесь на каждом сучке удавиться можно, на Волге — выбирай любое место. Везде утопиться легко, если есть желание да сил достанет.

Паратов. Какая экзальтация! Вам можно жить и должно. Кто откажет вам в любви, в уважении! Да тот же ваш жених: он будет радехонек, если вы опять его приласкаете.

Лариса. Что вы говорите! Я мужа своего если уж не любить, так хоть уважать должна; а как могу я уважать человека, который равнодушно сносит насмешки и всевозможные оскорбления! Это дело кончено: он для меня не существует. У меня один жених: это вы.

Паратов. Извините, не обижайтесь на мои слова! Но едва ли вы имеете право быть так требовательны ко мне.

Лариса. Что вы говорите! Разве вы забыли? Так я вам опять повторяю все сначала. Я год страдала, год не могла забыть вас, жизнь стала для меня пуста; я решилась наконец выйти замуж за Карандышева, чуть не за первого встречного.

Я думала, что семейные обязанности наполнят мою жизнь и помирят меня с ней. Явились вы и говорите: «Брось все, я твой». Разве это не право? Я думала, что ваше слово искренно, что я его выстрадала.

Паратов. Все это прекрасно, и обо всем мы с вами потолкуем завтра.

Лариса. Нет, сегодня, сейчас.

Паратов. Вы требуете?

Лариса. Требую.

В дверях кофейной видны Кнуров и Вожеватов.

Паратов. Извольте. Послушайте, Лариса Дмитриевна! Вы допускаете мгновенное увлечение?

Лариса. Допускаю. Я сама способна увлечься.

Паратов. Нет, я не так выразился; допускаете ли вы, что человек, скованный по рукам и по ногам неразрывными цепями, может так увлечься, что забудет все на свете, забудет и гнетущую его действительность, забудет и свои цепи?

Лариса. Ну что же! И хорошо, что он забудет.

Паратов. Это душевное состояние очень хорошо, я с вами не спорю; но оно непродолжительно. Угар страстного увлечения скоро проходит, остаются цепи и здравый рассудок, который говорит, что этих цепей разорвать нельзя, что они неразрывны.

Лариса *(задумчиво).* Неразрывные цепи! *(Быстро.)* Вы женаты?

Паратов. Нет.

Лариса. А всякие другие цепи — не помеха! Будем носить их вместе, я разделю с вами эту ношу, большую половину тяжести я возьму на себя.

Паратов. Я обручен.

Лариса. Ах!

Паратов *(показывая обручальное кольцо).* Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь.

Лариса. Что же вы молчали? Безбожно, безбожно! *(Садится на стул).*

Паратов. Разве я в состоянии был помнить что-нибудь! Я видел вас, и ничего более для меня не существовало.

Лариса. Поглядите на меня!

Паратов смотрит на нее.

«В глазах, как на небе, светло…» Ха, ха, ха! *(Истерически смеется.)* Подите от меня! Довольно! Я уж сама об себе подумаю. *(Опирает голову на руки.)*

Кнуров, Вожеватов и Робинзон выходят на крыльцо кофейной.

Явление восьмое

Паратов, Лариса, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Паратов *(подходя к кофейной).* Робинзон, поди сыщи мою коляску! Она тут у бульвара. Ты свезешь Ларису Дмитриевну домой.

Робинзон. Ля Серж! Он тут, он ходит с пистолетом.

Паратов. Кто «он»?

Робинзон. Карандышев.

Паратов. Так что ж мне за дело!

Робинзон. Он меня убьет.

Паратов. Ну вот, велика важность! Исполняй, что приказываю! Без рассуждений! Я этого не люблю, Робинзон.

Робинзон. Я тебе говорю: как он увидит меня с ней вместе, он меня убьет.

Паратов. Убьет он тебя или нет — это еще неизвестно; а вот если ты не исполнишь сейчас же того, что я тебе приказываю, так я тебя убью уж наверное. *(Уходит в кофейную.)*

Робинзон *(грозя кулаком).* О варвары, о разбойники! Ну, попал я в компанию! *(Уходит.)*

Вожеватов подходит к Ларисе.

Лариса *(взглянув на Вожеватова).* Вася, я погибаю!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, голубушка моя! Что делать-то? Ничего не поделаешь.

Лариса. Вася, мы с тобой с детства знакомы,

почти родные; что мне делать — научи!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, уважаю я вас, и рад бы… я ничего не могу. Верьте моему слову!

Лариса. Да я ничего и не требую от тебя; я прошу только пожалеть меня. Ну, хоть поплачь со мной вместе!

Вожеватов. Не могу, ничего не могу.

Лариса. И у тебя тоже цепи?

Вожеватов. Кандалы, Лариса Дмитриевна.

Лариса. Какие?

Вожеватов. Честное купеческое слово. *(Отходит в кофейную.)*

Кнуров *(подходит к Ларисе).* Лариса Дмитриевна, выслушайте меня и не обижайтесь! У меня и в помышлении нет вас обидеть. Я только желаю вам добра и счастья, чего вы вполне заслуживаете. Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку?

Лариса отрицательно качает головой.

И полное обеспечение на всю жизнь?

Лариса молчит.

Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от

удивления.

Лариса поворачивает голову в другую сторону.

Я бы ни на одну минуту не задумался предложить вам руку, но я женат.

Лариса молчит.

Вы расстроены, я не смею торопить вас ответом. Подумайте! Если вам будет угодно благосклонно принять мое предложение, известите меня; и с той минуты я сделаюсь вашим самым преданным слугой и самым точным исполнителем всех ваших желаний и даже капризов, как бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможного мало. *(Почтительно кланяется и уходит в кофейную.)*

Явление девятое

Лариса одна.

Лариса. Я давеча смотрела вниз через решетку, у меня закружилась голова, и я чуть не упала. А если упасть, так, говорят… верная смерть. *(Подумав.)* Вот хорошо бы броситься! Нет, зачем бросаться!.. Стоять у решетки и смотреть вниз, закружится голова — и упадешь… Да, это лучше… в беспамятстве, ни боли… ничего не будешь чувствовать! *(Подходит к решетке и смотрит вниз. Нагибается, крепко хватается за решетку,*

потом с ужасом отбегает.) Ой, ой! Как страшно! *(Чуть не падает, хватается за беседку.)* Какое головокружение! Я падаю, падаю, ай! *(Садится у стола подле беседки.)* Ох, нет… *(Сквозь слезы.)* Расставаться с жизнью совсем не так просто, как я думала. Вот и нет сил! Вот я какая несчастная! А ведь есть люди, для которых это легко. Видно, уж тем совсем жить нельзя; их ничто не прельщает, им ничто не мило, ничего не жалко. Ах, что я!.. Да ведь и мне ничто не мило, и мне жить нельзя, и мне жить незачем! Что ж я не решаюсь? Что меня держит над этой пропастью? Что мешает? *(Задумывается.)* Ах, нет, нет… Не Кнуров… роскошь, блеск… нет, нет… я далека от суеты… *(Вздрогнув.)* Разврат… ох, нет… Просто решимости не имею. Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить… когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня убил кто-нибудь… Как хорошо умереть… пока еще упрекнуть себя не в чем. Или захворать и умереть… Да я, кажется, захвораю. Как дурно мне!.. Хворать долго, успокоиться, со всеми примириться, всем простить и умереть… Ах, как дурно, как кружится голова. *(Подпирает голову рукой и сидит в забытьи.)*

Входят Робинзон и Карандышев.

Явление десятое

Лариса, Робинзон и Карандышев.

Карандышев. Вы говорите, что вам велено отвезти ее домой?

Робинзон. Да-с, велено.

Карандышев. И вы говорили, что они оскорбили ее?

Робинзон. Уж чего еще хуже, чего обиднее!

Карандышев. Она сама виновата: ее поступок заслуживал наказания. Я ей говорил, что это за люди; наконец, она сама могла, сама имела время заметить разницу между мной и ими. Да, она виновата, но судить ее, кроме меня, никто не имеет права, а тем более оскорблять. Это уж мое дело: прощу я ее или нет; но защитником ее я обязан явиться. У ней нет ни братьев, ни близких; один я, только один я обязан вступиться за нее и наказать оскорбителей. Где она?

Робинзон. Она здесь была. Вот она!

Карандышев. При нашем объяснении посторонних не должно быть; вы будете лишний. Оставьте нас!

Робинзон. С величайшим удовольствием. Я скажу, что вам сдал Ларису Дмитриевну. Честь имею кланяться! *(Уходит в кофейную.)*

Карандышев подходит к столу и садится против Ларисы.

Явление одиннадцатое

Лариса и Карандышев.

Лариса *(поднимая голову).* Как вы мне противны, кабы вы знали! Зачем вы здесь?

Карандышев. Где же быть мне?

Лариса. Не знаю. Где хотите, только не там, где я.

Карандышев. Вы ошибаетесь, я всегда должен быть при вас, чтобы оберегать вас. И теперь я здесь, чтобы отмстить за ваше оскорбление.

Лариса. Для меня самое тяжкое оскорбление — это ваше покровительство; ни от кого и никаких других оскорблений мне не было.

Карандышев. Уж вы слишком невзыскательны. Кнуров и Вожеватов мечут жребий, кому вы достанетесь, играют в орлянку[28], — и это не оскорбление? Хороши ваши приятели! Какое уважение к вам! Они не смотрят на вас как на женщину, как на человека, — человек сам располагает своей судьбой; они смотрят на вас как на вещь. Ну, если вы вещь, — это другое дело. Вещь,

---

[28] Примечания: 28

Орлянка — игра с подкидыванием монетки (орел или решка).

конечно, принадлежит тому, кто ее выиграл, вещь и обижаться не может.

> Карандышев часто кажется смешным и недалеким, другие герои потешаются над ним. Но именно он озвучивает внутренний конфликт Ларисы. Жених правильно указывает героине, что она ведет себя «как вещь», что она «слишком невзыскательна» и на самом деле не «умеет ценить и выбирать людей», не «знает, что не все то золото, что блестит».

Лариса *(глубоко оскорбленная).* Вещь… да, вещь! Они правы, я вещь, а не человек. Я сейчас убедилась в том, я испытала себя… я вещь! *(С горячностью.)* Наконец слово для меня найдено, вы нашли его. Уходите! Прошу вас, оставьте меня!

Карандышев. Оставить вас? Как я вас оставлю, на кого я вас оставлю?

Лариса. Всякая вещь должна иметь хозяина, я пойду к хозяину.

Карандышев *(с жаром).* Я беру вас, я ваш хозяин. *(Хватает ее за руку.)*

Лариса *(оттолкнув его).* О нет! Каждой вещи своя цена есть… Ха, ха, ха… я слишком, слишком дорога для вас.

Карандышев. Что вы говорите! Мог ли я ожидать от вас таких бесстыдных слов?

Лариса *(со слезами).* Уж если быть вещью, так одно утешение — быть дорогой, очень дорогой. Сослужите мне последнюю службу: подите пошлите ко мне Кнурова.

Карандышев. Что вы, что вы, опомнитесь!

Лариса. Ну, так я сама пойду.

Карандышев. Лариса Дмитриевна! Остановитесь! Я вас прощаю, я все прощаю.

Лариса *(с горькой улыбкой).* Вы мне прощаете? Благодарю вас. Только я-то себе не прощаю, что вздумала связать судьбу свою с таким ничтожеством, как вы.

Карандышев. Уедемте, уедемте сейчас из этого города, я на все согласен.

Лариса. Поздно. Я вас просила взять меня поскорей из цыганского табора, вы не умели этого сделать; видно, мне жить и умереть в цыганском таборе.

Карандышев. Ну, я вас умоляю, осчастливьте меня.

Лариса. Поздно. Уж теперь у меня перед глазами заблестело золото, засверкали бриллианты.

За красивыми словами Кнурова к Ла-

рисе скрывается предложение стать его любовницей и содержанкой. Век таких девушек действительно красив, но недолог и полон унижений. В финале, желая дать согласие Кнурову, Лариса признает, что «золотой век» ее победил. И образ содержанки – это то, к чему сводит «золотой век» высокое чувство любви.

Карандышев. Я готов на всякую жертву, готов терпеть всякое унижение для вас.

Лариса *(с отвращением).* Подите, вы слишком мелки, слишком ничтожны для меня.

Карандышев. Скажите же: чем мне заслужить любовь вашу? *(Падает на колени.)* Я вас люблю, люблю.

Лариса. Лжете. Я любви искала и не нашла. На меня смотрели и смотрят как на забаву. Никогда никто не постарался заглянуть ко мне в душу, ни от кого я не видела сочувствия, не слыхала теплого, сердечного слова. А ведь так жить холодно. Я не виновата, я искала любви и не нашла… ее нет на свете… нечего и искать. Я не нашла любви, так буду искать золота. Подите, я вашей быть не могу.

Карандышев *(вставая).* О, не раскайтесь! *(Кла-*

дет руку за борт сюртука.) Вы должны быть моей.

Лариса. Чьей ни быть, но не вашей.

Карандышев *(запальчиво).* Не моей?

Лариса. Никогда!

Карандышев. Так не доставайся ж ты никому! *(Стреляет в нее из пистолета.)*

Лариса *(хватаясь за грудь).* Ах! Благодарю вас! *(Опускается на стул.)*

Карандышев. Что я, что я… ах, безумный! *(Роняет пистолет.)*

Лариса *(нежно).* Милый мой, какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда, на стол! Это я сама… сама. Ах, какое благодеяние… *(Поднимает пистолет и кладет на стол.)*

Из кофейной выходят Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило и Иван.

Явление двенадцатое

Лариса, Карандышев, Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило и Иван.

Все. Что такое, что такое?

Лариса. Это я сама… Никто не виноват, никто… Это я сама.

За сценой цыгане запевают песню.

Паратов. Велите замолчать! Велите замолчать!

Лариса *(постепенно слабеющим голосом).* Нет, нет, зачем!.. Пусть веселятся, кому весело… Я не хочу мешать никому! Живите, живите все! Вам надо жить, а мне надо… умереть… Я ни на кого не жалуюсь, ни на кого не обижаюсь… вы все хорошие люди… я вас всех… всех люблю. *(Посылает поцелуй.)*

Несмотря на трагическую минуту, Лариса не теряет присутствия духа, не озлобляется против всего света, и даже против своих губителей. Но главная победа Ларисы над «золотым веком» заключается в ее словах «это я сама». Так героиня побеждает в себе «вещь», указывая, что уходит из жизни по собственной воле – то есть как человек, который «сам располагает своей судьбой».

Громкий хор цыган.

Как и в «Грозе», смерть героини – это своего рода победа над «темным царством». Лариса, благодаря Карандышеву, который единственный питал к ней близкие к любви чувства, избегает участи любовницы и содержанки – она усколь-

зает от Паратова и Кнурова, их мира. Лариса улыбается перед смертью и посылает своим мучителям прощальный поцелуй, как бы играя и платя им за унижение той же монетой.

Свои люди – сочтемся!
Комедия в четырех действиях

Лица

Самсон Силыч Большов, купец.
Аграфена Кондратьевна, его жена.
Олимпиада Самсоновна (Липочка), их дочь.
Лазарь Елизарыч Подхалюзин, приказчик.
Устинья Наумовна, сваха.
Сысой Псоич Рисположенский, стряпчий.
Фоминишна, ключница в доме Большова.
Тишка, мальчик в доме Большова.

В названии пьесы выведена известная пословица: «Свои люди – сочтемся». Она означает, что близкие по родству и по духу люди всегда найдут общий язык. Островский часто использовал пословицы и поговорки в названиях своих пьес: «Не в свои сани не садись», «Старый друг лучше новых двух» и др. Выбирая такие «народные» названия, писатель подчеркивал полемический характер своих работ: в центре них всегда лежит спор

взглядов, эпох.

Действие первое

Гостиная в доме Большова.

Явление первое

Липочка *(сидит у окна с книгой).* Какое приятное занятие эти танцы! Ведь уж как хорошо! Что может быть восхитительнее? Приедешь в Собранье али к кому на свадьбу, сидишь, натурально, — вся в цветах, разодета, как игрушка али картинка журнальная, вдруг подлетает кавалер: «Удостойте счастия, сударыня!» Ну, видишь: если человек с понятием али армейской какой — возьмешь да и прищуришься, отвечаешь: «Извольте, с удовольствием!» Ах! *(с жаром)* оча-ро-ва-тель-но! Это просто уму непостижимо! *(Вздыхает.)* Больше всего не люблю я танцевать с студентами да с приказными. То ли дело отличаться с военными! Ах, прелесть! восхищение! И усы, и эполеты, и мундир, а у иных даже шпоры с колокольчиками. Одно убийственно, что сабли нет! И для чего они ее отвязывают? Странно, ей-богу! Сами не понимают, как блеснуть очаровательнее! Ведь посмотрели бы на шпоры, как они звенят,

особливо если улан али полковник какой разрисовывает — чудо! Любоваться — мило-дорого! Ну а прицепи-ко он еще саблю: просто ничего не увидишь любопытнее, одного грома лучше музыки наслушаешься. Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? Военный — уж это сейчас видно: и ловкость, и все, а штатский что? Так, какой-то неодушевленный! *(Молчание.)* Удивляюсь, отчего это многие дамы, поджавши ножки, сидят? Формально нет никакой трудности выучиться! Вот уж я на что совестилась учителя, а в двадцать уроков все решительно поняла. Отчего это не учиться танцевать! Это одно только суеверие! Вот маменька, бывало, сердится, что учитель все за коленки хватает. Все это от необразования! Что за важность! Он танцмейстер, а не кто-нибудь другой. *(Задумывается.)* Воображаю я себе: вдруг за меня посватается военный, вдруг у нас парадный сговор: горят везде свечки, ходят официанты в белых перчатках; я, натурально, в тюлевом либо в газовом платье, тут вдруг заиграют вальс. А ну как я перед ним оконфужусь! Ах, страм какой! Куда тогда деваться-то? Что он подумает? Вот, скажет, дура необразованная! Да нет, как это можно! Однако я вот уж полтора года не танцевала! Попробую-ко теперь на досуге. *(Дурно*

вальсируя.) Раз… два… три… раз… два… три…

В то время (примерно середина XIX века) в России среди высших сословий: аристократии и дворянства – была широко распространена мода на все французское. Эта мода затрагивала и средние сословия – купечество и мещанство (городские жители), богатые представители которых стремились подражать знати. Так, состоятельные купеческие семьи учили своих детей иностранным языкам, танцам, светским манерам, хотя сами не разбирались в этих предметах. Липочка – как раз одна из «жертв» подобного модного образования.

Явление второе

Липочка и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна *(входя).* Так, так, бесстыдница! Как будто сердце чувствовало: ни свет ни заря, не поемши хлеба божьего, да уж и за пляску тотчас!

Липочка. Как, маменька, я и чай пила, и ватрушку скушала. Посмотрите-ко, хорошо? Раз, два, три… раз… два…

Аграфена Кондратьевна *(преследуя ее).* Так что ж, что ты скушала? Нужно мне очень смотреть, как ты греховодничаешь!.. Говорю тебе, не вертись!..

Липочка. Что за грех такой! Нынче все этим развлекаются. Раз… два…

Аграфена Кондратьевна. Лучше об стол лбом стучи, да ногами не озорничай! *(Бегает за ней.)* Да что ж ты, с чего ж ты взяла не слушаться!

Липочка. Как не слушаться, кто вам сказал! Не мешайте, дайте кончить как надобно! Раз… два… три…

Аграфена Кондратьевна. Долго ль же мне бегать-то за тобой на старости лет! Ух, замучила, варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Липочка. Сейчас, сейчас, маменька! Последний кружок! Вас на то и Бог создал, чтоб жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Раз, два…

Аграфена Кондратьевна. Как! ты еще пляшешь, да еще ругаешься! Сию минуту брось! Тебе ж будет хуже: поймаю за юбку, весь хвост оторву.

Липочка. Ну да рвите на здоровье! Вам же зашивать придется! Вот и будет! *(Садится.)* Фу…

фу… как упаточилась, словно воз везла! Ух! Дайте, маменька, платочка пот обтереть.

Аграфена Кондратьевна. Постой, уж я сама оботру! Ишь, уморилась! А ведь и то сказать, будто неволили. Коли уж матери не почитаешь, так стен-то бы посовестилась! Отец, голубчик, через великую силу ноги двигает, а ты тут скачешь, как юла какая!

Липочка. Подите вы с своими советами! Что ж мне делать, по-вашему! Самой, что ли, хворать прикажете? Вот другой манер, кабы я была докторша![29] Ух! Что это у вас за отвратительные понятия! Ах! какие вы, маменька, ей-богу! Право, мне иногда краснеть приходится от ваших глупостей!

Аграфена Кондратьевна. Каково детище-то ненаглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей? Да неужто я затем тебя на свет родила, учила да берегла пуще соломинки?

Липочка. Не вы учили — посторонние; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну что ж? Родили вы — я

---

[29] Примечания: 29
Докторша — имеется в виду жена доктора.

была тогда что? Ребенок, дитя без понятия, не смыслила обращения. А выросла да посмотрела на светский тон, так и вижу, что я гораздо других образованнее. Что ж мне, потакать вашим глупостям! Как же! Есть оказия.

Аграфена Кондратьевна. Уймись, эй, уймись, бесстыдница! Выведешь ты меня из терпения, прямо к отцу пойду, так в ноги и брякнусь, житья, скажу, нет от дочери, Самсонушко!

Липочка. Да, вам житья нет! Воображаю. А мне есть от вас житье? Зачем вы отказали жениху? Чем не бесподобная партия? Чем не капидон? Что вы нашли в нем легковерного?

Аграфена Кондратьевна. А то и легковерного, что зубоскал! Приехал, ломался, ломался, вертелся, вертелся. Эка невидаль!

Липочка. Да, много вы знаете! Известно, он благородный человек, так и действует по-деликатному. В ихнем кругу всегда так делают. Да как еще вы смеете порочить таких людей, которых вы и понятия не знаете? Он ведь не купчишка какой-нибудь. *(Шепчет в сторону.)* Душка, милашка!

Аграфена Кондратьевна. Да, хорош душка! Скажите пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута за горохового. Ведь ишь ты, блажь-то какая в тебе; ведь это ты назло матери под нос-то

шепчешь.

Липочка. Видимый резон, что не хотите моего счастия. Вам с тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

Аграфена Кондратьевна. Ну, как ты хочешь, там думай. Господь тебе судья! А никто так не заботится о своем детище, как материнская утроба! Ты вот тут хохришься да разные глупости выколупываешь, а мы с отцом-то денно и нощно заботимся, как бы тебе хорошего человека найти да пристроить тебя поскорее.

Липочка. Да, легко вам разговаривать, а позвольте спросить, каково мне-то?

Аграфена Кондратьевна. Разве мне тебя не жаль, ты думаешь? Да что делать-то! Потерпи малость, уж коли много лет ждала. Ведь нельзя же тебе вдруг жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловят.

Липочка. Что мне до ваших кошек! Мне мужа надобно! Что это такое! Страм встречаться с знакомыми, в целой Москве не могли выбрать жениха — всё другим да другим. Кого не заденет за живое: все подруги с мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вот один, так и тому отказали. Слышите, найдите мне жениха, беспременно найдите!.. Вперед вам говорю, бес-

пременно сыщите, а то для вас же будет хуже: нарочно, вам назло, по секрету заведу обожателя, с гусаром убегу, да и обвенчаемся потихоньку.

Аграфена Кондратьевна. Что, что, беспутная! Кто вбил в тебя такие скверности! Владыко милосердый, не могу с духом собраться… Ах ты, собачий огрызок! Ну, нечего делать! Видно, придется отца позвать.

Липочка. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при нем разговаривать-то, а попробуйте-ко сами!

Аграфена Кондратьевна. Так что же, я дура, по-твоему, что ли? Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос! Тьфу ты, дьявольское наваждение! Али ты думаешь, что я не властна над тобой приказывать? Говори, бесстыжие твои глаза, с чего у тебя взгляд-то такой завистливый? Что ты прытче матери хочешь быть! У меня ведь недолго, я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах матушки вы мои! Посконный сарафан сошью да вот на голову тебе и надену! С поросятами тебя, вместо родителей-то, посажу!

Липочка. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот еще новости!

Аграфена Кондратьевна. Молчи, молчи, Таранта Егоровна! Уступи верх матери! Эко семя

противное! Словечко пикнешь, так язык ниже пяток пришью. Вот послал Господь утешение! Девчонка хабальная! Мальчишка ты, шельмец, и на уме-то у тебя все не женское! Готова, чай, вот на лошадь по-солдатски вскочить!

Липочка. Вы, я воображаю, приплетете скоро всех буточников. Уж молчали бы лучше, коли не так воспитаны. Все я скверна, а сами-то вы каковы после этого! Что, вам угодно спровадить меня на тот свет прежде времени, извести своими капризами? *(Плачет.)* Что ж, пожалуй, я уж и так, как муха какая, кашляю. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна *(стоит и смотрит на нее).* Ну, полно, полно!

Липочка плачет громче и потом рыдает.

Ну, полно ты, полно! Говорят тебе, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата.

Липочка плачет.

Липочка! Липа! Ну, будет! Ну, перестань! *(Сквозь слезы.)* Ну не сердись ты на меня *(плачет)*... бабу глупую... неученую... *(Плачут обе вместе.)* Ну прости ты меня... сережки куплю.

Липочка *(плача).* На что мне сережки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами.

Аграфена Кондратьевна. Куплю, куплю, толь-

ко ты плакать-то перестань!

Липочка *(сквозь слезы).* Тогда и перестану, как замуж выду. *(Плачет.)*

Аграфена Кондратьевна. Выдешь, выдешь, голубчик ты мой! Ну, поцелуй меня!

Целуются.

Ну, Христос с тобой! Ну, дай я тебе слезки оботру. *(Обтирает.)* Вот нынче хотела Устинья Наумовна прийти, мы и потолкуем.

Липочка *(голосом, еще не успокоившимся).* Ах! кабы она поскорей пришла!

Явление третье

Те же и Фоминишна.

Фоминишна. Угадайте-ко, матушка Аграфена Кондратьевна, кто к нам изволит жаловать?

Аграфена Кондратьевна. Не умею сказать. Да что я тебе, бабка-угадка, что ли, Фоминишна?

Липочка. Отчего ж ты у меня не спросишь, что я, глупее, что ли, вас с маменькой?

Фоминишна. Уж и не знаю, как сказать; на словах-то ты у нас больно прытка, а на деле-то вот и нет тебя. Просила, просила, не токмо чтобы что такое, подари хоть платок, валяются у тебя вороха два без призрения, так все нет, все чужим да чужим.

Аграфена Кондратьевна. Вот уж этого, Фоминишна, я до скончания не разберу.

Липочка. Ишь она! Знать, пивца хлебнула после завтрака, налепила тут чудеса в решете.

Фоминишна. Вестимо так; что смеяться-то? Каково скончание, Аграфена Кондратьевна, бывает и начало хуже конца.

Аграфена Кондратьевна. С тобой не разъедешься! Ты коли уж начнешь толковать, так только ушами хлопай. Кто ж такой там пришел-то?

Липочка. Мужчина али женщина?

Фоминишна. У тебя все мужчины в глазах-то прыгают. Да где ж это таки видано, что мужчина ходит в чепчике? Вдовье дело — как следует назвать?

Липочка. Натурально, незамужняя, вдова.

Фоминишна. Стало быть, моя правда? И выходит, что женщина!

Липочка. Эка бестолковая! Да кто женщина-то?

Фоминишна. То-то вот, умна, да не догадлива: некому другому и быть, как не Устинье Наумовне.

Липочка. Ах, маменька, как это кстати!

Аграфена Кондратьевна. Где ж она до сих пор?

Веди ее скорей, Фоминишна.

Фоминишна. Сама в секунту явится: остановилась на дворе, с дворником бранится: не скоро калитку отпер.

Явление четвертое

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна *(входя).* Уф, фа, фа! Что это у вас, серебряные, лестница-то какая крутая: лезешь, лезешь, насилу вползешь.

Липочка. Ах, да вот и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

Устинья Наумовна. Не больно спеши! Есть и постарше тебя. Вот с маменькой-то покалякаем прежде. *(Целуясь.)* Здравствуй, Аграфена Кондратьевна, как встала-ночевала, все ли жива, бралиянтовая?

Аграфена Кондратьевна. Слава Создателю! Живу — хлеб жую; целое утро вот с дочкой балясничала.

Устинья Наумовна. Чай, об нарядах все. *(Целуясь с Липочкой.)* Вот и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстела, изумрудная? Пошли Творец! Чего ж лучше, как не красотой цвести!

Устинья Наумовна – сваха – предста-

вительница крайне важной профессии. В XIX веке брачные дела решали родители жениха и невесты. И сваха выступала посредницей между семьями, которые желали породниться. Самостоятельно искать себе пару считалось неприличным, поэтому обращались к свахе. Удачливая сваха пользовалась большим уважением. Но Устинья Наумовна явно нацелена на деньги, подарки. К своим клиенткам она обращается «бралиянтовая», «изумрудная» в зависимости от «веса» собеседницы.

Фоминишна. Тьфу ты, греховодница! Еще сглазишь, пожалуй.

Липочка. Ах, какой вздор! Это тебе так показалось, Устинья Наумовна. Я все хирею: то колики, то сердце бьется, как маятник; все как словно тебя подмывает али плывешь по морю, так вот и рябит меланхолия[30] в глазах.

Устинья Наумовна *(Фоминишне).* Ну и с тобой, божья старушка, поцелуемся уж кстати. Правда, на дворе ведь здоровались, серебряная, стало

---

[30] Примечания: 30
Меланхолия — тяжелая, продолжительная тоска.

быть, и губы трепать нечего.

Фоминишна. Как знаешь. Известно, мы не хозяева, лыком шитая мелкота; а в нас тоже душа, а не пар!

> В словах Фоминишны автор обыгрывает похожее высказывание из известного произведения Карамзина «Бедная Лиза» (1792) о том, что «и крестьянки любить умеют». Однако если в случае с «Бедной Лизой» эти слова в первую очередь сопоставляются с чувствами главной героини – юной и привлекательной девушки, то Островский заходит дальше, предлагая посочувствовать и простой ключице, уже не молодой и не столь симпатичной (ни по характеру, ни по внешности).

Аграфена Кондратьевна *(садясь).* Садись, садись, Устинья Наумовна, что как пушка на колесах стоишь! Поди-ко вели нам, Фоминишна, самоварчик согреть.

Устинья Наумовна. Пила, пила, жемчужная; провалиться на месте — пила и забежала-то так, на минуточку.

Аграфена Кондратьевна. Что ж ты, Фоминишна, проклажаешься? Беги, мать моя, проворнее.

Липочка. Позвольте, маменька, я поскорей сбегаю; видите, какая она неповоротливая.

Фоминишна. Уж не финти, где не спрашивают! А я, матушка Аграфена Кондратьевна, вот что думаю: не пригожее ли будет подать бальсанцу[31] с селедочкой.

Аграфена Кондратьевна. Ну, бальсан бальсаном, а самовар самоваром[32]. Аль тебе жалко чужого добра? Да как поспеет, вели сюда принести.

Фоминишна. Как же уж! Слушаю! *(Уходит.)*

Явление пятое

Те же без Фоминишны.

Аграфена Кондратьевна. Ну что, новенького нет ли чего, Устинья Наумовна? Ишь, у меня девка-то стосковалась совсем.

Липочка. И в самом деле, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нет никакого.

Устинья Наумовна. Да ишь ты, с вами не скоро

---

[31] Примечания: 31

Бальсан — бальзам, настойка или алкогольный напиток, водка.

[32] Примечания: 32

Самовар — устройство для кипячения воды и приготовления чая — считается в мире одним из символов русской культуры. В 19 веке они были у каждой традиционной русской семьи и считались символом богатства и процветания. Обычно самовар ставился подле хозяйки дома, которая наливала гостям чай.

сообразишь, бралиянтовые. Тятенька-то твой ладит за богатого: мне, говорит, хоть Федот от проходных ворот, лишь бы денежки водились, да приданого поменьше ломил. Маменька-то вот, Аграфена Кондратьевна, тоже норовит в свое удовольствие: подавай ты ей беспременно купца, да чтобы был жалованный[33], да лошадей бы хороших держал, да и лоб-то крестил бы по-старинному. У тебя тоже свое на уме. Как на вас угодишь?

Явление шестое

Те же и Фоминишна, входит, ставит на стол водку с закуской.

Липочка. Не пойду я за купца, ни за что не пойду. За тем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать! Нет, нет! Где хочешь возьми, а достань благородного.

Липочка боится, что если она выйдет замуж за купца старых нравов и устоев, то от ее образования будет мало толку. По традиции купеческие семьи учили своих

---

[33] Примечания: 33

Жалованный — то есть пожалованный, награжденный какими-либо грамотами, привилегиями.

детей только письму и счету – тому, что необходимо при ведении торговли. Все прочее считалось излишним. Но образование Липочки и так оставляет желать лучшего. Не случайно в самом имени героини скрыта шутка: слово «липа» означает «подделка», «фальшивка».

Аграфена Кондратьевна. Вот ты и толкуй с ней.

Фоминишна. Да что тебе дались эти благородные? Что в них за особенный скус? Голый на голом, да и христианства-то никакого нет: ни в баню не ходит, ни пирогов по праздникам не печет; а ведь хошь и замужем будешь, а надоест тебе соус-то с подливкой.

Липочка. Ты, Фоминишна, родилась между мужиков и ноги протянешь мужичкой[34]. Что мне в твоем купце! Какой он может иметь вес? Где у него амбиция? Мочалка-то его, что ли, мне нужна?

Фоминишна. Не мочалка, а божий волос, сударыня, так-то-сь!

Аграфена Кондратьевна. Ведь и тятенька твой

---

[34] Примечания: 34
Мужичка — женщина низшего сословия.

не оболваненный какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты его как-нибудь.

Липочка. Одно дело тятенька, а другое дело — муж. Да что вы пристали, маменька? Уж сказала, что не пойду за купца, так и не пойду! Лучше умру сейчас, до конца всю жизнь выплачу: слез недостанет, перцу наемся.

Фоминишна. Никак ты плакать сбираешься? И думать не моги! И тебе как в охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

Аграфена Кондратьевна. А кто ее дразнит? Сама привередничает.

Устинья Наумовна. Пожалуй, уж коли тебе такой апекит, найдем тебе и благородного. Какого тебе: посолидней али поподжаристей?

Липочка. Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика[35]. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтобы не курносого, беспременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был по-журнальному[36]. *(Смотрит в зеркало.)* Ах, господи! А сама-то я нынче вся, как веник, растрепана.

---

[35] Примечания: 35
Мухортик — малорослый, слабосильный человек.

[36] Примечания: 36
По-журнальному — то есть модно, современно.

Устинья Наумовна. А есть у меня теперь жених, вот точно такой, как ты, бралиянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Липочка. Ах, Устинья Наумовна! Совсем не брюле, а брюнет.

Устинья Наумовна. Да очень мне нужно, на старости лет, язык-то ломать по-твоему: как сказалось, так и живет. И крестьяне есть, и орген на шее; ты вот поди оденься, а мы с маменькой-то потолкуем об этом деле.

Липочка. Ах, голубушка, Устинья Наумовна, зайди ужо ко мне в комнату: мне нужно поговорить с тобой. Пойдем, Фоминишна.

Фоминишна. Ох уж ты мне, егоза!

Уходят.

Явление седьмое

Аграфена Кондратьевна и Устинья Наумовна.

Аграфена Кондратьевна. Не выпить ли нам перед чаем-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

Устинья Наумовна. Можно, бралиянтовая, можно.

Аграфена Кондратьевна *(наливает).* Кушай-ко на здоровье!

Устинья Наумовна. Да ты бы сама-то прежде, яхонтовая. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Еще поспею!

Устинья Наумовна. Уах! фу! Где это вы берете зелье этакое?

Аграфена Кондратьевна. Из винной конторы. *(Пьет.)*

Устинья Наумовна. Ведрами, чай?

Аграфена Кондратьевна. Ведрами. Что уж по малости-то, напасешься ль? У нас ведь расход большой.

Устинья Наумовна. Что говорить, матушка, что говорить! Ну, уж хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да уж и выкопала жениха: ахнете, бралиянтовые, да и только.

Аграфена Кондратьевна. Насилу-то умное словцо вымолвила.

Устинья Наумовна. Благородного происхождения и значительный человек; такой вельможа, что вы и во сне не видывали.

Аграфена Кондратьевна. Видно, уж попросить у Самсона Силыча тебе парочку арабчиков.

Устинья Наумовна. Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и орген на шее, а умен как, просто тебе истукан золотой.

Аграфена Кондратьевна. Ты бы, Устинья Наумовна, вперед доложила, что за дочерью-то у нас

не горы, мол, золотые.

Устинья Наумовна. Да у него своих девать некуды.

Аграфена Кондратьевна. Хорошо бы это, уж и больно хорошо; только вот что, Устинья Наумовна, сама ты, мать, посуди, что я буду с благородным-то зятем делать! Я и слова-то сказать с ним не умею, словно в лесу.

Устинья Наумовна. Оно точно, жемчужная, дико сначала-то, ну а потом привыкнешь, обойдетесь как-нибудь. Да вот с Самсон Силычем надо потолковать, может, он его и знает, этого человека-то.

Явление восьмое

Те же и Рисположенский.

Рисположенский *(входя).* А я к вам, матушка Аграфена Кондратьевна. Толконулся было к Самсону Силычу, да занят, вижу; так я думаю: зайду, мол, я к Аграфене Кондратьевне. Что это, водочка у вас? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! Садиться милости просим; как живете-можете?

Рисположенский. Какое уж наше житье! Так,

небо коптим, Аграфена Кондратьевна! Сами знаете: семейство большое, делишки маленькие. А не ропщу, роптать грех, Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Уж это, батюшко, последнее дело.

Расположенский. Кто ропщет, значит, тот Богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вот какая была история…

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшко? Я все позабываю.

Расположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Расположенский. Не умею вам сказать доподлинно: отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович так Псович; что ж, это ничего, и хуже бывает, бралиянтовый.

Аграфена Кондратьевна. Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Расположенский. Так вот, матушка Аграфена Кондратьевна, была история: не то чтобы притча али сказка какая, а истинное происшествие. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, кушай.

Рисположенский *(садится).* Жил старец, маститый старец… Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне такой… необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей — мал мала меньше. Сам работать не в силах, жена тоже старуха старая, дети еще малые, а пить-есть надобно. Что было добра, под старость все прожили, поить-кормить некому! Куда деться с малыми ребятами? Вот он так думать, эдак думать — нет, сударыня моя, ничего уж тут не придумаешь. «Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от доброхотных дателей». День сидит — Бог подаст, другой сидит — Бог подаст; вот он, матушка, и возроптал.

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки!

Рисположенский. Господи, говорит, не мздоимец я, не лихоимец я… лучше, говорит, на себя руки наложить.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко мой!

Рисположенский. И бысть ему, сударыня ты моя, сон в нощи…

Входит Большов.

Явление девятое

Те же и Большов.

Большов. А! и ты, барин, здесь! Что это ты тут проповедуешь?

Расположенский *(кланяется).* Всё ли здоровы, Самсон Силыч?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудел словно? Аль увечье какое напало?

Большов *(садясь).* Простудился, должно быть, либо геморрой, что ли, расходился…

Аграфена Кондратьевна. Ну так, Сысой Псович, что ж ему дальше-то было?

Расположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после доскажу, на свободе как-нибудь забегу в сумеречки и расскажу.

Большов. Что это ты, али за святость взялся! Ха-ха-ха! Пора очувствоваться.

Аграфена Кондратьевна. Ну уж ты начнешь! Не дашь по душе потолковать.

Большов. По душе!.. Ха-ха-ха… А ты спроси-ко, как у него из суда дело пропало; вот эту историю-то он тебе лучше расскажет.

Расположенский. Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!

Большов. А за что ж тебя оттедова выгнали?

Рисположенский. А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взял я одно дело из суда домой, да дорогой-то с товарищем и завернули, человек слаб, ну, понимаете… с позволенья сказать, хошь бы в погребок… там я его оставил, да хмельной-то, должно быть, и забыл. Что ж, со всяким может случиться. Потом, сударыня моя, в суде и хватились этого дела-то: искали, искали, я и на дом-то ездил два раза с экзекутором — нет как нет! Хотели меня суду предать, а тут я и вспомни, что, должно быть, мол, я его в погребке забыл. Поехали с экзекутором — оно там и есть.

Аграфена Кондратьевна. Что ж! Не токмо что с пьющим, и с непьющим бывает. Что ж за беда такая!

Большов. Как же тебя в Камчатку не сослали?

Рисположенский. Уж и в Камчатку! А за что, позвольте вас спросить, за что в Камчатку-то сослать?

Большов. За что! За безобразие! Так неужели ж вам потакать? Этак вы с кругу сопьетесь.

Рисположенский. Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги. Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети

маленькие! Ну, говорит, Бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и простил. Что ж! Дай Бог ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; иногда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. Вот к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдем-ко, чай, уж самовар готов; да покажу я тебе, есть у нас кой-что из приданого новенького.

Устинья Наумовна. У вас, чай, и так вороха наготовлены, бралиянтовая.

Аграфена Кондратьевна. Что делать-то! Материи новые вышли, а нам будто не стать за них деньги платить.

Устинья Наумовна. Что говорить, жемчужная! Свой магазин, все равно что в саду растет.

Уходят.

Явление десятое

Большов и Расположенский.

Большов. А что, Сысой Псоич, чай, ты с этим крючкотворством на своем веку много чернил

извел?

Рисположенский. Хе-хе… Самсон Силыч, материал не дорогой. А я вот забежал понаведаться, как ваши делишки.

Большов. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, кровопийцы какие-то: только б вам пронюхать что-нибудь эдакое, так уж вы и вьетесь тут с вашим дьявольским наущением.

Рисположенский. Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня наущение? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал, потому что я, можно сказать, облагодетельствован вами и с ребятишками. А я еще довольно глуп, чтобы вам советовать: вы свое дело сами лучше всякого знаете.

Большов. Сами знаете! То-то вот и беда, что наш брат, купец, дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и на руку. Ведь вот ты теперь все пороги у меня обобьешь таскамшись-то.

Рисположенский. Как же мне не таскаться-то! Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался. Разве я не чувствую? Что ж я, в самом деле, скот,

что ли, какой бессловесный?

Большов. Знаю я, что ты любишь, — все вы нас любите; только путного от вас ничего не добьешься. Вот я теперь маюсь, маюсь с делом, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним… Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Рисположенский. Что ж, Самсон Силыч, не вы первый, не вы последний; нешто другие-то не делают?

Большов. Как не делать, брат, и другие делают. Да еще как делают-то: без стыда, без совести! На лежачих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему с своей образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредиторам-то старых сапогов пары три. Вот тебе вся недолга. Да еще и обманет-то кого: так, бедняков каких-нибудь пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им сделается!

Рисположенский. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, все это в наших руках.

Большов. Знаю, что в наших руках, да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже!

Я уж вас знаю! На словах-то вы прытки, а там и пошел блудить.

Рисположенский. Да что вы, Самсон Силыч, помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж еще этого-то не знать! хе-хе-хе… Да такие ли я дела делал… да с рук сходило. Другого-то за такие штуки уж заслали бы давно, куда Макар телят не гонял.

Большов. Ой ли? Так какую ж ты механику подсмолишь?

Рисположенский. А там глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью… *(Пьет.)* Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать. Это уж первое дело.

Большов. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Рисположенский. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые продажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Большов. И то дело, чтоб оглядок не было.

Рисположенский. Как на чужого-то закрепишь, так уж и придраться-то не к чему. Спорь после,

поди, против подлинных-то бумаг.

Большов. Только вот что беда-то: как закрепишь на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Расположенский. Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Большов. А где ты его найдешь нынче? Нынче всякий норовит, как тебя за ворот ухватить, а ты совести захотел.

Расположенский. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы — нет: каков человек у вас приказчик?

Большов. Который? Лазарь, что ли?

Расположенский. Да, Лазарь Елизарыч.

Большов. Ну а на Лазаря, так и пускай на него; он малый с понятием, да и капиталец есть.

Расположенский. Что же прикажете, Самсон Силыч: закладную или купчую?

Большов. А с чего процентов меньше, то и варгань. Как сделаешь все в аккурате, такой тебе, Сысой Псоич, магарыч поставлю, просто сказать, угоришь.

Расположенский. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы свое дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Большов. Нет еще. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный, ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь. Ну, заложим мы дом, а потом что?

Рисположенский. А потом напишем реестрик, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну и ступайте по кредиторам. Коли кто больно заартачится, так можно и прибавить, а другому сердитому и все заплатить… Вы ему заплатите, а он — чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости, чтобы другим показать. Вот, мол, так и так, ну и другие, глядя на них, согласятся.

Большов. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут; а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там что хошь говори, а у меня дочь невеста, хоть сейчас из полы в полу да с двора долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы лежа на боку, и торговлю всю эту к черту. Да вот и Лазарь идет.

Явление одиннадцатое

Те же и Подхалюзин (входит).

Большов. Что скажешь, Лазарь? Ты из городу,

что ль? Как у вас там?

Подхалюзин. Слава богу-с, идет помаленьку. Сысою Псоичу! *(Кланяется.)*

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Лазарь Елизарыч! *(Кланяется.)*

Большов. А идет, так и пусть идет. *(Помолчав.)* А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для меня исделал, учел бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там еще. А то торгуем, торгуем, братец, а пользы ни на грош. Али сидельцы, что ли, грешат, таскают родным да любовницам; их бы маленичко усовещевал. Что так, без барыша-то, небо коптить? Аль сноровки не знают? Пора бы, кажется.

Подхалюзин. Как же это можно, Самсон Силыч, чтобы сноровки не знать? Кажется, сам завсегда в городе бываю-с, и завсегда толкуешь им-с.

Большов. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзин. Известное дело-с, стараюсь, чтобы все было в порядке и как следует-с. Вы, говорю, ребята, не зевайте: видишь чуть дело подходящее, покупатель, что ли, тумак какой подвернулся, али цвет с узором какой барышне понравился, взял, говорю, да и накинул рубль али два на аршин.

Большов. Чай, брат, знаешь, как немцы в ма-

газинах наших бар обирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим. Так ли, а?

Расположенский смеется.

Подхалюзин. Дело понятное-с. И мерить-то, говорю, надо тоже поестественнее: тяни да потягивай, только, только чтоб, боже сохрани, как не лопнуло, ведь не нам, говорю, после носить. Ну а зазеваются, так никто виноват, можно, говорю, и просто через руку лишний аршин раз шмыгануть.

Большов. Все единственно: ведь портной украдет же. А? Украдет ведь?

Расположенский. Украдет, Самсон Силыч, беспременно, мошенник, украдет; уж я этих портных знаю.

Большов. То-то вот; все они кругом мошенники, а на нас слава.

Расположенский. Это точно, Самсон Силыч, это вы правду говорить изволите.

Ирония и сатира данной сцены заключаются в том, что купцы, жалуясь на дурную славу, пущенную про них, одновременно с этим обсуждают, как лучше обхитрить покупателя. И Подхалюзин,

который преуспел в этом обмане, считается среди них правильным, деловым человеком. Так, зная о характере Подхалюзина, Большов продолжает доверять ему, за что в итоге будет наказан.

Большов. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. *(Помолчав.)* Что, «Ведомости» принес?

Подхалюзин *(вынимая из кармана и подавая).* Извольте получить-с.

Большов. Дава-кось, посмотрим. *(Надевает очки и просматривает.)*

Рисположенский. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет, потом надевает очки, садится подле Большова и смотрит в газеты.)*

Большов *(читает вслух).* «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского новерситета, от Губернских правлений, от Приказов общественного призрения». Ну и это мимо. «От Городской шестигласной думы». А ну-ткось, нет ли чего! *(Читает.)* «От Московской городской шестигласной думы сим объявляется: не пожелают ли кто взять в содержание нижеозна-

ченные оброчные статьи». Не наше дело: залоги надоть представлять. «Контора Вдовьего дома сим приглашает…» Пускай приглашает, а мы не пойдем. «От Сиротского суда». У самих ни отца, ни матери. *(Просматривает дальше.)* Эге! Вон оно куды пошло! Слушай-ко, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня, по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником; вследствие чего…» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вотте и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам?

Подхалюзин. Малость должен-с. Сахару для дому брали пудов никак тридцать, не то сорок.

Большов. Плохо дело, Лазарь. Ну да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

Подхалюзин. Сумнительно-с.

Большов. Сочтемся как-нибудь. *(Читает.)* «Московский первой гильдии купец Антип Сысоев Енотов объявлен несостоятельным должником». За этим ничего нет?

Подхалюзин. За масло постное-с, об Великом посту брали бочонка с три-с.

Большов. Вот сухоядцы-то, постники! И Богу-то угодить на чужой счет норовят. Ты, брат, степен-

ству-то этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! Вот и третий: «Московский второй гильдии купец Ефрем Лукин Полуаршинников объявлен несостоятельным должником». Ну а этот как?

Подхалюзин. Вексель есть-с!

Большов. Протестован?

Подхалюзин. Протестован-с. Сам-то скрывается-с.

Большов. Ну! И четвертый тут, Самопалов. Да что они, сговорились, что ли?

Подхалюзин. Уж такой расподлеющий народ-с.

Большов *(ворочая листы).* Да тут их не перечитаешь до завтрашнего числа. Возьми прочь!

Подхалюзин *(берет газету).* Газету-то только пакостят. На все купечество мораль эдакая.

Молчание.

Рисположенский. Прощайте, Самсон Силыч, я теперь домой побегу: делишки есть кой-какие.

Большов. Да ты бы посидел немножко.

Рисположенский. Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время. Я уж к вам завтра пораньше зайду.

Большов. Ну, как знаешь!

Рисположенский. Прощайте! Прощайте, Лазарь Елизарыч! *(Уходит.)*

Явление двенадцатое

Большов и Подхалюзин.

Большов. Вот ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь, что! Так вот даром и бери деньги. Как не деньги, скажет, видал, как лягушки прыгают. На-ко, говорит, вексель. А по векселю-то с иных что возьмешь! Вот у меня есть заваляющих тысяч на сто, и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. Хошь за полтину серебра все отдам! Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбежались, некого и в яму посадить[37]. А и посадишь-то, Лазарь, так сам не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь. Мне, говорит, и здесь хорошо, а ты проваливай. Так ли, Лазарь?

Подхалюзин. Уж это как и водится.

Большов. Все вексель да вексель! А что такое это вексель? Так, бумага, да и все тут. И на дисконту отдашь, так проценты слупят, что в животе забурчит, да еще после своим добром отвечай. *(Помолчав.)* С городовыми лучше не связывайся: всё в долг да в долг; а привезет ли, нет ли, так

---

[37] Примечания: 37

Долговая яма — место заключения для должников.

слепой мелочью да арабчиками, поглядишь — ни ног, ни головы, а на мелочи никакого звания давно уж нет. А вот ты тут как хошь! Здешним торговцам лучше не показывай: в любой анбар взойдет, только и дела, что нюхает, нюхает, поковыряет, поковыряет, да и прочь пойдет. Уж диви бы товару не было, — каким еще рожном торговать. Одна лавка москательная, другая красная, третья с бакалеей; так нет, ничто не везет. На торги хошь не являйся: сбивают цены пуще черт знает чего; а наденешь хомут, да еще и вязку подай, да магарычи, да угощения, да разные там недочеты с провесами. Вон оно что! Чувствуешь ли ты это?

Подхалюзин. Кажется, должен чувствовать-с.

Большов. Вот какова торговля-то, вот тут и торгуй! *(Помолчав.)* Что, Лазарь, как ты думаешь?

Подхалюзин. Да как думать-с! Уж это как вам угодно. Наше дело подначальное.

Большов. Что тут подначальное: ты говори по душе. Я у тебя про дело спрашиваю.

Подхалюзин. Это опять-таки, Самсон Силыч, как вам угодно-с.

Большов. Наладил одно: как вам угодно. Да ты-то как?

Подхалюзин. Это я не могу знать-с.

Большов *(помолчав).* Скажи, Лазарь, по совести, любишь ты меня? *(Молчание.)* Любишь, что ли? Что ж ты молчишь? *(Молчание.)* Поил, кормил, в люди вывел, кажется.

Подхалюзин. Эх, Самсон Силыч! Да что тут разговаривать-то-с. Уж вы во мне-то не сумневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Большов. Да что ж, что ты весь-то?

Подхалюзин. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

Большов. Ну, так и разговаривать нечего. По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время: денег наличных у нас довольно, векселям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождешься, пожалуй, что какой-нибудь свой же брат, собачий сын, оберет тебя дочиста, а там, глядишь, сделает сделку по гривне за рубль, да и сидит в миллионе и плевать на тебя не хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казнись, хлопай глазами-то. Вот я и думаю, Лазарь, предложить кредиторам-то такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по двадцати пяти за рубль. Как ты думаешь?

Один из главных конфликтов пьесы — это конфликт среди «своих». В данном случае среди купцов. Так, Большов, представитель старого зажиточного купечества, пытается защищать

честь своего сословия, но при этом сам признает, что «свой же брат, собачий сын, оберет тебя дочиста». Большов ставит вопрос о морали, которой, получается, нет среди «своих», и каждый в конце концов думает прежде о личной выгоде.

> **Подхалюзин**. А уж по мне, Самсон Силыч, коли платить по двадцати пяти, так пристойнее совсем не платить.

Большов. А что? Ведь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихим-то манером дельцо обделать. Там после суди Владыко на втором пришествии. Хлопот-то только куча. Дом-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзин. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселя надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевезти куда подальше. Станем хлопотать-с!

Большов. Оно так. Да старенек уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, в огонь и в воду полезу-с.

Большов. Эдак-то лучше! Черта ли там по грошам-то наживать! Махнул сразу, да и шабаш. Только напусти Бог смелости. Спасибо тебе, Лазарь. Удружил! *(Встает.)* Ну, хлопочи! *(Подходит к нему и треплет по плечу.)* Сделаешь дело акку-

ратно, так мы с тобой барышами-то поделимся. Награжу на всю жизнь. *(Идет к двери.)*

Подхалюзин. Мне, Самсон Силыч, окромя вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как жимши у вас с малолетства и видемши все ваши благодеяния, можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать.

Действие второе

Контора в доме Большова. Прямо дверь, на левой стороне лестница наверх.

Явление первое

Тишка *(со щеткой, на авансцене).* Эх, житье, житье! Вот чем свет тут ты полы мети! А мое ли дело полы мести! У нас все не как у людей! У других-то хозяев коли уж мальчишка, так и живет в мальчиках — стало быть, при лавке присутствует. А у нас то туда, то сюда, целый день шаркай по мостовой как угорелый. Скоро руку набьешь, держи карман-то. У добрых-то людей для разгонки держат дворника, а у нас он с котятами на печке лежит либо с кухаркой проклажается, а на тебе спросится. У других все-таки вольготность есть; иным часом проштрафишься што либо-о́што, по малолетствию тебе спускается; а у нас — коли не тот, так другой, коли не сам, так сама задаст вытрепку; а то вот приказчик Лазарь, а то вот Фоминишна, а то вот… всякая шваль над тобой командует. Вот она жисть-то какая анафемская! А уж это чтобы урваться когда из дому, с приятеля-

ми в три листика али в пристенок сразиться — и не думай лучше! Да уж и в голове-то, правда, не то! *(Лезет на стул коленками и смотрит в зеркало.)* Здравствуйте, Тихон Савостьяныч! Как вы поживаете? Всё ли вы слава богу?.. А ну, Тишка, выкинь коленце[38]. *(Делает гримасу.)* Вот оно что! *(Другую.)* Эвось оно как… *(Хохочет.)*

Явление второе

Тишка и Подхалюзин (крадется и хватает его за ворот).

Подхалюзин. А это ты, чертенок, что делаешь?

Тишка. Что? известно что! пыль стирал.

Подхалюзин. Языком-то стирал! Что ты за пыль на зеркале нашел! Покажу я тебе пыль! Ишь, ломается! А вот я тебе заклею подзатыльника, так ты и будешь знать.

Тишка. Будешь знать! Да было бы еще за что?

Подхалюзин. А за то, что за что! Поговоришь, так и увидишь, за что! Вот пикни еще!

Тишка. Да, пикни еще! Я ведь и хозяину скажу, не что́ возьмешь!

Подхалюзин. Хозяину скажу!.. Что мне твой

---

[38] Примечания: 38

Выкидывать коленце — делать нечто необыкновенное, вызывающее, привлекающее внимание.

хозяин… Я, коли на то пошло… хозяин мне твой!.. На то ты и мальчишка, чтоб тебя учить, а ты думал что! Вас, пострелят, не бить, так и добра не видать. Прахтика-то эта известная. Я, брат, и сам огни, и воды, и медные трубы прошел.

Тишка. Знаем, что прошел.

Подхалюзин. Цыц, дьяволенок! *(Замахивается.)*

Тишка. На-кась, попробуй! Нешто не скажу, ей-богу, скажу!

Подхалюзин. Да что ты скажешь-то, чертова перечница!

Тишка. Что скажу? А то, что лаешься!

Подхалюзин. Важное кушанье! Ишь ты, барин какой! Поди-ткось! Был Сысой Псоич?

Тишка. Известно, был.

Подхалюзин. Да ты, чертенок, говори толком! Зайти, что ль, хотел?

Тишка. Зайти хотел!

Подхалюзин. Ну, так ты сбегай на досуге.

Тишка. Рябиновки, что ли?

Подхалюзин. Да, рябиновки. Надо Сысоя Псоича попотчевать. *(Дает деньги.)* Купи полштофа, а сдачу возьми уж себе на пряники. Только ты, смотри, проворней, чтобы не хватились!

Тишка. Стриженая девка косы не заплетет. Так

начну порхать — живым манером.

Тишка уходит.

Явление третье

Подхалюзин *(один).* Вот беда-то! Вот она где беда-то пришла на нас! Что теперь делать-то? Ну, плохо дело! Не миновать теперь несостоятельным объявиться! Ну, положим, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чем буду? Мне-то куда деться? В проходном ряду пылью торговать! Служил, служил лет двадцать, а там ступай мостовую грани. Как теперь это дело рассудить надо? Товаром, что ли? Вот векселя велел продать *(вынимает и считает),* тут, должно быть, попользоваться будет можно. *(Ходит по комнате.)* Говорят, надо совесть знать! Да, известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть! Самсон Силыч купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так, для препровождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним, так и греха нет никакого; потому он сам несправедливо поступает, против закона идет. А мне

что его жалеть? Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я с ним сделал, да не приходится. Хм! Ведь залезет эдакая фантазия в голову человеку! Конечно, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и, можно сказать, каких в свете нет, а ведь этот жених ее теперича не возьмет, скажет, денег дай! А денег где взять? И уж не быть ей теперь за благородным, потому денег нет. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! *(Ходит молча.)* А понабравши деньжонок, да поклониться Самсону Силычу; дескать, я, Самсон Силыч, в таких летах, что должен подумать о продолжении потомства, и я, мол, Самсон Силыч, для вашего спокойствия пота-крови не жалел. Конечно, мол, Алимпияда Самсоновна барышня образованная, да ведь и я, Самсон Силыч, не лыком шит, сами изволите видеть, имею капиталец и могу кругом себя ограничить на этот предмет. Отчего не отдать за меня? Чем я не человек? Ни в чем не замечен, к старшим почтителен! Да при всем том, как заложили мне Самсон Силыч дом и лавки, так и закладной-то можно пугнуть. А знамши-то характер Самсона Силыча, каков он есть, — это и очень может случиться. У них такое заведение: коли им что попало в голову,

уж ничем не выбьешь оттедова. Все равно как в четвертом году захотели бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали, — нет, говорит, после опять отпущу, а теперь поставлю на своем, взяли да и обрили. Так вот и это дело: потрафь я по них, или так взойди им в голову — завтра же под венец, и баста, и разговаривать не смей. Да от эдакого удовольствия с Ивана Великого спрыгнуть можно!

Явление четвертое

Подхалюзин и Тишка.

Тишка *(входит со штофом).* Вот он я пришел!

Подхалюзин. Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здесь?

Тишка. Там наверху. Да и стракулист идет.

Подхалюзин. Так ты поставь водку-то на стол да и закусочки достань.

Тишка ставит водку и достает закуски, потом уходит.

Явление пятое

Подхалюзин и Рисположенский.

Подхалюзин. А, наше вам-с!

Рисположенский. К вам, батюшка Лазарь Ели-

зарыч, к вам! Право. Думаю, мол, мало ли что, может, что и нужно. Это водочка у вас? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. Что-то руки стали трястись по утрам, особенно вот правая; как писать что, Лазарь Елизарыч, так все левой придерживаю. Ей-богу! А выпьешь водочки, словно лучше. *(Пьет.)*

Подхалюзин. Отчего же это у вас руки трясутся?

Рисположенский *(садится к столу).* От заботы, Лазарь Елизарыч, от заботы, батюшка.

Подхалюзин. Так-с! А я так полагаю, оттого, что больно народ грабите. За неправду Бог наказывает.

Рисположенский. Эх-хе-хе… Лазарь Елизарыч! Где нам грабить! Делишки наши маленькие. Мы, как птицы небесные, по зернышку клюем.

Подхалюзин. Вы, стало быть, больше по мелочам?

Рисположенский. Будешь и по мелочам, как взять-то негде. Ну еще нешто, кабы один, а то ведь у меня жена да четверо ребятишек. Все есть просят, голубчики. Тот говорит — тятенька, дай, другой говорит — тятенька, дай. Одного вот в гимназию определил: мундирчик надобно, то, другое. А домишко-то эвона где! Что сапогов

одних истреплешь, ходимши к Воскресенским воротам с Бутырок-то.

Подхалюзин. Это точно-с.

Рисположенский. А зачем ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого в мещане припишешь. Иной день и полтины серебром домой не принесешь. Ей-богу, не лгу. Чем тут жить? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)* А я думаю: забегу, мол, я к Лазарь Елизарычу, не даст ли он мне деньжонок что-нибудь?

Подхалюзин. А за какие же это провинности-с?

Рисположенский. Как за какие провинности! Вот уж грех, Лазарь Елизарыч! Нешто я вам не служу? По гроб слуга, что хотите заставьте. А закладную-то вам выхлопотал.

Подхалюзин. Ведь уж вам заплачено! И толковать-то вам об одном и том же не приходится!

Рисположенский. Это точно, Лазарь Елизарыч, заплачено. Это точно! Эх, Лазарь Елизарыч, бедность-то меня одолела.

Подхалюзин. Бедность одолела! Это бывает-с. *(Подходит и садится к столу.)* А у нас вот лишние есть-с: девать некуда. *(Кладет бумажник на стол.)*

Рисположенский. Что вы, Лазарь Елизарыч,

неужто лишние? Небось шутите?

Подхалюзин. Окромя всяких шуток-с.

Рисположенский. А коли лишние, так отчего же бедному человеку не помочь. Вам Бог пошлет за это.

Подхалюзин. А много ли вам требуется?

Рисположенский. Дайте три целковеньких.

Подхалюзин. Что так мало-с?

Рисположенский. Ну, дайте пять.

Подхалюзин. А вы просите больше.

Рисположенский. Ну, уж коли милость будет, дайте десять.

Подхалюзин. Десять-с! Так, задаром?

Рисположенский. Как задаром! Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь сквитаемся.

Подхалюзин. Все это буки-с. Улита едет, да когда-то она будет. А мы теперь с вами вот какую материю заведем: много ли вам Самсон Силыч обещали за всю эту механику?

Рисположенский. Стыдно сказать, Лазарь Елизарыч: тысячу рублей да старую шубу енотовую. Уж меньше меня никто не возьмет, ей-богу, вот хоть прицепитесь подите.

Подхалюзин. Ну так вот что, Сысой Псоич, я вам дам две тысячи-с… за этот же самый предмет-с.

Рисположенский. Благодетель вы мой, Лазарь

Елизарыч! С женой и с детьми в кабалу пойду.

Подхалюзин. Сто серебром теперь же-с, а остальные после, по окончании всего этого происшествия-с.

Рисположенский. Ну вот, как за эдаких людей Богу не молить! Только какая-нибудь свинья необразованная может не чувствовать этого. Я вам в ножки поклонюсь, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Это уж на что же-с! Только, Сысой Псоич, уж хвостом не вертеть туда и сюда, а ходи в аккурате, — попал на эту точку и вертись на этой линии. Понимаете-с?

Рисположенский. Как не понимать! Что вы, Лазарь Елизарыч, маленький, что ли, я! Пора понимать!

Подхалюзин. Да что вы понимаете-то? Вот дела-то какие-с. Вы прежде выслушайте. Приезжаем мы с Самсоном Силычем в город, и эрестрик этот привезли, как следует. Вот он пошел по кредиторам: тот не согласен, другой не согласен; да так ни один таки и нейдет на эту штуку. Вот она какая статья-то.

Рисположенский. Что вы это говорите, Лазарь Елизарыч! А! Вот поди ж ты! Вот народ-то!

Подхалюзин. Как бы нам теперича с эстим делом не опростоволоситься! Понимаете вы меня

али нет?

Расположенский. То есть насчет несостоятельности, Лазарь Елизарыч?

Подхалюзин. Несостоятельность там сама по себе, а насчет моих-то делов.

Расположенский. Хе-хе-хе… то есть дом-то с лавками… эдак… дом-то… хе-хе-хе…

Подхалюзин. Что-о-с?

Расположенский. Нет-с, это я так, Лазарь Елизарыч, по глупости, как будто для шутки.

Подхалюзин. То-то для шутки! А вы этим не шутите-с! Тут не то что дом, у меня теперь такая фантазия в голове об этом предмете, что надо с вами обширно потолковать-с! Пойдемте ко мне-с. Тишка!

Явление шестое

Те же и Тишка.

Подхалюзин. Прибери тут все это! Ну, пойдемте, Сысой Псоич!

Тишка хочет убирать водку.

Расположенский. Постой, постой! Эх, братец, какой ты глупый! Видишь, что хотят пить, ты и подожди. Ты и подожди. Ты еще мал, ну так ты будь учтив и снисходителен. Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Подхалюзин. Пейте, да только поскореича, того гляди, сам приедет.

Рисположенский. Сейчас, батюшка Лазарь Елизарыч, сейчас! *(Пьет и закусывает.)* Да уж мы лучше ее с собой возьмем.

Уходят, Тишка прибирает кое-что; сверху сходят Устинья Наумовна и Фоминишна. Тишка уходит.

Фоминишна. Уж пореши ты ее нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, девка-то измаялась совсем, да ведь уж и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражнивается. Я уж это по себе знаю. Я по тринадцатому году замуж шла, а ей вот через месяц девятнадцатый годок минет. Что томить-то ее понапрасну. Другие в ее пору давно уж детей повывели. То-то, мать моя, что ж ее томить-то.

Устинья Наумовна. Сама все это разумею, серебряная, да нешто за мной дело стало; у меня женихов-то что кобелей борзых. Да ишь ты, разборчивы очень они с маменькой-то.

Фоминишна. Да что их разбирать-то! Ну, известное дело, чтоб были люди свежие, не плешивые, чтоб не пахло ничем, а там какого ни возьми — все человек.

Устинья Наумовна *(садясь).* Присесть, сереб-

ряная. Измучилась я нынче день-то деньской, с раннего утра, словно отымалка какая, мычуся. А ведь и проминовать ничего нельзя, везде, стало быть, необходимый человек. Известное дело, серебряная, всякий человек — живая тварь; тому невеста понадобилась, той жениха хоть роди, да подай, а там где-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинит — все я же. Отдувайся одна за всех Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что так уж, видно, устроено — от начала мира этакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходят и нас за труды: кто на платье тебе материи, кто шаль с бахромой, кто тебе чепчик состряпает, а где и золотой, где и побольше перевалится, — известно, что чего стоит, глядя по силе возможности.

Фоминишна. Что говорить, матушка, что говорить!

Устинья Наумовна. Садись, Фоминишна, — ноги-то старые, ломаные.

Фоминишна. И, мать! некогда. Ведь какой грех-то: сам-то что-то из городу не едет, все под страхом ходим; того и гляди, пьяный приедет. А уж какой благой-то, господи! Зародится же ведь эдакой озорник!

Устинья Наумовна. Известное дело: с богатым

мужиком, что с чертом, не скоро сообразишь.

Фоминишна. Уж мы от него страсти-то видали. Вот на прошлой неделе, ночью, пьяный приехал: развоевался так, что на́-поди. Страсти да и только: посуду колотит… «У! — говорит. — Такие вы и эдакие, убью сразу!»

Устинья Наумовна. Необразование.

Фоминишна. Уж и правда, матушка! А я побегу, родная, наверх-то — Аграфена-то Кондратьевна у меня там одна. Ты, как пойдешь домой-то, так заверни ко мне — я тебе окорочек завяжу. *(Идет на лестницу.)*

Устинья Наумовна. Зайду, серебряная, зайду.

Подхалюзин входит.

Явление седьмое

Устинья Наумовна и Подхалюзин.

Подхалюзин. А! Устинья Наумовна! Сколько лет, сколько зим-с!

Устинья Наумовна. Здравствуй, живая душа, каково попрыгиваешь?

Подхалюзин. Что нам делается-с. *(Садится.)*

Устинья Наумовна. Мамзельку, коли хочешь, высватаю!

Подхалюзин. Покорно благодарствуйте, — нам пока не требуется.

Устинья Наумовна. Сам, серебряный, не хочешь — приятелю удружу. У тебя ведь, чай, знакомых-то по городу что собак.

Подхалюзин. Да, есть-таки около того-с.

Устинья Наумовна. Ну а коли есть, так и слава тебе господи! Чуть мало-мальски жених, холостой ли он, неженатый ли, вдовец ли какой, — прямо и тащи ко мне.

Подхалюзин. Так вы его и жените?

Устинья Наумовна. Так и женю. Отчего ж не женить, и не взвидишь, как женю.

Подхалюзин. Это дело хорошее-с. А вот теперича я у вас спрошу, Устинья Наумовна, зачем это вы к нам больно часто повадились?

Устинья Наумовна. А тебе что за печаль! Зачем бы я ни ходила. Я ведь не краденая какая, не овца без имени. Ты что за спрос?

Подхалюзин. Да так-с, не напрасно ли ходите-то?

Устинья Наумовна. Как напрасно? С чего это ты, серебряный, выдумал! Посмотри-ко, какого жениха нашла. Благородный, крестьяне есть, и из себя молодец.

Подхалюзин. За чем же дело стало-с?

Устинья Наумовна. Ни за чем не стало! Хотел завтра приехать да обзнакомиться. А там обвер-

тим, да и вся недолга.

Подхалюзин. Обвертите, попробуйте, — задаст он вам после копоти.

Устинья Наумовна. Что ты, здоров ли, яхонтовый?

Подхалюзин. Вот вы увидите!

Устинья Наумовна. До вечера не дожить; ты, алмазный, либо пьян, либо вовсе с ума свихнул.

Подхалюзин. Уж об этом-то вы не извольте беспокоиться, вы об себе-то подумайте, а мы знаем, что знаем.

Устинья Наумовна. Да что ты знаешь-то?

Подхалюзин. Мало ли что знаем-с.

Устинья Наумовна. А коли что знаешь, так и нам скажи; авось язык-то не отвалится.

Подхалюзин. В том-то и сила, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна. Отчего ж нельзя, меня, что ль, совестишься, бралиянтовый, ничего, говори, — нужды нет.

Подхалюзин. Тут не об совести дело. А вам скажи — вы, пожалуй, и разболтаете.

Устинья Наумовна. Анафема хочу быть, коли скажу, — руку даю на отсечение.

Подхалюзин. То-то же-с. Уговор лучше денег-с.

Устинья Наумовна. Известное дело. Ну, что же

ты знаешь-то?

Подхалюзин. А вот что-с, Устинья Наумовна: нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с!

Устинья Наумовна. Да что ты, белены, что ль, объелся?

Подхалюзин. Ничего не объелся-с! А если вам угодно говорить по душе, по совести-с, так это вот какого рода дело-с: у меня есть один знакомый купец из русских, и они оченно влюблены в Алимпияду Самсоновну-с. Что, говорит, ни дать, только бы жениться; ничего, говорит, не пожалею.

Устинья Наумовна. Что ж ты мне прежде-то, алмазный, не сказал?

Подхалюзин. Сказать-то было нечего, по тому самому, что я и сам-то недавно узнал-с.

Устинья Наумовна. Уж теперь поздно, бриллиантовый!

Подхалюзин. Уж какой жених-то, Устинья Наумовна! Да он вас с ног до головы золотом осыплет-с, из живых соболей шубу сошьет.

Устинья Наумовна. Да, голубчик, нельзя! Рада бы я радостью, да уж я слово дала.

Подхалюзин. Ну, как угодно-с! А за этого высватаете, так беды наживете, что после и не расхлебаете.

Устинья Наумовна. Ну, ты сам рассуди, с ка-

ким я рылом покажусь к Самсону-то Силычу? Наговорила им с три короба, что и богат-то, и красавец-то, и влюблен-то так, что и жить не может, а теперь что скажу? Ведь ты сам знаешь, каково у вас чадочко Самсон-то Силыч, ведь он, не ровён час, и чепчик помнет.

Подхалюзин. Ничего не помнет-с.

Устинья Наумовна. Да и девку-то раздразнила, на дню два раза присылает: что жених, да как жених?

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, не бегайте от своего счастия-с. Хотите две тысячи рублей и шубу соболью, чтобы только свадьбу эту расстроить-с? А за сватовство у нас особый уговор будет-с. Я вам говорю-с, что жених такой, что вы сроду и не видывали, только вот одно-с: происхождения не благородного.

Устинья Наумовна. А они-то разве благородные? То-то и беда яхонтовый! Нынче заведение такое пошло, что всякая тебе лапотница[39] в дворянство норовит. Вот хоть бы и Алимпияда-то Самсоновна, конечно, дай ей Бог доброго здоровья, жалует по-княжески, а происхождения-то небось хуже нашего. Отец-то, Самсон Силыч,

---

[39] Примечания: 39

Лапотница — крестьянка, женщина из низшего сословия.

голицами[40] торговал на Балчуге; добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили. Да и матушка-то Аграфена Кондратьевна чуть-чуть не панёвница[41] — из Преображенского взята. А нажили капитал да в купцы вылезли, так и дочка в прынцессы норовит. А все это денежки. Вот я, чем хуже ее, а за ее же хвостом наблюдай. Воспитанья-то тоже не бог знает какого: пишет-то, как слон брюхом ползает, по-французскому али на фортопьянах тоже сям, тям, да и нет ничего; ну а танец-то отколоть — я и сама пыли в нос пущу.

Подхалюзин. Ну вот видите ли — за купцом-то быть ей гораздо пристойнее.

Устинья Наумовна. Да как же мне с женихом-то быть, серебряный? Я его-то уж больно уверила, что такая Алимпияда Самсоновна красавица, что настоящий тебе патрет, и образованная, говорю, и по-французскому, и на разные манеры знает. Что ж я ему теперь-то скажу?

Подхалюзин. Да вы и теперь то же ему скажите, что, мол, и красавица, и образованная, и на всякие манеры, только, мол, они деньгами

---

[40] Примечания: 40
Голицы — рукавицы.

[41] Примечания: 41
Паневница — крестьянка, женщина из низшего сословия.

порасстроились, так он сам откажется!

Устинья Наумовна. А что, ведь и правда, бралиянтовый! Да нет, постой! Как же! Ведь я ему сказывала, что у Самсона Силыча денег куры не клюют.

Подхалюзин. То-то вот, прытки вы очень рассказывать-то. А почем вы знаете, сколько у Самсона Силыча денег-то, нешто вы считали?

Устинья Наумовна. Да уж это кого ни спроси, всякий знает, что Самсон Силыч купец богатейший.

> Самсон Силыч Большов – один из главных героев пьесы. В его облике и характере отражены устои старого купечества. Он носит бороду и следует домостроевским нормам, по которым дети должны во всем подчиняться родителям. Само его имя говорит о силе и власти: отчество Силыч, фамилия Большов. А Самсон – это имя древнего героя, обладавшего нечеловеческой силой, который был побежден с помощью хитрости. То же произойдет и с персонажем Островского.

Подхалюзин. Да! Много вы знаете! А что после того будет, как высватаете значительного чело-

века, а Самсон Силыч денег-то не даст? А он после всего этого вступится да скажет: я, дескать, не купец, что меня можно приданым обманывать! Да еще, как значительный-то человек, подаст жалобу в суд, потому что значительному человеку везде ход есть-с: мы-то с Самсон Силычем попались, да и вам-то не уйти. Ведь вы сами знаете — можно обмануть приданым нашего брата, с рук сойдет, а значительного человека обмани-ко поди, так после и не уйдешь.

Устинья Наумовна. Уж полно тебе пугать-то меня! Сбил с толку совсем.

Подхалюзин. А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с.

Устинья Наумовна. Так ты, яхонтовый, говоришь, что две тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзин. Точно так-с. Уж будьте покойны! А надемши-то шубу соболью, Устинья Наумовна, да по гулянью пройдетесь, — другой подумает, генеральша какая.

Устинья Наумовна. А что ты думаешь, да и в самом деле! Как надену соболью шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то в боки, так ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются так, что пожарной трубой не зальешь; жены-то с ревности вам все носы пообборвут.

Подхалюзин. Это точно-с!

Устинья Наумовна. Давай задаток! Была не была!

Подхалюзин. А вы, Устинья Наумовна, вольным духом, не робейте!

Устинья Наумовна. Чего робеть-то? Только смотри: две тысячи рублей да соболью шубу.

Подхалюзин. Говорю вам, из живых сошьем. Уж что толковать!

Устинья Наумовна. Ну, прощай, изумрудный! Побегу теперь к жениху. Завтра увидимся, так я тебе все отлепартую.

Подхалюзин. Погодите! Куда бежать-то! Зайдите ко мне — водочки выпьем-с. Тишка! Тишка!

Входит Тишка.

Ты смотри, коли хозяин приедет, так ты в те поры прибеги за мной.

Уходят.

Явление восьмое

Тишка *(садится к столу и вынимает из кармана деньги).* Полтина серебром — это нынче Лазарь дал. Да намедни, как с колокольни упал, Аграфена Кондратьевна гривенник дали, да четвертак в орлянку выиграл, да третёвось хозяин забыл на прилавке целковый. Эвось, что денег-то!

(Считает про себя.)

Голос Фоминишны за сценой: «Тишка, а Тишка! Долго ль мне кричать-то?»

Тишка. Что там еще?

«Дома, что ли-ча, Лазарь?»

Был, да весь вышел!

«Да куда ж он делся-то, господи?»

А я почем знаю; нешто он у меня спрашивается! Вот кабы спрашивался — я бы знал.

Фоминишна сходит с лестницы.

Да что там у вас?

Фоминишна. Да ведь Самсон Силыч приехал, да никак хмельной.

Тишка. Фю! попались!

Фоминишна. Беги, Тишка, за Лазарем, голубчик, беги скорей!

Тишка бежит.

Аграфена Кондратьевна *(показывается на лестнице).* Что, Фоминишна, матушка, куда он идет-то?

Фоминишна. Да никак, матушка, сюда! Ох, запру я двери-то, ей-богу, запру; пускай его кверху идет, а ты уж, голубушка, здесь посиди.

Стук в двери и голос Самсона Силыча: «Эй, отоприте, кто там?» Аграфена Кондратьевна скрывается.

Поди, батюшка, поди усни, Христос с тобой!

Большов *(за дверями).* Да что ты, старая карга, с ума, что ли, сошла?

Фоминишна. Ах, голубчик ты мой! Ах, я мымра слепая! А ведь покажись мне сдуру-то, что ты хмельной приехал. Уж извини меня, глуха стала на старости лет.

Самсон Силыч входит.

Явление девятое

Фоминишна и Большов.

Большов. Стряпчий был?

Фоминишна. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчёна.

Большов. Да ты белены, что ль, объелась, старая дура!

Фоминишна. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала.

Большов. Пошла вон! *(Садится.)*

Фоминишна идет в двери; Подхалюзин и Тишка входят.

Фоминишна *(возвращаясь).* Ах, я дура, дура! Уж не взыщи на плохой памяти. Холодной-то поросенок совсем из ума выскочил.

Явление десятое

Подхалюзин, Большов и Тишка.

Большов. Убирайся к свиньям!

Фоминишна уходит.

(К Тишке.) Что ты рот-то разинул! Аль тебе дела нет?

Подхалюзин *(к Тишке).* Говорили тебе, кажется!

Тишка уходит.

Большов. Стряпчий был?

Подхалюзин. Был-с!

Большов. Говорил ты с ним?

Подхалюзин. Да что, Самсон Силыч, разве он чувствует? Известно, чернильная душа-с! Одно ладит — объявиться несостоятельным.

Большов. Что ж, объявиться так объявиться — один конец.

Подхалюзин. Ах, Самсон Силыч, что это вы изволите говорить!

Большов. Что ж, деньги заплатить? Да с чего же ты это взял? Да я лучше все огнем сожгу, а уж им ни копейки не дам. Перевози товар, продавай векселя, пусть тащут, воруют кто хочет, а уж я им не плательщик.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, заве-

дение было у нас такое превосходное, и теперь должно все в расстройство прийти.

Большов. А тебе что за дело? Не твое было. Ты старайся только — от меня забыт не будешь.

Подхалюзин. Не нуждаюсь я ни в чем после вашего благодеяния. И напрасно вы такой сюжет обо мне имеете. Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то чтобы какой фальш сделать. Вы подвигаетесь к старости, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня образованная и в таких годах; надобно и об ней заботливость приложить-с. А теперь такие обстоятельства: мало ли что может произойти из всего этого.

Большов. А что такое произойти может? Я один в ответе.

Подхалюзин. Что об вас-то толковать! Вы, Самсон Силыч, отжили свой век, слава богу, пожили, а Алимпияда-то Самсоновна, известное дело, барышня, каких в свете нет. Я вам, Самсон Силыч, по совести говорю, то есть как это все по моим чувствам: если я теперича стараюсь для вас и все мои усердия, можно сказать, не жалея потакрови, прилагаю — так это все больше потому самому, что жаль мне вашего семейства.

Большов. Полно, так ли?

Подхалюзин. Позвольте-с: ну, положим, что это все благополучно кончится-с, хорошо-с. Останется у вас чем пристроить Алимпияду Самсоновну. Ну, об этом и толковать нечего-с; были бы деньги, а женихи найдутся-с. Ну а грех какой, сохрани Господи! Как придерутся да начнут по судам таскать, да на все семейство эдакая мораль пойдет, а еще, пожалуй, и имение-то все отнимут: должны будут они-с голод и холод терпеть и без всякого призрения, как птенцы какие беззащитные. Да это сохрани Господи! Это что ж будет тогда? *(Плачет.)*

Большов. Да об чем же ты плачешь-то?

Подхалюзин. Конечно, Самсон Силыч, я это к примеру говорю — в добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен — горами шатает.

Большов. Что ж делать-то, братец, уж, знать, такая воля Божия, против ее не пойдешь.

Подхалюзин. Это точно, Самсон Силыч! А все-таки, по моему глупому рассуждению, пристроить бы до поры до времени Алимпияду Самсоновну за хорошего человека, так уж тогда будет она, по крайности, как за каменной стеной-с. Да главное, чтобы была душа у человека, так он будет чувствовать. А то вон, что сватался

за Алимпияду Самсоновну, благородный-то, — и оглобли назад поворотил.

Большов. Как назад? Да с чего это ты выдумал?

Подхалюзин. Я, Самсон Силыч, не выдумал, — вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, что-нибудь прослышал, кто его знает.

Большов. А ну его! По моим делам теперь не такого нужно.

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, возьмите в рассуждение: я посторонний человек, не родной, — а для вашего благополучия ни дня, ни ночи себе покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдают барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денег еще дают-с, а он ломается да важничает, — ну есть ли в нем душа после всего этого?

Большов. Ну а не хочет, так и не надо, не заплачем!

Подхалюзин. Нет, вы, Самсон Силыч, рассудите об этом: есть ли душа у человека? Я вот посторонний совсем, да не могу же без слез видеть всего этого. Поймите вы это, Самсон Силыч! Другой бы и внимания не взял так убиваться из-за чужого дела-с; а ведь меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я уж вас не оставлю; потому не могу — сердце у меня не такое.

Большов. Да как же тебе оставить-то меня: только ведь и надежды-то теперь что ты. Сам я стар, дела подошли тесные. Погоди: может, еще такое дело сделаем, что ты и не ожидаешь.

Подхалюзин. Да не могу же я этого сделать, Самсон Силыч. Поймите вы из этого: не такой я совсем человек! Другому, Самсон Силыч, конечно, это все равно-с, ему хоть трава не расти, а уж я не могу-с, сами изволите видеть-с, хлопочу я али нет-с. Как черт какой, убиваюсь я теперича из-за вашего дела-с, потому что не такой я человек-с. Жалеючи вас это делается, и не столько вас, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнеженная, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет-с…

Большов. Неужто и в свете нет? Уж ты, брат, не того ли?..

Подхалюзин. Чего-с?.. Нет, я ничего-с!..

Большов. То-то, брат, ты уж лучше откровенно говори. Влюблен ты, что ли, в Алимпияду Самсоновну?

Подхалюзин. Вы, Самсон Силыч, может, шутить изволите.

Большов. Что за шутка! Я тебя без шуток спрашиваю.

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, смею ли я это подумать-с.

Большов. А что ж бы такое не сметь-то? Что она, княжна, что ли, какая?

Подхалюзин. Хотя и не княжна, да как бымши вы моим благодетелем и вместо отца полного… Да нет, Самсон Силыч, помилуйте, как же это можно-с, неужли же я этого не чувствую!

Большов. Так ты, стало быть, ее не любишь?

Подхалюзин. Как же не любить-с, помилуйте, кажется, больше всего на свете. Да нет-с, Самсон Силыч, как же это можно-с.

Большов. Ты бы так и говорил, что люблю, мол, больше всего на свете.

Подхалюзин. Да как же не любить-с! Сами извольте рассудить: день думаю, ночь думаю… то бишь, известное дело, Алимпияда Самсоновна барышня, каких в свете нет… Да нет, этого нельзя-с. Где же нам-с!..

Большов. Да чего же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзин. Да как же можно, Самсон Силыч? Как знамши я вас, как отца родного, и Алимпияду Самсоновну-с, и опять, знамши себя, что я такое значу, — где же мне с суконным-то рылом-с?

Большов. Ничего не суконное. Рыло как рыло. Был бы ум в голове — а тебе ума-то не занимать

стать, этим добром Бог наградил. Так что же, Лазарь, посватать тебе Алимпияду-то Самсоновну, а?

Подхалюзин. Да помилуйте, смею ли я? Алимпияда-то Самсоновна, может быть, на меня глядеть-то не захотят-с!

Большов. Важное дело! Не плясать же мне по ее дудочке на старости лет. За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу — с кашей ем, хочу — масло пахтаю[42]. Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзин. Не смею я, Самсон Силыч, об этом с вами говорить-с. Не хочу быть подлецом против вас.

Большов. Экой ты, братец, глупый! Кабы я тебя не любил, нешто бы я так с тобой разговаривал? Понимаешь ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливым сделать!

Подхалюзин. А нешто я вас не люблю, Самсон Силыч, больше отца родного? Да накажи меня Бог!.. Да что я за скотина!

Большов. Ну а дочь любишь?

Подхалюзин. Изныл весь-с! Вся душа-то у меня перевернулась давно-с!

Большов. Ну а коли душа перевернулась, так

---

[42] Примечания: 42
Пахтать — взбивать.

мы тебя поправим. Владей, Фаддей, нашей Маланьей.

Подхалюзин. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономия у меня совсем не такая.

Большов. Ну ее, физиономию! А вот я на тебя все имение переведу, так после кредиторы-то и пожалеют, что по двадцати пяти копеек не взяли.

Подхалюзин. Еще как пожалеют-то-с!

Большов. Ну, ты ступай теперь в город, а ужо-тко заходи к невесте: мы над ними шутку подшутим.

Подхалюзин. Слушаю, тятенька-с! *(Уходит.)*

Действие третье

Декорация первого действия.

Явление первое

Большов *(входит и садится на кресло; несколько времени смотрит по углам и зевает).* Вот она, жизнь-то; истинно сказано: суета сует и всяческая суета. Черт знает, и сам не разберешь, чего хочется. Вот бы и закусил что-нибудь, да обед испортишь, а и так-то сидеть одурь возьмет. Али чайком бы, что ль, побаловать. *(Молчание.)* Вот так-то и всё: жил, жил человек, да вдруг и помер — так все прахом и пойдет. Ох, Господи, Господи! *(Зевает и смотрит по углам.)*

Явление второе

Аграфена Кондратьевна и Липочка (разряженная).

Аграфена Кондратьевна. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнее, не зацепи. Посмотри-ко, Самсон Силыч, полюбуйся, сударь ты мой, как я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь

поди! Что твой розан пионовый! *(К ней.)* Ах ты, моя ангелика, царевна, херуимчик ты мой! *(К нему.)* Что, Самсон Силыч, правда, что ли? Только бы ей в карете ездить шестерней.

Большов. Проедет и парочкой — не великого полета помещица!

Аграфена Кондратьевна. Уж известно, не енаральская дочь, а все, как есть, красавица!.. Да приголубь ребенка-то, что как медведь бурчишь.

Большов. А как мне еще приголублывать-то? Ручки, что ль, лизать, в ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднее.

Аграфена Кондратьевна. Да ты что видал-то? Так что-нибудь, а ведь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человек.

Большов. Что ж, что дочь? Слава богу — обута, одета, накормлена; чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсон Силыч, очумел, что ли? Накормлена! Мало ли что накормлена! По христианскому закону всякого накормить следствует; и чужих призирают, не токмо что своих, — а ведь это и в люди сказать грех: как ни на есть, родная детища!

Большов. Знаем, что родная, да чего ж ей еще? Что ты мне притчи эти растолковываешь? Не в рамку же ее вделать! Понимаем, что отец.

Аграфена Кондратьевна. Да коли уж ты, батюшка, отец, так не будь свекором! Пора, кажется, в чувство прийти: расставаться скоро приходится, а ты и доброго слова не вымолвишь; должен бы на пользу посоветовать что-нибудь такое житейское. Нет в тебе никакого обычаю родительского!

Большов. А нет, так что ж за беда; стало быть, так Бог создал.

Аграфена Кондратьевна. Бог создал! Да сам-то ты что? Ведь и она, кажется, создания божеская, али нет? Не животная какая-нибудь, прости господи!.. Да спроси у нее что-нибудь.

Большов. А что я за спрос? Гусь свинье не товарищ: как хотите, так и делайте.

Аграфена Кондратьевна. Да на деле-то уж не спросим, ты покедова-то вот. Человек приедет чужой-посторонний, все-таки как хочешь примеривай, а мужчина — не женщина — в первый-то раз наедет, не видамши-то его.

Большов. Сказано, что отстань.

Аграфена Кондратьевна. Отец ты эдакой, а еще родной называешься! Ах ты, дитятко моя заброшенная, стоишь, словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились от тебя, да и знать не хотят. Присядь, Липочка, присядь,

душечка, ненаглядная моя сокровища! *(Усаживает.)*

Липочка. Ах, отстаньте, маменька! Измяли совсем.

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я на тебя издальки посмотрю!

Липочка. Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одеться порядочно: вы тотчас расчувствоваетесь.

Аграфена Кондратьевна. Так, так, дитятко! Да как взгляну-то на тебя, так ведь эта жалости подобно.

Липочка. Что ж, надо ведь когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Все-таки жалко, дурочка: ро́стили, ро́стили, да и вырастили — да ни с того ни с сего в чужие люди отдаем, словно ты надоела нам да наскучила глупым малым ребячеством, своим кротким поведением. Вот выживем тебя из дому, словно ворога из города, а там схватимся да спохватимся, да и негде взять. Посудите, люди добрые, каково жить в чужой дальней стороне, чужим куском давишься, кулаком слезы утираючи! Да, помилуй бог, неровнюшка выйдется, неровен дурак навяжется аль дурак какой — дурацкий сын! *(Плачет.)*

Липочка. Вот вы вдруг и расплакались! Право,

как не стыдно, маменька! Что там за дурак?

Аграфена Кондратьевна *(плача).* Да уж это так говорится, — к слову пришлось.

Большов. А об чем бы ты это, слышно, разрюмилась? Вот спросить тебя, так сама не знаешь.

Аграфена Кондратьевна. Не знаю, батюшка, ох, не знаю: такой стих нашел.

Большов. То-то вот сдуру. Слезы у вас дешевы.

Аграфена Кондратьевна. Ох, дешевы, батюшка, дешевы; и сама знаю, что дешевы, да что ж делать-то?

Липочка. Фи, маменька, как вы вдруг! Полноте! Ну, вдруг приедет — что хорошего!

Аграфена Кондратьевна. Перестану, дитятко, перестану; сейчас перестану!

Явление третье

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна *(входя).* Здравствуйте, золотые! Что вы невеселы — носы повесили?

Целуются.

Аграфена Кондратьевна. А уж мы заждались тебя.

Липочка. Что, Устинья Наумовна, скоро приедет?

Устинья Наумовна. Виновата, сейчас прова-

литься, виновата! А дела-то наши, серебряные, не очень хороши!

Липочка. Как? Что такое за новости?

Аграфена Кондратьевна. Что ты еще там выдумала?

Устинья Наумовна. А то, бралиянтовые, что жених-то наш что-то мнется.

Большов. Ха-ха-ха! А еще сваха! Где тебе сосватать!

Устинья Наумовна. Уперся, как лошадь, — ни тпру ни ну; слова от него не добьешься путного.

Липочка. Да что ж это, Устинья Наумовна? Да как же это ты, право!

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшки! Да как же это быть-то?

Липочка. Да давно ль ты его видела?

Устинья Наумовна. Нынче утром была. Вышел как есть в одном шлафорке; а уж употчевал — можно чести приписать. И кофию велел, и ромку-то, а уж сухарей навалил — видимо-невидимо. Кушайте, говорит, Устинья Наумовна! Я было об деле-то, знаешь ли, — надо, мол, чем-нибудь порешить; ты, говорю, нынче хотел ехать обзнакомиться-то; а он мне на это ничего путного не сказал. Вот, говорит, подумамши да посоветамшись, а сам только что опояску поддергивает.

Липочка. Что ж он там спустя рукава-то сантиментальничает? Право, уж тошно смотреть, как все это продолжается.

Аграфена Кондратьевна. И в самом деле, что он ломается-то? Мы разве хуже его?

Устинья Наумовна. А, лягушка его заклюй, нешто мы другого не найдем?

Большов. Ну, уж ты другого-то не ищи, а то опять то же будет. Уж другого-то я вам сам найду.

Аграфена Кондратьевна. Да, найдешь, на печи-то сидя; ты уж и забыл, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Большов. А вот увидишь!

Аграфена Кондратьевна. Что увидать-то! увидать-то нечего! Уж не говори ты мне, пожалуйста, не расстроивай ты меня. *(Садится.)*

Большов хохочет. Устинья Наумовна отходит с Липочкой на другую сторону сцены. Устинья Наумовна рассматривает ее платье.

Устинья Наумовна. Ишь ты, как вырядилась, — платьице-то на тебе какое авантажное. Уж не сама ль смастерила?

Липочка. Вот ужасно нужно самой! Что мы, нищие, что ли, по-твоему? А мадамы-то на что?

Устинья Наумовна. Фу ты, уж и нищие! Кто

тебе говорит такие глупости? Тут рассуждают об хозяйстве, что не сама ль, дескать, шила, — а то, известное дело, и платье-то твое дрянь.

Липочка. Что ты, что ты! Никак с ума сошла? Где у тебя глаза-то? С чего это ты конфузить вздумала?

Устинья Наумовна. Что это ты так разъерепенилась?

Липочка. Вот оказия! Стану я терпеть такую напраслину. Да что я, девчонка, что ли, какая необразованная!

Устинья Наумовна. С чего это ты взяла? Откуда нашел на тебя эдакой каприз? Разве я хулю твое платье? Чем не платье — и всякий скажет, что платье. Да тебе-то оно не годится, по красоте-то твоей совсем не такое надобно, — исчезни душа, коли лгу. Для тебя золотого мало: подавай нам шитое жемчугом. Вот и улыбнулась, изумрудная! Я ведь знаю, что говорю!

Тишка *(входит).* Сысой Псович приказали спросить, можно ли, дескать, взойти. Они тамóтка, у Лазаря Елизарыча.

Большов. Пошел, зови его сюда, и с Лазарем.

Тишка уходит.

Аграфена Кондратьевна. Что ж, недаром же закуска-то приготовлена — вот и закусим. А уж

тебе, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

Устинья Наумовна. Известное дело — адмиральский час[43] — самое настоящее время.

Аграфена Кондратьевна. Ну, Самсон Силыч, трогайся с места-то, что так-то сидеть.

Большов. Погоди, вот те подойдут — еще успеешь.

Липочка. Я, маменька, пойду разденусь.

Аграфена Кондратьевна. Поди, дитятко, поди.

Большов. Погоди раздеваться-то — жених приедет.

Аграфена Кондратьевна. Какой там еще жених — полно дурачиться-то.

Большов. Погоди, Липа, жених приедет.

Липочка. Кто же это, тятенька? Знаю я его или нет?

Большов. А вот увидишь, так, может, и узнаешь.

Аграфена Кондратьевна. Что ты его слушаешь, какой там еще шут приедет! Так язык чешет.

Большов. Говорят тебе, что приедет, так уж я, стало быть, знаю, что говорю.

Аграфена Кондратьевна. Коли кто в самом

---

[43] Примечания: 43

Адмиральский час — имеется в виду 11 часов утра.

деле приедет, так уж ты бы путем говорил, а то приедет, приедет, а бог знает кто приедет. Вот всегда так.

Липочка. Ну, так я, маменька, останусь. *(Подходит к зеркалу и смотрится, потом к отцу.)* Тятенька!

Большов. Что тебе?

Липочка. Стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна. Что за стыд, дурочка! Говори, коли что нужно.

Устинья Наумовна. Стыд не дым — глаза не выест.

Липочка. Нет, ей-богу, стыдно!

Большов. Ну закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна. Шляпку, что ли, новую хочется?

Липочка. Вот и не угадали, вовсе не шляпку.

Большов. Так чего ж тебе?

Липочка. Выйти замуж за военного!

Большов. Эк ведь что вывезла!

Аграфена Кондратьевна. Окстись, беспутная! Христос с тобой!

Липочка. Что ж — ведь другие выходят же.

Большов. Ну и пускай их выходят, а ты сиди у моря да жди погодки.

Аграфена Кондратьевна. Да ты у меня и

заикаться не смей! Я тебе и родительского благословенья не дам.

Явление четвертое

Те же и Лазарь, Расположенский и Фоминишна (у дверей).

Расположенский. Здравствуйте, батюшка Самсон Силыч! Здравствуйте, матушка Аграфена Кондратьевна! Олимпиада Самсоновна, здравствуйте!

Большов. Здравствуй, братец, здравствуй! Садиться милости просим! Садись и ты, Лазарь!

Аграфена Кондратьевна. Закусить не угодно ли? А у меня закусочка приготовлена.

Расположенский. Отчего ж, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпил.

Большов. А вот сейчас пойдем все вместе, а теперь пока побеседуем маненько.

Устинья Наумовна. Отчего ж и не побеседовать! Вот, золотые мои, слышала я, будто в газете напечатано, правда ли, нет ли, что другой Бонапарт народился и будто бы, золотые мои…

Большов. Бонапарт Бонапартом, а мы пуще всего надеемся на милосердие Божие; да и не об том теперь речь.

Устинья Наумовна. Так об чем же, яхонтовый?

Большов. А о том, что лета наши подвигаются преклонные, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и один Создатель только ведает, что будет вперед: то и положили мы еще при жизни своей отдать в замужество единственную дочь нашу, и в рассуждении приданого тоже можем надеяться, что она не острамит нашего капитала и происхождения, а равномерно и перед другими прочими.

Устинья Наумовна. Ишь ведь, как сладко рассказывает, бралиянтовый.

Большов. А так как теперь дочь наша здесь налицо и при всем том, будучи уверены в честном поведении и достаточности нашего будущего зятя, что для нас оченно чувствительно, в рассуждении Божеского благословения, то и назначаем его теперича в общем лицезрении. Липа, поди сюда.

Липочка. Что вам, тятенька, угодно?

Большов. Поди ко мне, не укушу — небось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхалюзин. Давно готов-с!

Большов. Ну, Липа, давай руку!

Липочка. Как, что это за вздор? С чего это вы выдумали?

Большов. Хуже, как силой возьму!

Устинья Наумовна. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Аграфена Кондратьевна. Господи, да что ж это такое?

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противного!

Фоминишна. С нами крестная сила!

Подхалюзин. Видно, тятенька, не видать мне счастия на этом свете! Видно, не бывать-с по вашему желанию!

Большов *(берет Липочку насильно за руку и Лазаря.)* Как же не бывать, коли я того хочу? На что ж я и отец, коли не приказывать? Даром, что ли, я ее кормил?

Аграфена Кондратьевна. Что ты! Что ты! Опомнись!

Большов. Знай сверчок свой шесток! Не твое дело! Ну, Липа! Вот тебе жених! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядком да потолкуйте ладком — а там честным пирком да за свадебку.

Липочка. Как же — нужно мне очень с неучем сидеть! Вот оказия!

Большов. А не сядешь, так насильно посажу да заставлю жеманиться.

Липочка. Где это видано, чтобы воспитанные барышни выходили за своих работников?

Большов. Молчи лучше! Велю, так и за дворника выйдешь. *(Молчание.)*

Устинья Наумовна. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за беда такая.

Аграфена Кондратьевна. Сама, родная, затмилась, ровно чулан какой. И понять не могу — откуда это такое взялось?

Фоминишна. Господи! Семой десяток живу, сколько свадьб праздновала, а такой скверности не видывала.

Аграфена Кондратьевна. За что ж вы это, душегубцы, девку-то опозорили?

Большов. Да, очень мне нужно слушать вашу фанаберию. Захотел выдать дочь за приказчика — и поставлю на своем, и разговаривать не смей; я и знать никого не хочу. Вот теперь закусить пойдемте, а они пусть побалясничают; может быть, и поладят как-нибудь.

Рисположенский. Пойдемте, Самсон Силыч, и я с вами для компании рюмочку выпью. А уж это, Аграфена Кондратьевна, первый долг, чтобы дети слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится.

Встают и уходят все, кроме Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны.

Липочка. Да что же это, маменька, такое? Что я

им, кухарка, что ли, досталась? *(Плачет.)*

Подхалюзин. Маменька-с! Вам зятя такого, который бы вас уважал и, значит, старость вашу покоил, — окромя меня, не найтить-с.

Аграфена Кондратьевна. Да как это ты, батюшко?

Подхалюзин. Маменька-с! В меня Бог вложил такое намерение потому самому-с, что другой вас, маменька-с, и знать не захочет, а я по гроб моей жизни *(плачет)* должен чувствовать-с.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшко! Да как же это быть?

Большов *(из двери).* Жена, поди сюда!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшко, сейчас!

Подхалюзин. Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчас сказал.

Аграфена Кондратьевна уходит.

Явление пятое

Липочка и Подхалюзин. Молчание.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна-с! Алимпияда Самсоновна! Но кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-с! Позвольте вашу ручку поцеловать.

Липочка. Вы дурак необразованный!

Подхалюзин. За что вы, Алимпияда Самсоновна, обижать изволите-с?

Липочка. Я вам один раз навсегда скажу, что не пойду я за вас — не пойду.

Подхалюзин. Это как вам будет угодно-с! Насильно мил не будешь. Только я вам вот что доложу-с…

Липочка. Я вас слушать не хочу, отстаньте от меня! Как бы вы были учтивый кавалер: вы видите, что я ни за какие сокровища не хочу за вас идти, — вы бы должны отказаться.

Подхалюзин. Вот вы, Алимпияда Самсоновна, изволите говорить: отказаться. Только если я откажусь, что потом будет-с?

Липочка. А то и будет, что я выйду за благородного.

Подхалюзин. За благородного-с! Благородный-то без приданого не возьмет.

Липочка. Как без приданого? Что вы городите-то! Посмотрите-ко, какое у меня приданое-то, — в нос бросится.

Подхалюзин. Тряпки-то-с! Благородный тряпок-то не возьмет. Благородному-то деньги нужны-с.

Липочка. Что ж! Тятенька и денег даст!

Подхалюзин. Хорошо, как даст-с! А как дать-то

нечего? Вы дел-то тятенькиных не знаете, а я их оченно хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрут-с[44].

Липочка. Как банкрут? А дом-то, а лавки?

Подхалюзин. А дом-то и лавки — мои-с!

Липочка. Ваши?! Подите вы! Что вы меня дурачить хотите? Глупее себя нашли!

Подхалюзин. А вот у нас законные документы есть! *(Вынимает.)*

Липочка. Так вы купили у тятеньки?

Подхалюзин. Купил-с!

Липочка. Где же вы денег взяли?

Подхалюзин. Денег! У нас, слава богу, денег-то побольше, чем у какого благородного.

Липочка. Что ж это такое со мной делают? Воспитывали, воспитывали, потом и обанкрутились!

Молчание.

Подхалюзин. Ну, положим, Алимпияда Самсоновна, что вы выйдете и за благородного, — да что ж в этом будет толку-с? Только одна слава, что барыня, а приятности никакой нет-с. Вы извольте рассудить-с: барыни-то часто сами на рынок пешком ходят-с. А если и выедут-то куда,

---

[44] Примечания: 44

Банкрут — то же что и банкрот, разорившийся человек.

так только слава, что четверня-то, а хуже одной-с купеческой-то. Ей-богу, хуже-с. Одеваются тоже не больно пышно-с. А если за меня-то вы, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с — так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с — окромя бархатных, и надевать не станем. В рассуждении шляпок или салопов[45] — не будем смотреть на разные дворянские приличия, а наденем какую чудней! Лошадей заведем орловских. *(Молчание.)* Если вы насчет физиономии сумневаетесь, так это, как вам будет угодно-с, мы также и фрак наденем да бороду обреем либо так подстрижем, по моде-с, это для нас все одно-с.

Подхалюзин – очень спорная личность. Обманув своего благодетеля Большова, он при этом сдерживает обещание перед его дочерью Липонькой. Подхалюзин одновременно и вредитель, хитрец, и представитель нового, осовремененного купечества. Он согласен менять свой образ жизни: отказывается от бороды, поддерживает жену в стремлении к

[45] Примечания: 45

Салоп — верхняя зимняя одежда, напоминающая накидку или тунику.

светской жизни, восхищается ее «образованностью».

Липочка. Да вы все перед свадьбой так говорите, а там и обманете.

Подхалюзин. С места не сойти, Алимпияда Самсоновна! Анафемой хочу быть, коли лгу! Да это что-с, Алимпияда Самсоновна! Нешто мы в эдаком доме будем жить? В Каретном Ряду купим-с, распишем как: на потолках это райских птиц нарисуем, сиренов, капидонов разных — поглядеть только будут деньги давать.

Липочка. Нынче уж капидонов-то не рисуют.

Подхалюзин. Ну, так мы пукетами пустим. *(Молчание.)* Было бы только с вашей стороны согласие, а то мне в жизни ничего не надобно. *(Молчание.)* Как я несчастлив в своей жизни, что не могу никаких комплиментов говорить.

Липочка. Для чего вы, Лазарь Елизарыч, по-французски не говорите?

Подхалюзин. А для того, что нам не для чего. *(Молчание.)* Осчастливьте, Алимпияда Самсоновна, окажите эдакое благоволение-с. *(Молчание.)* Прикажите на колени стать.

Липочка. Станьте!

Подхалюзин становится.

Вот у вас какая жилетка скверная!

Подхалюзин. Эту я Тишке подарю-с, а себе на Кузнецком Мосту закажу, только не погубите! *(Молчание.)* Что же, Алимпияда Самсоновна-с?

Липочка. Дайте подумать.

Подхалюзин. Да об чем же думать-с?

Липочка. Как же можно не думать?

Подхалюзин. Да вы не думамши.

Липочка. Знаете что, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Что прикажете-с?

Липочка. Увезите меня потихоньку.

Подхалюзин. Да зачем же потихоньку-с, когда так тятенька с маменькой согласны?

Липочка. Да так делают. Ну а коли не хотите увезти — так уж, пожалуй, и так.

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна! Позвольте ручку поцеловать! *(Целует, потом вскакивает и подбегает к двери.)* Тятенька-с!..

Липочка. Лазарь Елизарыч, Лазарь Елизарыч! Подите сюда!

Подхалюзин. Что вам угодно-с?

Липочка. Ах, если бы вы знали, Лазарь Елизарыч, какое мне житье здесь! У маменьки семь пятниц на неделе; тятенька как не пьян, так молчит, а как пьян, так прибьет, того и гляди. Каково это терпеть образованной барышне! Вот как бы я

вышла за благородного, так я бы и уехала из дому и забыла бы обо всем этом. А теперь все опять пойдет по-старому.

Подхалюзин. Нет-с, Алимпияда Самсоновна, не будет этого! Мы, Алимпияда Самсоновна, как только сыграем свадьбу, так перейдем в свой дом-с. А уж мы им-то командовать не дадим-с. Нет, уж теперь кончено-с! Будет-с с них — почудили на своем веку, теперь нам пора!

Липочка. Да вы такие робкие, Лазарь Елизарыч, вы не посмеете тятеньке ничего сказать, а с благородным-то они немного наговорили бы.

Подхалюзин. Оттого и робкий-с, что было дело подначальное — нельзя-с. Прекословить не смею. А как заживем своим домом, так никто нам не указ. А вот вы все про благородных говорите. Да будет ли вас так любить благородный, как я буду любить? Благородный-то поутру на службе, а вечером по клубам шатается, а жена должна одна дома без всякого удовольствия сидеть. А смею ли я так поступать? Я всю жизнь должен стараться, как вам всякое удовольствие доставить.

Липочка. Так смотрите же, Лазарь Елизарыч, мы будем жить сами по себе, а они сами по себе. Мы заведем все по моде, а они — как хотят.

Подхалюзин. Уж это как и водится-с.

Липочка. Ну, теперь зовите тятеньку. *(Встает и охорашивается перед зеркалом.)*

Подхалюзин. Тятенька-с! Тятенька-с! Маменька-с!..

Явление шестое

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Подхалюзин *(идет навстречу Самсону Силычу и бросается к нему в объятия).* Алимпияда Самсоновна согласны-с!

Аграфена Кондратьевна. Бегу, батюшко, бегу.

Большов. Ну, вот и дело! То-то же. Я знаю, что делаю, уж не вам меня учить.

Подхалюзин *(к Аграфене Кондратьевне).* Маменька-с! Позвольте ручку поцеловать.

Аграфена Кондратьевна. Целуй, батюшко, обе чистые. Ах ты, дитятко, да как же это давеча-то так, а? Ей-богу! Что ж это такое? А уж я и не знала, как это дело и рассудить-то. Ах, ненаглядная ты моя!

Липочка. Я совсем, маменька, не воображала, что Лазарь Елизарыч такой учтивый кавалер! А теперь вдруг вижу, что он гораздо почтительнее других.

Аграфена Кондратьевна. Вот то-то же, дурочка! Уж отец тебе худа не пожелает. Ах ты, голубушка

моя! Эка ведь притча-то, а? Ах, матушки вы мои! Что ж это такое? Фоминишна! Фоминишна!

Фоминишна. Бегу, бегу, матушка, бегу. *(Входит.)*

Большов. Постой ты, таранта! Вот вы садитесь рядом — а мы на вас посмотрим. Да подай-ко ты нам бутылочку шипучки.

Подхалюзин и Липочка садятся.

Фоминишна. Сейчас, батюшка, сейчас! *(Уходит.)*

Явление седьмое

Те же, Устинья Наумовна и Расположенский.

Аграфена Кондратьевна. Поздравь жениха-то с невестой, Устинья Наумовна! Вот Бог привел на старости лет, дожили до радости.

Устинья Наумовна. Да чем же поздравить-то вас, изумрудные? Сухая ложка рот дерет.

Большов. А вот мы тебе горлышко промочим.

Явление восьмое

Те же, Фоминишна и Тишка (с вином на подносе).

Устинья Наумовна. Вот это дело другого рода. Ну, дай вам Бог жить да молодеть, толстеть да

богатеть. *(Пьет.)* Горько, бралиянтовые!

Липочка и Лазарь целуются.

Большов. Дай-ко я поздравлю. *(Берет бокал.)*

Липочка и Лазарь встают.

Живите, как знаете, — свой разум есть. А чтоб вам жить-то было не скучно, так вот тебе, Лазарь, дом и лавки пойдут вместо приданого, да из наличного отсчитаем.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я и так вами много доволен.

Большов. Что тут миловать-то! Свое добро, сам нажил. Кому хочу — тому и даю. Наливай еще!

Тишка наливает.

Да что тут разговаривать-то. На милость суда нет. Бери все, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.

Подхалюзин. Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся!

Здесь поговорка из названия пьесы проговаривается напрямую. «Свои люди – сочтемся» – основной лейтмотив, главная тема произведения. Все герои от богатого купца Большова до мальчика на побегушках Тишки обещают отблагодарить

друг друга и почти всегда обманывают («Мало ли что я обещал!») Так Островский вступает в спор с народной мудростью.

Большов. Говорят тебе, бери все, да и кончено дело. И никто мне не указ! Заплати только кредиторам. Заплатишь?

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, первый долг-с!

Большов. Только ты смотри — им много-то не давай. А то ты, чай, рад сдуру-то все отдать.

Подхалюзин. Да уж там, тятенька, как-нибудь сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большов. То-то же! Ты им больше десяти копеек не давай. Будет с них… Ну, поцелуйтеся!

Липочка и Лазарь целуются.

Аграфена Кондратьевна. Ах, голубчики вы мои! Да как же это так? Совсем вот как полоумная.

Устинья Наумовна.

Уж и где же это видано,
Уж и где же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночек яичко снес!

Наливает вина и подходит к Расположенскому.

Расположенский кланяется и отказывается.

Большов. Выпей, Сысой Псоич, на радости!

Расположенский. Не могу, Самсон Силыч, — претит.

Большов. Полно ты! Выпей на радости.

Устинья Наумовна. Еще туда же, ломается!

Расположенский. Претит, Самсон Силыч! Ей-богу, претит. Вот я водочки рюмочку выпью! А это натура не принимает. Уж такая слабая комплекция.

Устинья Наумовна. Ах ты, проволочная шея! Ишь ты — у него натура не принимает! Да давайте я ему за шиворот вылью, коли не выпьет.

Расположенский. Неприлично, Устинья Наумовна! Даме это неприлично. Самсон Силыч! Не могу-с! Разве бы я стал отказываться? Хе-хе-хе, да что ж я за дурак, чтобы я такое невежество сделал; видали мы людей-то, знаем, как жить; вот я от водочки никогда не откажусь, пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью! А этого не могу — потому претит. А вы, Самсон Силыч, бесчинства не допускайте, обидеть недолго, а не хорошо.

Большов. Хорошенько его, Устинья Наумовна, хорошенько!

Расположенский бежит от нее.

Устинья Наумовна *(ставит вино на стол).*

Врешь, купоросная душа, не уйдешь! *(Прижимает его в угол и хватает за шиворот.)*

Рисположенский. Караул!!!

Все хохочут.

Действие четвертое

В доме Подхалюзина богато меблированная гостиная.

Явление первое

Олимпиада Самсоновна сидит у окна в роскошном положении; на ней шелковая блуза, чепчик последнего фасона. Подхалюзин в модном сюртуке стоит перед зеркалом. Тишка за ним обдергивает и охорашивает.

В последнем действии Липочка превратилась в Олимпиаду Самсоновну. Это говорит о том, что девушка, выйдя замуж, наконец-то вошла в полные права, теперь она – хозяйка дома. Липочка вместе с мужем – это новое поколение купцов. Они одновременно кажутся смешными из-за своих претензий на светскость и изящество, но при этом в них заключается большая сила: они умеют организовать дела, заработать деньги.

Тишка. Ишь ты, как оно пригнато, в самый раз!

Подхалюзин. А что, Тишка, похож я на француза? А? Да издали погляди!

Тишка. Две капли воды.

Подхалюзин. То-то, дурак! Вот ты теперь и смотри на нас! *(Ходит по комнате.)* Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! А вы хотели за офицера идтить-с. Чем же мы не молодцы? Вот сертучок новенький взяли да и надели.

Олимпиада Самсоновна. Да вы, Лазарь Елизарыч, танцевать не умеете.

Подхалюзин. Что ж, нешто не выучимся; еще как выучимся-то — важнейшим манером. Зимой в Купеческое собрание будем ездить-с. Вот и знай наших-с! Польку станем танцевать.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, Лазарь Елизарыч, купите ту коляску-то, что смотрели у Арбатского.

Подхалюзин. Как же, Алимпияда Самсоновна-с! Надать купить, надать-с.

Олимпиада Самсоновна. А мне новую мантелью принесли, вот мы бы с вами в пятницу и поехали в Сокольники.

Подхалюзин. Как же-с, непременно поедем-с; и в парк поедем-с в воскресенье. Ведь коляска-то

тысячу целковых стоит, да и лошади-то тысячу целковых и сбруя накладного серебра, — так пущай их смотрят. Тишка! трубку!

Тишка уходит.

(Садится подле Олимпиады Самсоновны.) Так-то-с, Алимпияда Самсоновна! Пущай себе смотрят.

Молчание.

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, Лазарь Елизарыч, меня не поцелуете?

Подхалюзин. Как же! Помилуйте-с! С нашим удовольствием! Пожалуйте ручку-с! *(Целует. Молчание.)* Скажите, Алимпияда Самсоновна, мне что-нибудь на французском диалекте-с.

Олимпиада Самсоновна. Да что же вам сказать?

Подхалюзин. Да что-нибудь скажите — так, малость самую-с. Мне все равно-с!

Олимпиада Самсоновна. Ком ву зет жоли.

Подхалюзин. А это что такое-с?

Олимпиада Самсоновна. Как вы милы!

Подхалюзин *(вскакивает со стула).* Вот она у нас жена-то какая-с! Ай да Алимпияда Самсоновна! Уважили! Пожалуйте ручку!

Входит Тишка с трубкой.

Тишка. Устинья Наумовна пришла.

Подхалюзин. Зачем ее еще черт принес!

Тишка уходит.

Явление второе

Те же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна. Как живете-можете, бралиянтовые?

Подхалюзин. Вашими молитвами, Устинья Наумовна, вашими молитвами.

Устинья Наумовна *(целуясь).* Что это ты, как будто похорошела, поприпухла?

Олимпиада Самсоновна. Ах, какой ты вздор городишь, Устинья Наумовна! Ну с чего это ты взяла?

Устинья Наумовна. Что за вздор, золотая; уж к тому дело идет. Рада не рада — нечего делать!.. Люби кататься, люби и саночки возить!.. Что ж это вы меня позабыли совсем, бралиянтовые? Али еще осмотреться не успели? Все, чай, друг на друга любуетесь да миндальничаете.

Подхалюзин. Есть тот грех, Устинья Наумовна, есть тот грех!

Устинья Наумовна. То-то же: какую я тебе сударушку подсдобила!

Подхалюзин. Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Устинья Наумовна. Еще б не доволен, золотой! Чего ж тебе! Вы теперь, чай, все об нарядах хлопочете. Много еще модного-то напроказила?

Олимпиада Самсоновна. Не так чтобы много. Да и то больше оттого, что новые материи вышли.

Устинья Наумовна. Известное дело, жемчужная, нельзя ж комиссару без штанов: хоть худенькие, да голубенькие. А каких же больше настряпала — шерстяных али шелковых?

Олимпиада Самсоновна. Разных — и шерстяных, и шелковых; да вот недавно креповое с золотом сшила.

Устинья Наумовна. Сколько ж всего-то-навсего у тебя, изумрудная?

Олимпиада Самсоновна. А вот считай: подвенечное блондовое на атласном чахле да три бархатных — это будет четыре; два газовых да креповое, шитое золотом, — это семь; три атласных да три грогроновых — это тринадцать; гроденаплевых да гродафриковых семь — это двадцать; три марселиновых, два муслинделиновых, два шинероялевых — много ли это? — три да четыре семь, да двадцать — двадцать семь; крепрашелевых четыре — это тридцать одно. Ну там еще кисейных, буфмуслиновых да ситцевых

штук до двадцати; да там блуз да капотов — не то девять, не то десять. Да вот недавно из персидской материи сшила.

Устинья Наумовна. Ишь ты, бог с тобой, сколько нагородила. А ты поди-ко выбери мне какое пошире из гродафриковых.

Олимпиада Самсоновна. Гродафрикового не дам, у самой только три; да оно и не сойдется на твою талию; пожалуй, коли хочешь, возьми крепрашелевое.

Устинья Наумовна. На какого мне жида трепрашельчатое-то: ну, уж видно нечего с тобой делать, помирюсь и на атласном, так и быть.

Олимпиада Самсоновна. Ну и атласные тоже как-то не того, сшиты по-бальному, открыто очень — понимаешь? А из крепрашелевых сыщем капот, распустим складочки, и будет в самую припорцию.

Устинья Наумовна. Ну, давай трепрашельчатое! Твое взяло, бралиянтовая! Поди отпирай шкап.

Олимпиада Самсоновна. Я сейчас, подожди немножко.

Устинья Наумовна. Подожду, золотая, подожду. Вот еще мне с супругом твоим поговорить надо.

Олимпиада Самсоновна уходит.

Что же это ты, бралиянтовый, никак забыл совсем свое обещание?

Подхалюзин. Как можно забыть-с, помним! *(Вынимает бумажник и дает ей ассигнацию.)*

Устинья Наумовна. Что ж это такое, алмазный?

Подхалюзин. Сто целковых-с!

Устинья Наумовна. Как так сто целковых? Да ты мне полторы тысячи обещал.

Подхалюзин. Что-о-с?

Устинья Наумовна. Ты мне полторы тысячи обещал.

Подхалюзин. Не жирно ли будет, неравно облопаетесь?

Устинья Наумовна. Что ж ты, курицын сын, шутить, что ли, со мной вздумал? Я, брат, и сама дама разухабистая.

Подхалюзин. Да за что вам деньги-то давать? Диви бы за дело за какое!

Устинья Наумовна. За дело ли, за безделье ли, а давай — ты сам обещал!

Подхалюзин. Мало ли что я обещал! Я обещал с Ивана Великого прыгнуть, коли женюсь на Алимпияде Самсоновне, — так и прыгать?

Устинья Наумовна. Что ж ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купец

второй гильдии, я сама на четырнадцатом классе сижу, какая ни на есть, все-таки чиновница.

Подхалюзин. Да хоть бы генеральша — мне все равно; я вас и знать-то не хочу — вот и весь разговор.

Устинья Наумовна. Ан врешь — не весь: ты мне еще соболий салоп обещал.

Подхалюзин. Чего-с?

Устинья Наумовна. Соболий салоп! Что ты оглох, что ли?

Подхалюзин. Соболий-с! Хе-хе-хе…

Устинья Наумовна. Да, соболий! Что ты смеешься-то, что горло-то пялишь!

Подхалюзин. Еще рылом не вышли-с в собольих-то салопах ходить!

Олимпиада Самсоновна выносит платье и отдает Устинье Наумовне.

Явление третье

Те же и Олимпиада Самсоновна.

Устинья Наумовна. Что ж это вы в самом деле — ограбить меня, что ли, хотите?

Подхалюзин. Что за грабеж, а ступайте с Богом, вот и все тут.

Устинья Наумовна. Уж ты гнать меня стал; да и я-то, дура бестолковая, связалась с вами, — сейчас

видно: мещанская-то кровь!

Подхалюзин. Так-с! Скажите пожалуйста!

Устинья Наумовна. А коли так, я и смотреть на вас не хочу! Ни за какие сокровища и водиться-то с вами не соглашусь! Кругом обегу тридцать верст, а мимо вас не пойду! Скорей зажмурюсь да на лошадь наткнусь, чем стану глядеть на ваше логовище! Плюнуть захочется, и то в эту улицу не заверну! Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться в тартарары, коли меня здесь увидите!

Подхалюзин. Да вы, тетенька, легонько: а то мы и за квартальным пошлем.

Устинья Наумовна. Уж я вас, золотые, распечатаю: будете знать! Я вас так по Москве-то расславлю, что стыдно будет в люди глаза показать!.. Ах я, дура, дура, с кем связалась! Даме-то с званием-чином… Тьфу! Тьфу! Тьфу! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Ишь ты, расходилась дворянская-то кровь! Ах ты, господи! Туда же чиновница! Вот пословица-то говорится: гром-то гремит не из тучи, а из навозной кучи! Ах ты, господи! Вот и смотри на нее, дама какая!

Олимпиада Самсоновна. Охота вам была, Лазарь Елизарыч, с ней связываться!

Подхалюзин. Да помилуйте, совсем несообразная женщина!

Олимпиада Самсоновна *(глядит в окно).* Никак тятеньку из ямы выпустили — посмотрите, Лазарь Елизарыч!

Подхалюзин. Ну нет-с: из ямы-то тятеньку не скоро выпустят; а надо полагать, его в конкурс выписывали, так отпросился домой… Маменька-с! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идет-с!

Явление четвертое

Те же, Большов и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Где он? Где он? Родные вы мои, голубчики вы мои!

Целуются.

Подхалюзин. Тятенька, здравствуйте, наше почтение!

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой, Самсон Силыч, золотой ты мой! Оставил ты меня сиротой на старости лет!

Большов. Полно, жена, перестань!

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, маменька, точно по покойнике плачете! Не бог знает что случилось.

Большов. Оно точно, дочка, не бог знает что, а все-таки отец твой в яме сидит.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, сидят и лучше нас с вами.

Большов. Сидят-то сидят, да каково сидеть-то! Каково по улице-то идти с солдатом! Ох, дочка! Ведь меня сорок лет в городе-то все знают, сорок лет все в пояс кланялись, а теперь мальчишки пальцами показывают.

Аграфена Кондратьевна. И лица-то нет на тебе, голубчик ты мой! Словно ты с того света выходец!

Подхалюзин. Э, тятенька, Бог милостив! Все перемелется — мука будет. Что же, тятенька, кредиторы-то говорят?

Большов. Да что: на сделку согласны. Что, говорят, тянуть-то, — еще возьмешь ли, нет ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и Бог с тобой.

Подхалюзин. Отчего же не дать-с! Надать дать-с! А много ли, тятенька, просят?

Большов. Просят-то двадцать пять копеек.

Подхалюзин. Это, тятенька, много-с!

Большов. И сам, брат, знаю, что много, да что ж делать-то? Меньше не берут.

Подхалюзин. Как бы десять копеек, так бы ладно-с. Семь с половиною на удовлетворение, а две с половиною на конкурсные расходы.

Большов. Я так-то говорил, да и слышать не хотят.

Подхалюзин. Зазнались больно! А не хотят они

осемь копеек в пять лет?

Большов. Что ж, Лазарь, придется и двадцать пять дать, ведь мы сами прежде так предлагали.

Подхалюзин. Да как же, тятенька-с! Ведь вы тогда сами изволили говорить-с: больше десяти копеек не давать-с. Вы сами рассудите: по двадцати пяти копеек денег много. Вам, тятенька, закусить чего не угодно ли-с? Маменька! Прикажите водочки подать да велите самоварчик поставить, уж и мы, для компании, выпьем-с. А двадцать пять копеек много-с!

Аграфена Кондратьевна. Сейчас, батюшко, сейчас! *(Уходит.)*

Большов. Да что ты мне толкуешь-то: я и сам знаю, что много, да как же быть-то? Потомят года полтора в яме-то, да каждую неделю будут с солдатом по улицам водить, а еще, того гляди, в острог[46] переместят: так рад будешь и полтину дать. От одного страма-то не знаешь, куда спрятаться.

Аграфена Кондратьевна с водкой; Тишка вносит закуску и уходит.

Аграфена Кондратьевна. Голубчик ты мой! Кушай, батюшко, кушай! Чай, тебя там голодом

---

[46] Примечания: 46
Острог — тюрьма.

изморили!

Подхалюзин. Кушайте, тятенька! Не взыщите, чем Бог послал!

Большов. Спасибо, Лазарь! Спасибо! *(Пьет.)* Пей-ко сам.

Подхалюзин. За ваше здоровье! *(Пьет.)* Маменька! Не угодно ли-с? Сделайте одолжение!

Аграфена Кондратьевна. А, батюшко, до того ли мне теперь! Эдакое Божеское попущение! Ах ты, господи боже мой! Ах ты, голубчик ты мой!

Подхалюзин. Э, маменька, Бог милостив, как-нибудь отделаемся! Не вдруг-с!

Аграфена Кондратьевна. Дай-то господи. А то уж и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Большов. Ну, как же, Лазарь?

Подхалюзин. Десять копеечек, извольте, дам-с, как говорили.

Большов. А пятнадцать-то где же я возьму? Не из рогожи ж мне их шить.

Подхалюзин. Я, тятенька, не могу-с! Видит Бог, не могу-с!

Большов. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда ж ты деньги-то дел?

Подхалюзин. Да вы извольте рассудить: я вот торговлей завожусь, домишко отделал. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вот хоть мадерцы,

что ли-с! Маменька! Попотчуйте тятеньку.

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, Самсон Силыч! Кушай! Я тебе, батюшко, пуншик налью!

Большов *(пьет).* Выручайте, детушки, выручайте!

Подхалюзин. Вот вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дел? Как же-с? Рассудите сами: торговать начинаем, известное дело, без капитала нельзя-с, взяться нечем; вот домик купил, заведеньице всякое домашнее завели, лошадок, то, другое. Сами извольте рассудить! Об детях подумать надо.

Олимпиада Самсоновна. Что ж, тятенька, нельзя же нам самим ни при чем остаться. Ведь мы не мещане какие-нибудь.

Подхалюзин. Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капитала нельзя-с, без капитала-то немного наторгуешь.

Олимпиада Самсоновна. Я у вас, тятенька, до двадцати лет жила — свету не видала. Что ж, мне прикажете отдать вам деньги, да самой опять в ситцевых платьях ходить?

Большов. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Ведь я у вас не милостыню прошу, а свое же добро. Люди ли вы?..

Олимпиада Самсоновна. Известное дело, тятенька, люди, а не звери же.

Большов. Лазарь! Да ты вспомни то, ведь я тебе все отдал, все дочиста; вот что себе оставил, видишь! Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувственный! Поил, кормил вместо отца родного, в люди вывел. А видел ли я от тебя благодарность какую? Видел ли? Вспомни то, Лазарь, сколько раз я замечал, что ты на руку нечист! Что ж? Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я все свое состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на нее и глядеть-то не смел.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-с!

Большов. Чувствуешь ты! Ты бы должен все отдать, как я, в одной рубашке остаться, только бы своего благодетеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мне; ты заплати за меня только, что теперь следует.

Подхалюзин. Отчего бы не заплатить-с, да просят цену, которую совсем несообразную.

Большов. Да разве я прошу! Я из-за каждой вашей копейки просил, просил, в ноги кланялся,

да что же мне делать, когда не хотят уступить ничего?

Олимпиада Самсоновна. Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем, — и толковать об этом нечего.

Большов. Уж ты скажи, дочка: ступай, мол, ты, старый черт, в яму! Да, в яму! В острог его, старого дурака. И за дело! Не гонись за бóльшим, будь доволен тем, что есть. А за бóльшим погонишься, и последнее отнимут, оберут тебя дочиста. И придется тебе бежать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку. Да и оттедова тебя за язык вытянут да в острог посадят.

Все молчат. Большов пьет.

А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то идти. Что ж мне, зажмуриться, что ли? Мне Ильинка-то теперь за сто верст покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти. Это все равно что грешную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствам[47] тащат. А там мимо Иверской, как мне взглянуть-то на нее, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда — ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем… А что ему за это было?.. А

---

[47] Примечания: 47
Мытарства — муки, испытания.

там Присутственные места, Уголовная палата… Ведь я злостный — умышленный… ведь меня в Сибирь сошлют. Господи!.. Коли так не дадите денег, дайте Христа ради! *(Плачет.)*

Подхалюзин. Что вы, что вы, тятенька? Полноте! Бог милостив! Что это вы? Поправим как-нибудь. Все в наших руках!

Большов. Денег надо, Лазарь, денег. Больше нечем поправить. Либо денег, либо в Сибирь.

Подхалюзин. И денег дадим-с, только бы отвязались! Я, так и быть, еще пять копеечек прибавлю.

Большов. Эки года! Есть ли в вас христианство? Двадцать пять копеек надо, Лазарь!

Подхалюзин. Нет, это, тятенька, много-с, ей-богу, много!

Большов. Змеи вы подколодные! *(Опускается головой на стол.)*

Аграфена Кондратьевна. Варвар ты, варвар! Разбойник ты эдакой! Нет тебе моего благословения! Иссохнешь ведь и с деньгами-то, иссохнешь, не доживя веку. Разбойник ты, эдакой разбойник!

Подхалюзин. Полноте, маменька, Бога-то гневить! Что это вы клянете нас, не разобрамши дела-то! Вы видите, тятенька захмелел маненько,

а вы уж и на́-поди.

Олимпиада Самсоновна. Уж вы, маменька, молчали бы лучше! А то вы рады проклясть в трeисподнюю. Знаю я: вас на это станет. За то вам, должно быть, и других детей-то Бог не дал.

Аграфена Кондратьевна. Сама ты молчи, беспутная! И одну-то тебя Бог в наказание послал.

Олимпиада Самсоновна. У вас все беспутные — вы одни хороши. На себя-то посмотрели бы: только что понедельничаете, а то дня не пройдет, чтоб не облаять кого-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Ишь ты! Ишь ты! Ах, ах, ах!.. Да я прокляну тебя на всех соборах!

Олимпиада Самсоновна. Проклинайте, пожалуй!

Аграфена Кондратьевна. Да! Вот как! Умрешь, не сгниешь! Да!..

Олимпиада Самсоновна. Очень нужно!

Большов *(встает).* Ну, прощайте, дети.

Подхалюзин. Что вы, тятенька, посидите! Надобно же как-нибудь дело-то кончить!

Большов. Да что кончать-то? Уж я вижу, что дело-то кончено. Сама себя раба бьет, коли нечисто жнет! Ты уж не плати за меня ничего: пусть что хотят со мной, то и делают. Прощайте, пора мне!

Подхалюзин. Прощайте, тятенька! Бог мило-

стив — как-нибудь обойдется!

Большов. Прощай, жена!

Аграфена Кондратьевна. Прощай, батюшко Самсон Силыч! Когда к вам в яму-то пущают?

Большов. Не знаю!

Аграфена Кондратьевна. Ну, так я наведаюсь: а то умрешь тут, не видамши-то тебя.

Большов. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпияда Самсоновна! Ну, вот вы теперь будете богаты, заживете по-барски. По гуляньям это, по балам — дьявола тешить! А не забудьте вы, Алимпияда Самсоновна, что есть клетки с железными решетками, сидят там бедные заключенные. Не забудьте нас, бедных заключенных. *(Уходит с Аграфеной Кондратьевной.)*

Подхалюзин. Эх, Алимпияда Самсоновна-с! Неловко-с! Жаль тятеньку, ей-богу, жаль-с! Нешто поехать самому поторговаться с кредиторами! Аль не надо-с? Он-то сам лучше их разжалобит. А? Аль ехать? Поеду-с! Тишка!

Олимпиада Самсоновна. Как хотите, так и делайте — ваше дело.

Подхалюзин. Тишка!

Входит.

Подай старый сертук, которого хуже нет.

Тишка уходит.

А то подумают: богат, должно быть, в те поры и не сговоришь.

Явление пятое

Те же, Расположенский и Аграфена Кондратьевна.

Расположенский. Вы, матушка Аграфена Кондратьевна, огурчиков еще не изволили солить?

Аграфена Кондратьевна. Нет, батюшко! Какие теперь огурчики! До того ли уж мне! А вы посолили?

Расположенский. Как же, матушка, посолили. Дороги нынче очень; говорят, морозом хватило. Лазарь Елизарыч, батюшка, здравствуйте! Это водочка? Я, Лазарь Елизарыч, рюмочку выпью.

Аграфена Кондратьевна уходит с Олимпиадой Самсоновной.

Подхалюзин. А за чем это вы к нам пожаловали, не слыхать ли?

Расположенский. Хе-хе-хе!.. Какой вы шутник, Лазарь Елизарыч! Известное дело за чем!

Подхалюзин. А за чем бы это, желательно.

Расположенский. За деньгами, Лазарь Елизарыч, за деньгами! Кто за чем, а я все за деньгами!

Подхалюзин. Да уж вы за деньгами-то больно часто ходите.

Рисположенский. Да как же не ходить-то, Лазарь Елизарыч, когда вы по пяти целковых даете. Ведь у меня семейство.

Подхалюзин. Что ж вам, не по сту же давать.

Рисположенский. А уж отдали бы зараз, так я бы к вам и не ходил.

Подхалюзин. То-то вы ни уха ни рыла не смыслите, а еще хапанцы берете. За что вам давать-то?

Рисположенский. Как за что? Сами обещали!

Подхалюзин. Сами обещали! Ведь давали тебе — попользовался, ну и будет, пора честь знать.

Рисположенский. Как пора честь знать? Да вы мне еще тысячи полторы должны.

Подхалюзин. Должны! Тоже должны! Словно у него документ! А за что — за мошенничество!

Рисположенский. Как за мошенничество? За труды, а не за мошенничество!

Подхалюзин. За труды!

Рисположенский. Ну да там за что бы то ни было, а давайте деньги, а то документ.

Подхалюзин. Чего-с? Документ! Нет, уж это после придите.

Рисположенский. Так что ж, ты меня грабить, что ли, хочешь с малыми детьми?

Подхалюзин. Что за грабеж! А вот возьми еще

пять целковых, да и ступай с Богом.

Расположенский. Нет, погоди! Ты от меня этим не отделаешься!

Тишка входит.

Подхалюзин. А что же ты со мной сделаешь?

Расположенский. Язык-то у меня не купленный.

Подхалюзин. Что ж ты, лизать, что ли, меня хочешь?

Расположенский. Нет, не лизать, а добрым людям рассказывать.

Подхалюзин. Об чем рассказывать-то, купоросная душа! Да кто тебе поверит-то еще?

Расположенский. Кто поверит?

Подхалюзин. Да! Кто поверит? Погляди-тко ты на себя.

Расположенский. Кто поверит? Кто поверит? А вот увидишь! А вот увидишь! Батюшки мои, да что ж мне делать-то? Смерть моя! Грабит меня, разбойник, грабит! Нет, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!

Подхалюзин. Да что увидать-то?

Расположенский. А вот что увидишь! Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Погоди!

Подхалюзин. Погоди да погоди! Уж я и так

ждал довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Расположенский. Ты думаешь, мне никто не поверит? Не поверит? Ну, пускай обижают! Я… я вот что сделаю: почтеннейшая публика!

Подхалюзин. Что ты! Что ты! Очнись!

Тишка. Ишь ты, с пьяных-то глаз куда лезет!

Расположенский. Постой, постой!.. Почтеннейшая публика! Жена, четверо детей — вот сапоги худые!..

Подхалюзин. Все врет-с! Самый пустой человек-с! Полно ты, полно… Ты прежде на себя-то посмотри, ну куда ты лезешь!

Расположенский. Пусти! Тестя обокрал! И меня грабит… Жена, четверо детей, сапоги худые!

Тишка. Подметки подкинуть можно!

Расположенский. Ты что? Ты такой же грабитель!

Тишка. Ничего-с, проехали!

Подхалюзин. Ах! Ну что ты мораль-то эдакую пущаешь!

Расположенский. Нет, ты погоди! Я тебе припомню! Я тебя в Сибирь упеку!

Подхалюзин. Не верьте, все врет-с! Так-с, самый пустой человек-с, внимания не стоящий! Эх, братец, какой ты безобразный! Ну, не знал я тебя — ни за какие бы благополучия и связываться

не стал.

Рисположенский. Что, взял, а! Что, взял! Вот тебе, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, черт с тобой! *(Уходит.)*

Подхалюзин. Какой горячий-с! *(К публике.)* Вы ему не верьте, это он, что говорил-с, — это все врет. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во сне приснилось. А вот мы магазинчик открываем: милости просим! Малого робенка пришлете — в луковице не обочтем[48].

Заключительное явление пьесы оканчивается монологом Подхалюзина: он обращается напрямую к публике с просьбой не верить дурной молве о нем. Примечательно, что при всей приземленности и реалистичности сюжета пьесы, Островский использует и чисто театральные, искусственные приемы – такие как длинный монолог персонажа.

С монолога начинаются три первых действия пьесы, им же и оканчивается произведение. Любопытно, что все они так или иначе содержат жалобу на жизнь

---

[48] Примечания: 48
Имеется в виду: не обманем ни на грош.

и окружение.

За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова) Картины московской жизни

Картина первая

Лица

Павла Петровна Бальзаминова, вдова.
Михайло Дмитрич Бальзаминов, сын ее.
Акулина Гавриловна Красавина, сваха.
Матрена, кухарка.
Лукьян Лукьяныч Чебаков, офицер в отставке. Очень приличный господин средних лет, с усами, лысоват; сертук застегнут на все пуговицы. Выражение лица насмешливо.

Бедная комната у Бальзаминовых.

Пьеса имеет два названия: «За чем пойдешь, то и найдешь» и более известное благодаря экранизации – «Женитьба Бальзаминова». Это третья часть трилогии о незадачливом бедном чиновнике Бальзаминове, который мечтает поправить свои дела с помощью женитьбы на богатой невесте. Первые две части: «Праздничный сон – до обеда» и «Свои собаки грызутся, чужая не приставай».

Явление первое

Бальзаминова (пьет чай) и Матрена (стоит у двери).

Бальзаминова. Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, после бани-то!

Матрена. Уж это на что лучше! По всем жилкам, по всем суставам пройдет.

Бальзаминова. А где же Миша? что-то не видать его.

Матрена. Спит, умаялся.

Бальзаминова. Ну, пускай спит.

Матрена. Что ж! пущай спит. Никаких важных дел за ним нет; остановки не будет. А я его соследила, куда он ходит.

Бальзаминова. Куда же?

Матрена. Тут близехонько. Только он не прямо ходит, а круг большой делает, чтобы соседям виду не показать. Таково далеко уйдет, да потом и воротится переулками: глаза отводит.

Бальзаминова. Да будет ли толк-то какой-нибудь?

Матрена. Кто ж его знает? Уж это его дело. Надо полагать, что и тут ничего себе не выиграет.

Бальзаминова. Отчего же ты так, Матрена, думаешь?

Матрена. Мало виду из себя имеет, польститься-то не на что! Ну и чином еще не вышел.

Бальзаминова *(встает).* Пей, Матрена, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли. *(Уходит.)*

Матрена садится к столу и пьет. Бальзаминова возвращается. Матрена встает.

Сиди!

Матрена садится, только оборотившись к Бальзаминовой задом.

Спит еще. *(Садится.)* А как их по фамилии-то, где он ходит?

Матрена *(оборотив голову).* Пеженовых.

Бальзаминова. Кто ж они такие?

Матрена. Сами по себе.

Бальзаминова. Как же так сами по себе?

Матрена. По своей части.

Бальзаминова. Экая ты бестолковая! Что же они, служащие или купцы?

Матрена. Должно, торгуют.

Бальзаминова. Кто ж у них из женского-то полу?

Матрена. Две сестры — обе девки уж в летах. Только выходу им никакого нет; сидят наверху у себя взаперти, все одно под замком.

Бальзаминова. Отчего же?

Матрена. Такой приказ от братьев.

Бальзаминова. Зачем же такой приказ?

Матрена *(дуя в блюдечко и оборачиваясь).* Потому страм.

Бальзаминова. Какой же страм?

Матрена. Очень на мужчин бесстыжи. Такие, говорят, завистливые, что беда. *(Накрывает чашку.)* Покорно благодарствуйте! *(Встает и уносит самовар.)*

Бальзаминова. Говорят: за чем пойдешь, то и найдешь! Видно, не всегда так бывает. Вот Миша ходит, ходит, а все не находит ничего. Другой бы бросил давно, а мой все не унимается. Да коли правду сказать, так Миша очень справедливо рассуждает: «Ведь мне, говорит, убытку нет, что я хожу, а прибыль может быть большая; следовательно, я должен ходить. Ходить понапрасну, говорит, скучно, а бедность-то еще скучней». Что правда, то правда. Нечего с ним и спорить.

Главная тема пьесы – поиски счастья – выражена через народную мудрость «За чем пойдешь, то и найдешь». В начале пьесы Бальзаминова спорит с пословицей, приводя в пример своего неудачливого сына. Во второй раз пословица

звучит уже в самом финале от лица свахи. Так, пользуясь приемом повторения, автор создает кольцевую композицию, когда начало и финал рифмуются между собой, а сам сюжет пьесы призван развеять сомнения и подтвердить народную мудрость.

Шум за сценой.
Что там у вас?
Входит Бальзаминов.

Явление второе

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминов. Что же это такое, маменька! Помилуйте! На самом интересном месте…

Бальзаминова. Что такое?

Бальзаминов. Да Матрена меня разбудила на самом интересном месте. И очень нужно ей было там чашки убирать.

Бальзаминова. Разве ты что-нибудь во сне видел?

Бальзаминов. Да помилуйте! на самом интересном месте! Вдруг вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстречу мне идет дама, красоты необыкновенной, и говорит: «Господин Бальза-

минов, я вас люблю и обожаю!» Тут, как насмех, Матрена меня и разбудила. Как обидно! Что бы ей хоть немного погодить? Уж очень мне интересно, что бы у нас дальше-то было. Вы не поверите, маменька, как мне хочется доглядеть этот сон. Разве уснуть опять? Пойду усну. Да ведь, пожалуй, не приснится.

Бальзаминова. Разумеется, не приснится.

Бальзаминов. Экая досада! Мне бы теперь, по моим делам, очень нужно такой сон видеть; может быть, он мне что-нибудь и напророчил бы. Что, маменька, меня никто не спрашивал?

Бальзаминова. Это что еще за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминов. Я, маменька, новое знакомство завел. Лукьян Лукьяныч Чебаков… отличнейший человек. Он капитан в отставке.

Бальзаминова. К чему это?

Бальзаминов. Как к чему! Что вы это говорите! Вы знаете, маменька, какая у нас сторона! Я уж теперь далеко не хожу, а хожу тут поблизости.

Бальзаминова. Так что же?

Бальзаминов. Как что же! Какое необразование свирепствует в нашей стороне, страсть! Обращения не понимают, человечества нет никакого! Пройди по рынку мимо лавок лишний раз — сей-

час тебе прозвище дадут, кличку какую-нибудь. Почти у всяких ворот кучера сидят, толстые, как мясники какие, только и дела, что собак гладят да играют с ними; а собаки-то, маменька, как львы. Ведь по нашему делу иногда нужно раз десять мимо окон-то пройти, чтобы заметили тебя, а они разве дадут! Сейчас засвищут, да и давай собаками травить.

Бальзаминова. Как же это можно живого человека собаками травить?

Бальзаминов. Как можно? Что вы, маменька! Разве они знают учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а там, хоть человека до смерти загрызи, ему все равно.

Бальзаминова. Какое необразование!

Бальзаминов. Меня раза три травили. Во-первых, перепугают до смерти, да еще бежишь с версту, духу потом не переведешь. Да и страм! Какой страм-то, маменька! Ты тут ухаживаешь, стараешься понравиться — и вдруг видят тебя из окна, что ты летишь во все лопатки. Что за вид, со стороны-то посмотреть! Невежество в высшей степени… что уж тут! А вот теперь, как мы с Лукьян Лукьянычем вместе ходим, так меня никто не смеет тронуть. А знаете, маменька, что я задумал?

Бальзаминова. А что?

Бальзаминов. Я хочу в военную службу поступить.

Бальзаминова. Да ты проснулся ли совсем-то или все еще бредишь?

Бальзаминов. Нет, позвольте, маменька: это дело рассудить надо.

Бальзаминова. Да что тут рассуждать-то! Много ли ты лет до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминов. Сколько бы я ни прослужил: ведь у меня так же время-то идет, зато офицер. А теперь что я! Чин у меня маленький, притом же я человек робкий, живем мы в стороне необразованной, шутки здесь всё такие неприличные, да и насмешки… А вы только представьте, маменька: вдруг я офицер, иду по улице смело, уж тогда смело буду ходить; вдруг вижу — сидит барышня у окна, я поправляю усы…

Бальзаминова. Все вздор какой городишь! А чем жить-то мы будем, пока ты в офицеры-то произойдешь?

Бальзаминов. Ах, боже мой! Я и забыл про это, совсем из головы вон! Вот видите, маменька, какой я несчастный человек! Уж от военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мне нельзя. Я вам, маменька,

говорил, что я самый несчастный человек в мире: вот так оно и есть. В каком я месяце, маменька, родился?

Бальзаминова. В мае.

Бальзаминов. Ну вот всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы рассудите сами, в нашем деле без счастья ничего не сделаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вот уж правду-то русская пословица говорит: «Не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив». Впрочем, я не унываю. Этот сон, маменька, недаром… хоть я его и не весь видел, — черт возьми эту Матрену! — а все-таки я от него могу ожидать много пользы для себя. Этот сон, если рассудить, маменька, много значит, ох как много!

Особое место в этой пьесе и трилогии в целом занимает мотив сновидения. Герои постоянно грезят и во сне, и наяву. Именно со сновидения и начинаются все скитания Бальзаминова в первой части. В заключительной части сон тоже играет огромною роль, вдохновляя и мотивируя Бальзаминова и его мать на дальнейшие поиски счастья, которое для них заключается не в любви, а в богатстве.

Бальзаминова. Да ты помнишь ли в лицо ту даму, которую видел во сне-то?

Бальзаминов. Помню, маменька; как сейчас гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное…

Бальзаминова. Это хорошо.

Бальзаминов. Это, маменька, для нас первое дело. У кого в лице строгость, я ведь с тем человеком разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминова. Да и я не люблю.

Бальзаминов. Другой на тебя смотрит — точно допрос тебе делает. Ну, что ж тут хорошего! Конечно, если строго разобрать, так мы имеем недостатки в себе, в образовании, ну и в платье тоже. Когда на тебя смотрят строго, что ж тут делать? Конфузиться да обдергиваться.

Бальзаминова. Разумеется. А вот ты коли ждешь кого, так оделся бы пошел; что в халате-то сидишь!

Бальзаминов. Да, маменька, я сейчас оденусь. Лукьян Лукьяныч ведь человек светский; какие у него трубки, с какими янтарями, маменька! *(Уходит.)*

Бальзаминова. Какой странный сон! Уж очень прямо; так что-то даже неловко: «я вас люблю и обожаю»… Хорошо, как так и наяву выдет, а то ведь сны-то больше всё наоборот выходят. Если

бы она ему сказала: «Господин Бальзаминов, я вас не люблю и вашего знакомства не желаю» — это было бы гораздо лучше.

Красавина входит.

Явление третье

Бальзаминова и Красавина.

Красавина. С повинной, матушка! Не вели казнить, вели речь говорить.

Бальзаминова. Есть же люди на свете, которые стыда не имеют!

Красавина. Есть, матушка, есть всякого народа.

Бальзаминова. Конечно, мы люди бедные, маленькие, но однако же ведь надобно, Гавриловна, немножко и совесть знать.

Красавина. Нешто я, матушка, не понимаю! У меня совесть-то чище золота, одно слово — хрусталь, да что ж ты прикажешь делать, коли такие оказии выходят? Ты рассуди, какая мне радость, что всякое дело все врозь да врозь! Первое дело — хлопоты даром пропадают, а второе дело — всему нашему званию мараль. А просто сказать: «знать, не судьба!» Вот и все тут. Ну да уж я вам за всю свою провинность теперь заслужу.

Бальзаминова. Ну, признаться сказать, я от

тебя, кроме насмешки, ничего ожидать не могу.

Красавина. Не такая душа у меня. Ежели я против кого виновата, так уж я пополам разорвусь, а за свою вину вдвое заслужу. Вот у меня какая душа! Хоша оно в нынешнем свете с такой добродетелью жить трудно, милая…

Бальзаминова. Ты лучше, Гавриловна, и не говори! Я тебе в этом верить не могу. Мы люди бедные, какой тебе интерес?

Красавина. А не веришь, так я тебе вот что скажу: хороший-то который жених, ловкий, и без свахи невесту найдет, а хоть и со свахой, так с него много не возьмешь; ну а твой-то плох: ему без меня этого дела не состряпать; значит, я с него возьму, что мне захочется. Знаешь русскую пословицу: «У всякого плута свой расчет»? Без расчету тоже в нынешнем свете жить нельзя.

В пьесе постоянно звучат пословицы: «У всякого плута свой расчет», «По Сеньке шапка, по Еремке кафтан», «Видит собака молоко, да рыло коротко» и др. Как правило, их источником является сваха Красавина – одна из главных действующих лиц всей трилогии наравне с матерью и сыном Бальзаминовыми.

Красавина символизирует народное начало: она хитра, ловка, остроумна, умеет сориентироваться в любой ситуации и, в отличие от Бальзаминовых, твердо стоит на ногах, а не витает в облаках.

Бальзаминова. Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя так приняла. Мне обидно, что моим сыном как дураком помыкают.

Красавина. Ничего, матушка; брань на вороту не виснет. Нам не привыкать стать к брани-то: наше звание такое. А сынка твоего мы обеспечим, ты не беспокойся.

Бальзаминова. Чайку не хочешь ли?

Красавина. Ну его! И без него жарко. Что такое чай? Вода! А вода, ведь, она вред делает, мельницы ломает. Уж ты меня лучше ужо как следует попотчуй, я к тебе вечерком зайду. А теперь вот что я тебе скажу. Такая у меня на примете есть краля, что, признаться сказать, согрешила — подумала про твоего сына, что, мол, не жирно ли ему это будет?

Бальзаминова. Кто ж такая?

Красавина. Ну, об этом речь впереди. Вот, видишь ты, дело какого роду: она вдова и с большим капиталом, от этого самого и скучает.

Бальзаминова. Скажите пожалуйста!

Красавина. Так точно. И как, матушка моя, овдовела, так никуда не выезжает, все и сидит дома. Ну а дома что ж делать? Известно — покушает да почивать ляжет. Богатая женщина, что ж ей делать-то больше!

Бальзаминова. Отчего же это она при таком капитале никуда не ездит и знакомства не имеет?

Красавина. Ленива. Уж сколько раз я ей говорила: «Что, мол, ты никуда не съездишь али к себе гостей не позовешь?» В гости ехать, говорит, — одеваться надобно; а приедешь — разговаривать нужно.

Бальзаминова. Разве она и разговаривать не любит?

Красавина. Как не любить! Только чтобы не торопясь, с прохладой. Ну таким-то родом, сударыня ты моя, от этакой-то жизни стала она толстеть и тоску чувствовать. И даже так, я тебе скажу, тяжесть такая на нее напала, вроде как болезнь. Ну и сейчас с докторами советоваться. Я была при одном докторе. Вот доктор ей и говорит: «Вам, говорит, лекарства никакого не нужно; только чтоб, говорит, развлечение и беспременно чтоб замуж шли».

Бальзаминова. А она что ж?

Красавина. Она ему сейчас в руку три целковых бумажку. Порядок этот знает.

Бальзаминова. Нет, я не про то! Я насчет того, что замуж-то идти?

Красавина. «Я, говорит, замуж не прочь; только где его найдешь дома-то сидя». — «А я-то, говорю, на что?» — «Ну, говорит, хлопочи!» Так вот какие дела и какие оказии бывают.

Бальзаминова. Ну а как насчет состояния?

Красавина. Сверх границ. Одних только денег и билетов мы две считали-считали, счесть не могли, так и бросили. Да я так думаю, что не то что нам, бабам, а и мужчинам, если двух хороших взять, и то не счесть!

Бальзаминова. Как же это не счесть?

Красавина. Так вот и не счесть. Посчитают-посчитают, да и бросят. Ты думаешь, считать-то легко? Это, матушка, всем так кажется, у кого денег нет. А поди-ко, попробуй! Нет, матушка, счет мудреное дело. И чиновники-то, которые при этом приставлены, и те, кто до сколько умеет, до столько и считает: потому у них и чины разные. Твой Михайло до сколько умеет?

Бальзаминова. Да я думаю, сколько ни дай, всё сочтет.

Красавина. Ну где ему! Тысяч до десяти сочтет,

а больше не сумеет. А то вот еще какие оказии бывают, ты знаешь ли? Что-то строили, уж я не припомню, так артитехторы считали, считали, цифирю не хватило.

Бальзаминова. Может ли это быть?

Красавина. Верно тебе говорю. Так что же придумали: до которых пор сочтут, это запишут, да опять цифирь-то сначала и оборотят. Вот как! Так что ж тут мудреного, что мы денег не сочли? Ну деньги деньгами — это само по себе, а еще дом.

Бальзаминова. Большой?

Красавина. А вот какой: заведи тебя в середку, да оставь одну, так ты и заблудишься, все равно что в лесу, и выходу не найдешь, хоть караул кричи. Я один раз кричала. Мало тебе этого, так у нас еще лавки есть.

Народное начало в пьесе выражается не только через пословицы и поговорки, но и через сказочные, фольклорные мотивы. Главным их источником тоже является Красавина. Описывая богатое хозяйство вдовы Белотеловой, она говорит, что денег у нее не счесть («Посчитают-посчитают, да и бросят»), а дом столь велик, что в нем можно заблудиться («все равно

что в лесу… хоть караул кричи»). А также сваха обещает Белотеловой достать жениха «со дна моря» – подобные присказки и обороты постоянно встречаются в волшебных сказках.

Бальзаминова. Ты уж что-то много насказала! Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невесте-то.

Красавина. Это уж его дело. Да что это его не видать?

Бальзаминова. Не знаю, он дома был. Миша!

Бальзаминов входит.

Явление четвертое

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота ты моя писаная, разрисованная! Все ли ты здоров? А у нас все здоровы: быки и коровы, столбы и заборы.

Бальзаминов. Я еще и говорить-то с тобой не хочу. Вот что!

Бальзаминова. Нет, Миша, ты с ней не должен таким манером обращаться; ты еще не знаешь, какую она пользу может тебе сделать.

Красавина. Не тронь его, пущай! Что это ты такой гордый стал? Аль нашел на дороге сумму

какую значительную?

Бальзаминов. Она-то пользу сделает? Что вы, маменька, ей верите? Она все обманывает.

Красавина. Я обманываю? Значит, ты души моей не знаешь. Ты слыхал ли когда песню:

Никто души моей не знает, И чувств моих не могут описать.

Бальзаминов. За что она меня, маменька, обманывает? Что я ей сделал? Она сваха — она и должна сватать, а не обманывать.

Красавина. А ты ищи себе под пару, так тебя никто и не будет обманывать; а то ты всё не под масть выбираешь-то. Глаза-то у тебя больно завистливы.

Бальзаминов. А тебе какое дело! Да и совсем не от зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благородные чувства. Разве можно с облагороженными понятиями в бедности жить? А коли я не могу никакими средствами достать денег, значит, я должен жениться на богатой. *(Садится.)* Ах, маменька, какая это обида, что все на свете так нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бедный — на бедной. Есть ли в этом какая справедливость? Одно только притеснение для бедных людей. Если б я был царь, я бы издал такой закон, чтоб богатый женился на бедной, а

бедный — на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Помимо поисков счастья, еще одной важной темой становятся «благородные чувства» и воспитание. Что это такое и для чего нужно? У Бальзаминовых очень размытое представление об образованности и благородстве, однако они причисляют себя к образованным и считают себя выше своего окружения. Именно для благородной жизни им и нужны деньги («Разве можно с облагороженными понятиями в бедности жить?»)

Красавина. Ну вот когда такой закон от тебя выдет, тогда мы и будем жить по-твоему; а до тех пор, уж ты не взыщи, все будет по старому русскому заведению: «По Сеньке шапка, по Еремке кафтан». А то вот тебе еще другая пословица: «Видит собака молоко, да рыло коротко».

Бальзаминов. Вот видите, маменька, вот она опять все на смех. Зачем она пришла? Кто ее просил?

Красавина. Мне ведь как хотите! Я из-за своего добра кланяться не стану. Какая мне оказия!

Бальзаминова. Что это ты, Гавриловна? Ты

видишь, он не в своем уме. Как тебе, Миша, не стыдно!

Красавина. Что ж он важность-то на себя напустил? Навязывать ему, что ли? Уж это много чести будет! Москва-то не клином сошлась: найду не хуже его.

Бальзаминова. Нет, ты этого, Гавриловна, не делай. Это тебе грех будет! Ты, Миша, еще не знаешь, какие она нам благодеяния оказывает. Вот ты поговори с ней, а я пойду; признаться сказать, после бани-то отдохнуть хочется. Я полчасика, не больше.

Красавина. Да хоть и больше, так кто ж тебе запретит?

Бальзаминова уходит.

Явление пятое

Красавина, Бальзаминов, потом Матрена.

Бальзаминов. Вот ты сердиться-то умеешь, а каково мне было тогда, как меня из дому выгнали? Вот так асаже!

Красавина. А ты еще все не забыл? Видишь, какой ты злопамятный! Ну вот за этот-то за самый афронт я и хочу тебе заслужить.

Бальзаминов. Чем же ты заслужишь?

Красавина. Невесту нашла.

Бальзаминов. Ну уж не надо. Опять то же будет. Я сам нашел.

Красавина. Мудрено что-то! Где ж это?

Бальзаминов. Как же! так я и сказал тебе!

Красавина. Ничего у тебя не выдет.

Бальзаминов. А вот посмотрим.

Красавина. И смотреть нечего.

Входит Матрена и становится у двери, приложив руку к щеке.

Ты сам рассуди! Какую тебе невесту нужно?

Бальзаминов. Известно какую, обыкновенную.

Красавина. Нет, не обнаковенную. Ты человек глупый, значит…

Бальзаминов. Как же, глупый! Ишь ты, дурака нашла!

Матрена. А что, умен?

Бальзаминов. Ты молчи, не твое дело!

Красавина. Ты послушай! ты человек глупый, значит, тебе…

Бальзаминов. Да что ты все: глупый да глупый! Это для тебя я, может быть, глуп; а для других совсем нет. Давай спросим у кого-нибудь.

Красавина. Давай спросим! Да нечего и спрашивать. Ты поверь мне: я человек старый, обманывать тебя не стану.

Матрена. Какой ты, Михайло Митрич, как погляжу я на тебя, спорить здоровый! Где ж тебе с ней спорить?

Бальзаминов. Как же не спорить, когда она меня дураком называет?

Матрена. Она лучше тебя знает. Коли называет, значит, правда.

Бальзаминов. Да что вы ко мне пристали! Что вам от меня надо?

Красавина. Постой, погоди! Ты не шуми! Ты возьми терпение, выслушай! Ты глупый человек, значит, тебе умней себя искать невесту нельзя.

Матрена. Само собой.

Красавина. Значит, тебе нужно искать глупей себя. Вот такую-то я тебе теперь…

Бальзаминов *(встает).* Что ты ко мне пристаешь! Что ты ко мне пристаешь! Я тебе сказал, что я слушать тебя не хочу. А ты все с насмешками да с ругательством! Ты думаешь, я вам на смех дался? Нет, погоди еще у меня!

Красавина. Что же ты сделаешь?

Бальзаминов. Я знаю, что сделать! Ты меня не тронь! Я служащий, обидеть меня не смеешь! Я на тебя и суд найду!

Красавина. Суд? Что ты, в уме ли? А судиться так судиться! Ты думаешь, я испугалась? Давай

судиться! Подавай на меня просьбу! Я ответ найду. В какой суд на меня жаловаться пойдешь?

Бальзаминов. Это уж мое дело.

Красавина. Да ты все ли суды знаешь-то? Чай, только магистрат и знаешь? Нам с тобой будет суд особенный! Позовут на глаза — и сейчас решение.

Бальзаминов. Для меня все равно.

Красавина. Что же станешь на суде говорить? Какие во мне пороки станешь доказывать? Ты и слов-то не найдешь; а и найдешь, так складу не подберешь! А я и то скажу, и другое скажу; да слова-то наперед подберу одно к другому. Вот нас с тобой сейчас и решат: мне превелегию на листе напишут…

Бальзаминов. Какую привилегию?

Красавина. Против тебя превелегию, что я завсегда могу быть лучше тебя и во всем превознесена; а тебя в лабет поставят.

Бальзаминов. В какой лабет? Что ты врешь!

Красавина. А еще мужчина, еще служащий, а не знаешь, что такое лабет! Где ж тебе со мной судиться!

Матрена. У! Бесстыдник!

Бальзаминов. Так что ж это вы меня со свету сжить, что ли, хотите? Сил моих не хватит! Ба-

тюшки! Ну вас к черту! *(Быстро берет фуражку.)* От вас за сто верст убежишь. *(Бросается в дверь и сталкивается с Чебаковым.)*

Явление шестое

Те же и Чебаков.

Чебаков. Что это вы? Что это вы, господин Бальзаминов?

Матрена. Батюшки! Он в уме повихнулся.

Бальзаминов. Ах, извините-с! Такое невежество! Вы не можете себе представить! Это ужас что такое!

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, что с вами такое?

Бальзаминов. Ничего-с! Очень вам благодарен! Конечно, с моей стороны неучтивость… Извините! Покорнейше прошу садиться!

Чебаков *(садясь).* Послушайте, Бальзаминов, вы что-то не в своей тарелке.

Бальзаминов. Да помилуйте-с, Лукьян Лукьяныч, никак невозможно! Необразование, насмешки…

Чебаков. Ну, да это в сторону! Послушайте, что же, вы исполните, что обещали или нет?

Бальзаминов. Как же можно! Непременно-с.

Чебаков. То-то же! А то ведь вы, пожалуй…

Бальзаминов. Уж ежели я что, Лукьян Лукьяныч, обещал-с…

Чебаков. Ну да, разговаривайте! Знаем мы вас. Только послушайте, Бальзаминов, вам надо башмачником одеться.

Матрена. Батюшки!

Бальзаминов. Зачем же это-с?

Чебаков. А вот я вам сейчас объясню.

Красавина. Ну прощай, башмачник! Уж я к тебе больше не пойду; потому, мой друг, что хлеб за брюхом не ходит. *(Уходит, и Матрена за ней.)*

Явление седьмое

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, это сваха, должно быть?

Бальзаминов. Так точно-с. Конечно, невежество…

Чебаков. Так вот что, Бальзаминов: нельзя иначе, надо непременно башмачником. А то как же вы к ним в дом войдете? А вы наденьте сертук похуже, да фуражку, вот хоть эту, которая у вас в руках, волосы растреплите, запачкайте лицо чем-нибудь и ступайте. Позвоните у ворот, вам отопрут, вы и скажите, что, мол, башмачник, барышням мерку снимать. Там уж знают, вас сейчас и проведут к барышням.

Бальзаминов. А потом что же-с?

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов! Вы чудак. Как же вы спрашиваете, что делать! Вы влюблены или нет?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Чебаков. Так ведь надо же вам объясниться. И кстати, письмо отдадите. Моей отдайте вот это письмо *(отдает письмо)*, а своей откройтесь в любви, скажите, что хотите ее увезти, станьте на колени. Да вы послушайте, не перемешайте: моя старшая, а ваша младшая; моя Анфиса, а ваша Раиса.

Бальзаминов. Помилуйте! Как можно! А вы, Лукьян Лукьяныч, уж открылись-с?

Чебаков. Давно уж…

Бальзаминов. Мы их, Лукьян Лукьяныч, скоро увезем-с?

Чебаков. Как будут согласны, так и увезем.

Бальзаминов. Моя будет согласна-с, потому что она на меня так смотрит, когда мы мимо проходим, что даже уму непостижимо-с.

Чебаков. Послушайте, ну вот и прекрасно.

Бальзаминов. Только, Лукьян Лукьяныч, как бы нам не ошибиться насчет…

Чебаков. Насчет денег? Нет, господин Бальзаминов, я в этом никогда не ошибаюсь.

Бальзаминов. То вы, а то я-с.

Чебаков. Они сестры, у них поровну капитал от отца. Братья оттого не отдают их замуж, что денег жаль.

Бальзаминов. Ну, так я сейчас-с, только сертук надену-с. *(Уходит.)*

Явление восьмое

Чебаков *(один).* Экой дурачина! Вот олух-то! Воображает, что в него влюбятся. А впрочем, если смотреть на жизнь с философской точки зрения, так и такие люди полезны. Кого нынче заставишь башмачником одеться! А эта штука мне может стоить полтораста тысяч. Из-за этого куша я здесь другой год живу, нарочно поблизости квартиру нанял. Только, черт их возьми, живут очень крепко! Не то что видеться, а и письмо-то передать больших трудов и издержек стоит. Если мне этот дурак поможет ее увезти, я его, голубчика, в поминанье запишу.

Входит Бальзаминов в сертуке.

Явление девятое

Чебаков и Бальзаминов.

Чебаков. Послушайте, вы настоящий сапож-

ник.

Бальзаминов. Башмачник-с.

Чебаков. Только послушайте, ну, как ваше начальство узнает, что вы башмачным мастерством занимаетесь?

Бальзаминов. Да, нехорошо-с, да и от товарищей тоже-с…

Чебаков. Нет, я шучу. Помилуйте, кто же это узнает! Послушайте, я вам даже завидую. Вы будете разговаривать с любимой женщиной, а я должен страдать в одиночестве.

Бальзаминов. Да-с. А уж как я рад-с, я хоть плясать-с готов-с.

Чебаков. Именно на вашем месте плясать надобно. Послушайте, Бальзаминов, а ну как вас там высекут?

Бальзаминов. Что же это, Лукьян Лукьяныч! Я не пойду-с! Как же вы сами посылаете, а потом говорите, что высекут? На что же это похоже-с!

Чебаков. Как вы, Бальзаминов, шуток не понимаете!

Бальзаминов. Хорошо как шутки, а ежели в самом деле-с?

Чебаков. Уж будьте покойны! Я бы вас не послал.

Бальзаминов. Покоен-то я покоен, а все-таки…

Чебаков. Послушайте, ну полноте! Пойдемте! Я за вами буду сзади следить.

Бальзаминов. Пойдемте-с.

Подходят к двери.

Матрена! Скажи маменьке, что я ушел.

Матрена *(за дверью).* Сама увидит.

Уходят.

Картина вторая

Лица

Домна Евстигневна Белотелова, вдова лет тридцати шести, очень полная женщина, приятного лица, говорит лениво, с расстановкой.

Анфиса Панфиловна и **Раиса** Панфиловна Пеженовы, девицы лет под тридцать, ни хороши, ни дурны; ни худы, ни толсты; одеты в простых ситцевых блузах, но в огромной величины кринолинах.

Химка (Афимка), горничная девочка Пеженовых.

Бальзаминов.

Красавина.

Сцена представляет два сада, разделенные посередине забором; направо от зрителей сад Пеженовых, а налево — Белотеловой; в садах скамейки, столики и проч.; в саду Белотеловой налево видны две ступеньки и дверь в беседку, у забора с обеих сторон кусты.

Явление первое

В саду на левой стороне.

Белотелова и Красавина сидят на лавочке.

Белотелова. Вот мы тут посидим, потом пойдем в беседку, там закусим, посидим. Там закуска приготовлена. Да потом опять сюда придем, посидим.

Красавина. Еще бы! Своя воля, что хотим, то и творим.

Белотелова. Что ж ты мне жениха, скоро?

Красавина. Скоро, красавица ты моя, скоро. Нельзя же вдруг! Ведь женихов у меня много, да всё не тот сорт. Для тебя уж я особенно займусь, хорошего тебе сыщу.

Белотелова. Сыщи хорошего.

Красавина. Уж ты будь покойна, это наших рук дело. Есть у меня один на примете, а рекомендовать боюсь.

Белотелова. А что же?

Красавина. Он бы и ничего, да дурашен, бог с ним.

Белотелова. Очень дурашен?

Красавина. Да таки порядочно. Да ты об этом деле не печалься; без мужа не останешься.

Белотелова. Ну хорошо.

Красавина. Веришь ты, я для тебя всей душой! Коли есть женихи на дне моря, я и со дна моря для твоего удовольствия достану. Да уж и ты меня не обидь.

Белотелова. Я не обижу, я добрая.

Красавина. Кто ж этого не знает! Весь свет знает. А это я к тому говорю, красавица ты моя писаная, что от кого же нам и жить-то, бедным сиротам, как не от вас, богатых людей? Вам жить да нежиться, а нам для вас служить. Ты сиди только да придумывай, а уж я для тебя все, окромя разве птичьего молока.

Белотелова. Ничего не придумаешь.

Красавина. Лень тебе, красавица моя, а то как бы не придумать. Я бы на твоем месте, да с твоими деньгами, такое веселье завела, таких бы чудес натворила, что ни об чем бы, кроме меня, и не разговаривали.

Белотелова. А что ж бы ты сделала?

Красавина. Да вот тебе первое. Коли не хочешь ты никуда ездить, так у себя дома сделай: позови баб побольше, вели приготовить отличный обед, чтобы вина побольше разного, хорошего; позови музыку полковую: мы будем пить, а она чтоб играла. Потом все в сад, а музыка чтоб впереди, да так по всем дорожкам маршем; потом опять

домой да песни; а там опять маршем. Да так, чтобы три дни кряду, а начинать с утра. А вороты вели запереть, чтобы не ушел никто. Вот тебе и будет весело.

Белотелова. Весело, только хлопот много.

Красавина. А ты мне прикажи, я все хлопоты на себя возьму. Я орел на эти дела.

Белотелова. Ну хорошо, как-нибудь сделаем.

Красавина. Да поскорей бы! Хорошего дела никогда откладывать не должно!

Белотелова. Не пойти ли нам в беседку?

Красавина. Погоди! Посидим здесь; хорошо на воздухе-то. Поговорим об чем-нибудь для времяпровождения.

Белотелова. Я уж не знаю, об чем говорить. Нет ли по Москве разговору какого?

Красавина. Мало ли разговору, да всему верить-то нельзя. Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтоб звончее был.

Белотелова. Войны не слыхать ли?

Красавина. Войны не слыхать. Тихо везде; по всей земле замирение вышло. Земля трясется местами, об этом слух есть; местах в трех трясение было.

Белотелова. Нехорошо.

Красавина. Что хорошего! Сама знаешь, писано

есть об этом. Да вот еще, для всякой осторожности, надобно тебе сказать: шайка разбойников объявилась.

Белотелова. Откуда ж они?

Красавина. Из диких лесов, говорят. Днем под Каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки и все на ходулях; по семи аршин ходули-то, а атаман в турецком платье.

Белотелова. Зачем на ходулях?

Красавина. Для скорости, ну и для страху.

Белотелова. Пойдем в беседку, посидим, закусим!

Красавина. Пойдем! Какой у тебя аппекит, дай тебе Бог здоровья, меня ижно завидки берут. Уж чего лучше на свете, коли аппекит хорош! Значит, весь человек здоров и душой покоен.

Уходят.

Явление второе

На правой стороне.

Выходят Анфиса Панфиловна и Раиса Панфиловна.

Раиса. Тоска, Анфиса.

Анфиса. Тоска.

Раиса. Ой, батюшки, как скучно!

Молчание.

Анфиса. И нейдет, и не шлет никого!

Раиса. Да кого же прислать! Ты знаешь, к нам ходу нет.

Анфиса. Он в прошлом письме писал, что придумает что-нибудь. Не послать ли Химку в лавочку: не дожидается ли он там с письмом?

Раиса. За Химкой-то уж подсматривать стали. Бабушка все ворчит на нее, должно быть, что-нибудь заметила; да старуха-нянька все братцам пересказывает. Выходи, Анфиса, поскорей замуж, и я бы к тебе переехала жить: тогда своя воля; а то ведь это тоска.

Анфиса. Еще какая тоска-то! А за кого я пойду? Я лучше умру, а уж не пойду за тех женихов, что братцы сватают. Невежество-то мне и дома надоело. А мы сами немножко виноваты: тогда, как тятенька умер, уж мы много себе вольности дали.

Раиса. Вот золотое-то было времечко! Есть чем вспомнить!

Анфиса. Вот братцы-то нас и присадили. Такая тоска в этом положении.

Раиса. Хоть волком вой! Ах, тоска, Анфиса! Ах, тоска!

Анфиса. Я думала-думала, да придумала одну

штуку.

Раиса. Что же ты придумала?

Анфиса *(оглядываясь).* Бежать с Лукьян Лукьянычем.

Раиса. Что ты, сестрица! Как это можно!

Анфиса. А что ж такое! Жалко, что ль, мне кого здесь? Взяла да и ушла. Конечно, пока мы здесь живем, так братья над нами власть имеют; а как из ворот, так и кончено. И деньги свои потребую, какие мне следовают.

Раиса. Это, я думаю, страшно, сестрица, когда увозят.

Анфиса. Ничего, Раиса, не страшно. Ведь меня уж увозили, ты помнишь?

Раиса. Помню. Только ты тогда скоро воротилась.

Анфиса. Ну, что старое вспоминать! Вот я теперь и жду от Лукьян Лукьяныча письма об этом об самом. Только как он его передаст?

Раиса. Уж как-нибудь придумает.

Анфиса. Тогда тебя к себе жить возьму.

Раиса. Вот мы, Анфиса, заживем-то! По всем гуляньям, по всем дачам будем ездить. Я себе тоже военного выберу.

Анфиса. А что же этот, твой-то?

Раиса. Белобрысый-то? Ну, что за крайность!

Кабы ничего лучше в предмете не было, так уж так бы и быть — от скуки.

Анфиса. Разве он тебе не нравится?

Раиса. Он мне что-то, Анфиса, гнусненек кажется.

Анфиса. Зачем же ты с ним кокетничаешь?

Раиса. От тоски. Все-таки развлечение. Ах, тоска! Ах, тоска!

Анфиса. А он, пожалуй, подумает, что ты в него влюблена.

Раиса. Пускай его думает, убытку-то мне немного.

Анфиса. Знаешь, Раиса, что я тебе говорила-то, что бежать-то с Лукьян Лукьянычем? Ведь это, может быть, очень скоро будет. Я уж, что нужно на первый раз, приготовила; хоть сейчас собраться, да и была такова.

Раиса. Вот я посмотрю, как ты убежишь, да и я, может, то же сделаю. Не умирать же тут с тоски в самом деле!

Химка вбегает, дрожа от страха и запыхавшись.

Явление третье

Анфиса, Раиса и Химка.

Анфиса. Что ты, Химка?

Химка. Пришел… пришел…

Анфиса. Кто пришел?

Химка. Башмачник пришел, башмачник пришел.

Анфиса. Какой башмачник?

Химка. Не знаю какой, не знаю. Батюшки, страсти! Говорит, знакомые послали, барышням мерку снимать, мерку снимать.

Раиса. Это от Лукьян Лукьяныча, должно быть?

Анфиса. Непременно. Кто ж его пустил?

Химка. Я пустила, все спят, я пустила. Ах, страсти!

Анфиса. Где же он?

Химка. У садовой калитки дожидается. Он у калитки…

Анфиса. Веди его сюда скорей, да смотри, чтоб не увидали.

Химка. Сейчас, сейчас! Батюшки! Сейчас! *(Убегает.)*

Раиса. Ишь ты какой придумщик! Башмачника прислал.

Анфиса. Благородного человека сейчас видно: у него все и поступки благородные. Ну кто придумает башмачника прислать, кроме благородного человека? Никто на свете.

Раиса. Мы этого башмачника на весь дом шить башмаки заставим, он нам и будет письма переносить.

Входят Бальзаминов и Химка.

Явление четвертое

Анфиса, Раиса, Бальзаминов и Химка.

Анфиса *(тихо).* Да ведь это твой белобрысый.

Раиса. Вот суприз!

Анфиса. Беги, Химка, постереги у калитки: коли в доме проснутся, так ты дай знак какой-нибудь.

Химка. Сейчас! Сейчас! Вот страсти-то! *(Убегает.)*

Анфиса. Однако как вы смелы!

Бальзаминов. Любовь все преодолевает-с.

Анфиса. Лукьяна Лукьяныча давно ли видели?

Бальзаминов. Даже только сейчас-с. Я от них к вам письмо имею.

Анфиса. Так давайте!

Бальзаминов *(подает письмо).* Извольте-с. Они ответ просили-с.

Анфиса отходит, распечатывает и читает.

Раиса. Вас зовут Михайло Дмитрич?

Бальзаминов. Точно так-с. Это я собственно для вас-с.

Раиса. Что для меня?

Бальзаминов. В таком виде-с.

Раиса. Покорно вас благодарю.

Анфиса. Раиса, поди сюда! Вы, господин Бальзаминов, извините: нам нужно поговорить. Вы посидите на лавочке, подождите.

Раиса подходит к Анфисе.

Бальзаминов *(садится на лавочку у забора).* Оченно хорошо-с.

Анфиса *(читает).* «У меня все готово. Докажите, что вы меня любите не на словах только, а на самом деле. Доказательств моей любви вы видели много. Для вас я бросил свет, бросил знакомство, оставил все удовольствия и развлечения и живу более года в этой дикой стороне, в которой могут жить только медведи да Бальзаминовы…»

Раиса. Ах, это правда.

Анфиса. Правда! *(Читает.)* «Кажется, этого довольно. Больше я ждать не могу. Из любви к вам я решаюсь избавить вас от неволи; теперь все зависит от вас. Если хотите, чтоб мы были оба счастливы, — сегодня, когда стемнеет и ваши улягутся спать, что произойдет, вероятно, не позже девятого часа, выходите в сад. В переулке, сзади вашего сада, я буду ожидать вас с коляской. Забор вашего сада, который выходит в переулок, в одном месте плох…»

Раиса. Да, братец давно говорил об этом. На этой неделе хотят починить.

Анфиса *(читает).* «Мы разберем несколько досок, и вы будете на свободе. Мы с вами поедем верст за пятнадцать, где меня ждут мои приятели и уже все готово, даже и музыка…»

Раиса. И музыка! Ах, как это весело! А здесь-то какая тоска!

Анфиса. Ах, Раиса! Вот что значит благородный человек! Увозит девушку, все устроил отличным манером и потом даже с музыкой! Кто, кроме благородного человека, это сделает? Никто решительно.

Бальзаминов и его друг Чебаков пытаются демонстрировать свое благородство через похищение невест, в то время очень популярный прием в любовной и сентиментальной литературе. Но, как показывает автор, в реальном мире все эти трюки выглядят комично. Бальзаминов и Чебаков пытаются изображать из себя героев-любовников, но это выглядит нелепо именно потому, что они ничуть не влюблены и действуют только ради приданого.

Раиса. Что же, Анфиса, ты поедешь?

Анфиса. Еще бы после этого да я не поехала! Это даже было бы неучтиво с моей стороны. *(Читает.)* «Впрочем, может быть, вам ваша жизнь нравится и вся ваша любовь заключается в том, чтобы писать письма и заставлять обожателей во всякую погоду ходить по пятнадцати раз мимо ваших окон? В таком случае извините, что я предложил вам бежать со мной…»

Раиса. Отчего же он об нас так низко думает?

Анфиса. Я ему докажу, что я совсем не таких понятий об жизни. *(Читает.)* «Конечно, очень похвально слушаться братцев, бабушек и тетушек…»

Раиса. Анфиса, это он в насмешку!

Анфиса. Разумеется. *(Читает.)* «…но зачем же губить свою молодость и отказывать себе в удовольствиях? С нетерпением жду вашего ответа. Если вы сегодня не решитесь, я завтра уезжаю на Кавказ. Целую ваши ручки. Весь ваш…»

Раиса *(заглядывая в письмо).* А это что?

Анфиса. А это Люди, Червь, значит: Лукьян Чебаков. Ну, Раиса, я пойду напишу ему ответ, а ты тут посиди с Бальзаминовым. Ты мне после скажи, что он тебе будет говорить.

Раиса. А как же Бальзаминов выдет отсюда?

Ведь его никто не видал, как он вошел!

Анфиса. Вот еще беда-то!

Раиса. Знаешь что, Анфиса: я его как-нибудь спроважу через забор.

Анфиса. Ну хорошо. Ответ я с Химкой пришлю. Прощайте, господин Бальзаминов! *(Уходит.)*

Раиса *(Бальзаминову).* Я сейчас к вам приду. *(Провожает Анфису.)*

Бальзаминов. Ведь вот теперь надо в любви открываться, а я ничего не придумал, никаких слов не прибрал. Эка голова! Что ты будешь делать! Будь тут столб или дерево покрепче — так бы взял да и разбил ее вдребезги. Сваха-то давеча правду говорила, что я дурак. Что ж в самом деле? не стоять же столбом! На счастье буду говорить, что в голову придет: может быть, и хорошо выдет. Вот каковы приятели! Сколько раз просил, чтобы показали, как в любви объясняться, — ни один не показал. Всё из зависти, всякий для себя бережет.

Раиса возвращается.

Вот идет! Вот, что мы будем делать?

Явление пятое

Бальзаминов и Раиса.

Раиса. Извините, что мы вас заставили дожидаться!

Бальзаминов. Ничего-с! Очень приятно-с!

Молчание.

Они куда же пошли-с?

Раиса. Она пошла ответ писать.

Бальзаминов. Они скоро-с?

Раиса. Нет, она очень долго пишет. Мы скоро не умеем; для этого привычка нужна, а мы, кроме писем, ничего не пишем.

Бальзаминов. Я теперича все скучаю-с.

Раиса. И мы тоже скучаем. Такая тоска, вы не поверите!

Бальзаминов. Да вы, может быть, не оттого-с.

Раиса. Оттого, что всё сидим взаперти, не видим никаких развлечений.

Бальзаминов. А я от другого-с.

Раиса. Отчего же вы?

Бальзаминов. Я даже по ночам не сплю-с.

Раиса. Может быть, днем спите?

Бальзаминов. Нет, совсем не оттого-с.

Раиса. А отчего же?

Бальзаминов. От чувств-с.

Раиса. От каких же это чувств?

Бальзаминов. Я так чувствую себя, что я самый несчастный человек в жизни.

Раиса. Довольно странно это слышать от вас. Мужчины вообще счастливей женщин.

Бальзаминов. Но не все-с.

Раиса. У женщины несчастие заключается оттого, что она завсегда подо что-нибудь подвластна.

Бальзаминов. А у мужчины несчастие заключается от любви-с.

Раиса. Значит, надобно так полагать, что вы влюблены?

Бальзаминов. Так точно-с.

Раиса. Кто же эта женщина, которая могла вас прельстить собою?

Бальзаминов. Я не смею вам этого открыть-с.

Раиса. Отчего же?

Бальзаминов. Вам, может быть, будет противно меня слушать-с.

Раиса. Нисколько не противно; даже совсем напротив.

Бальзаминов. В таком случае-с позвольте вам выразить, что эта женщина — вы самые-с и есть-с.

Раиса. Ах, скажите! Я этого никак не ожидала.

Бальзаминов. Могу я сколько-нибудь надежду иметь-с или нет-с?

Раиса. Я еще ничего не слыхала от вас.

Бальзаминов. Для моей любви нет слов-с. Я бы и желал выразить-с, но никак не могу-с.

Раиса. Говорите хотя то, что можете сказать!

Бальзаминов. Одно только и могу сказать-с, что я сам себе тиран.

Раиса. Какое же в этом тиранство?

Бальзаминов. Самое жестокое тиранство-с. Ежели человек влюблен-с, и даже не спит ночи, и не знает слов-с…

Раиса. Вы давно в меня влюблены?

Бальзаминов. В четверг после обеда, на прошлой неделе.

Раиса. Так это недавно! Лукьян Лукьяныч любит Анфису полтора года.

Бальзаминов. И я могу-с… даже больше.

Раиса. Ну, это еще неизвестно. Может быть, вы непостоянный кавалер?

Бальзаминов. Я считаю это в мужчинах за низкость-с.

Раиса. Коли вы влюблены, отчего же вы мне письма́ не написали? Влюбленные всегда пишут письма.

Бальзаминов. Я не смел-с. А ежели вы так снисходительны, то я первым долгом почту́ написать вам даже нынче. А вы мне напишете на ответ-с?

Раиса. Отчего же не написать.

Бальзаминов. А ежели бежать-с, — вы согласны будете?

Раиса. Уж это очень скоро.

Бальзаминов *(становится на колени).* Сделайте такое одолжение-с! Лукьян Лукьяныч тоже хотят увезти вашу сестрицу, так уж и я-с, чтобы вместе-с…

Раиса. Ну хорошо, я подумаю. Встаньте! Ну, увидит кто-нибудь? Вон Химка бежит.

Бальзаминов встает. Вбегает Химка.

Химка *(подает Бальзаминову письмо).* Вот письмо, вот письмо! Батюшки, страсти! Проснулись, все проснулись! *(Убегает.)*

Раиса. Ах, как же быть! Куда же мне вас деть? Через двор теперь нельзя.

Бальзаминов *(оглядывается по сторонам и подпрыгивает).* Что же я-с? Как же я-с? А-я-яй! А-я-яй!

Раиса. Разве через забор? Вы умеете?

Бальзаминов. Раз, два, три-с… раз, два, три — и там-с.

Раиса. Так ступайте скорей!

Бальзаминов. Сейчас-с. *(Бежит за куст и лезет на забор налево.)*

Раиса. Не туда, не туда! Это в чужой сад.

Бальзаминов не слушает.

Явление шестое

На левой стороне.

Белотелова и Красавина выходят из беседки и останавливаются на ступенях.

Белотелова. Ты говоришь, что разбойники на ходулях ходят? Может быть, это колокол льют.

Красавина. Уж это так точно, поверь моему слову! Вот видишь забор. Так выше этого забора у них ходули.

Бальзаминов показывается на заборе.

Белотелова. Ах! Вот они. *(Убегает в беседку.)*

Сваха от испуга садится на ступеньке.

Бальзаминов *(спрыгнув с забора).* А-я-яй! Ой-ой-ой!

Раиса *(за забором).* Что с вами?

Бальзаминов. В крапиву-с.

Раиса. Ну, прощайте! *(Уходит.)*

Явление седьмое

Красавина и Бальзаминов.

Красавина. Ах ты, батюшки мои, как перепугал, окаянный! Все сердце оторвалось. Чтоб тебе пусто было!

Бальзаминов выходит из-за куста.

Ишь тебя где луканька-то [49] носит!

Бальзаминов. Где же это я? Вот и ты здесь!

Красавина. Я-то здесь; ты-то как попал?

Бальзаминов. Я оттуда…

Красавина. Видно, хорошо приняли, да может, и угостили чем-нибудь? Шенпанским, что ли, чем ворота запирают? Аль собаками травили?

Бальзаминов. Ты меня выведи как-нибудь отсюда.

Красавина. Тебя-то? Скажи ты мне, варвар, что ты с нами сделал? Мы дамы тучные, долго ли до греха! Оборвется сердце — и конец. Нет, мы тебе руки свяжем да в часть теперича.

Бальзаминов. Да за что же?

Красавина. А за то, что не лазий по заборам! Разве показано лазить по заборам, ворам дорогу указывать? Ты у меня как хозяйку-то испугал, а? Как? Так что теперь неизвестно, жива ли она там в беседке-то! Вот что, друг ты мой!

Бальзаминов. Что же это такое? Боже мой! Несчастный я человек!

Красавина. Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, как тебя счесть? За вора?

Бальзаминов. Да какой же я вор?

---

[49] Примечания: 49

Уменьшительное от «лукавый», простонародное слово. *(Прим. автора.)*

Красавина. А за что за другое — так тебе же хуже будет. Она честным манером вдовеет пятый год, теперь замуж идти хочет, и вдруг через тебя такая мараль пойдет. Она по всем правам на тебя прошение за свое бесчестье подаст. Что тебе за это будет? Знаешь ли ты? А уж ты лучше, для облегчения себя, скажи, что воровать пришел. Я тебе по дружбе советую.

Бальзаминов. Ах, боже мой! Да как же это, страм какой! Акулина Гавриловна, сделай милость, выпусти как-нибудь!

Красавина. Теперь «сделай милость», а давеча так из дому гнать! Ты теперь весь в моей власти, понимаешь ты это? Что хочу, то с тобой и сделаю. Захочу — прощу, захочу — под уголовную подведу. Засудят тебя и зашлют, куда Макар телят не гонял.

Бальзаминов. Долго ль меня напугать? Я человек робкий. Уж я тебе все, что ты хочешь, только ты не погуби меня.

Красавина *(встает).* Ну вот что: две тысячи целковых.

Бальзаминов. Где же я возьму?

Красавина. Уж это не твое дело. Будут. Только уж ты из-под моей власти ни на шаг. Что прикажу, то и делай! Как только хозяйка выдет, говори,

что влюблен. *(Показывая на забор.)* Там тебе нечего взять, я ведь знаю; а здесь дело-то скорей выгорит, да и денег-то впятеро против тех.

Бальзаминов. Что же это такое? Я умру. В один день столько перемен со мной! Это с ума сойдешь! Я тебя золотом осыплю.

Красавина. Завтра приду к тебе, условие напишем; а теперь говори одно, что влюблен. *(Заглядывает в беседку.)* Домна Евсигневна! выходи, ничего!

Белотелова выходит.

Явление восьмое

Бальзаминов, Красавина и Белотелова.

Белотелова. Как я испугалась, думала, умру.

Красавина. Ты б выпила чего-нибудь покрепче! От испугу это хорошо.

Белотелова. Я выпила.

Красавина. Ну и ничего, и пройдет. Ты не бойся, это знакомый, он по ошибке. *(Берет Бальзаминова за руку и хочет подвести к Белотеловой.)*

Бальзаминов *(тихо).* Уж оченно они полны.

Красавина. Ты еще разговаривать стал! *(Подводит.)* Вот тебе Михайло Дмитрич Бальзаминов. *(Бальзаминову.)* Целуй ручку!

Бальзаминов целует.

Белотелова. Зачем же вы?

Бальзаминов. Влюблен-с.

Красавина. Ну да, влюблен. Так точно. Это он верно говорит. Вот и потолкуйте, а я по саду погуляю. *(Уходит за кусты.)*

Белотелова. Лучше сядемте.

Садятся на скамейку.

Как же это вы?

Бальзаминов. Через забор-с.

Белотелова. Отчего через забор?

Бальзаминов. От любви-с. Вы не сердитесь на меня-с?

Белотелова. Нет, я никогда не сержусь. Я добрая. Вы что делаете?

Бальзаминов. Я? ничего-с.

Белотелова. И я тоже ничего. Скучно одной-то ничего не делать, а вместе веселее.

Бальзаминов. Как же можно-с, гораздо веселее!

Белотелова *(кладет руку на плечо Бальзаминову)*. Вы хотите вместе?

Бальзаминов. Даже за счастие почту-с.

Белотелова. Я очень добрая, я всему верю; так уж вы меня не обманите.

Бальзаминов. Как же это можно-с! Я за низкость считаю обманывать.

Белотелова. Ну хорошо! Вы меня любите, и я вас буду…

Бальзаминов. Покорнейше благодарю-с. Пожалуйте ручку поцеловать!

Белотелова. Нате! *(Дает руку.)* А то подвиньтесь поближе: я вас так…

Бальзаминов подвигается, она его целует.

Сваха выходит из-за кустов.

Красавина. Ну вот и прекрасно! Значит, и делу конец!

Белотелова *(встает).* Пойдемте все в беседку.

Бальзаминов *(Красавиной).* Мне бы домой-с.

Красавина. Мы лучше его отпустим. Ты ступай! Поцелуй ручку и ступай! Так прямо, из калитки в ворота, никто тебя не тронет.

Бальзаминов *(целует руку у Белотеловой).* Прощайте-с.

Белотелова. До свиданья.

Красавина. До завтра, до завтра.

Бальзаминов уходит.

А мы вот с тобой потолкуем. Ну как тебе?

Белотелова. Он мне понравился. Ты мне его!

Красавина. Ну а его, так его. Все это в наших руках. Вот у нас теперь и пированье пойдет, — дым коромыслом. А там и вовсе свадьба.

Белотелова. Свадьба долго; а он чтоб и прежде

каждый день… ко мне…

Красавина. Стоит об этом толковать. Что ж ему делать-то! Так же бегает. А уж теперь пущай тут с утра до ночи.

Белотелова *(смеется).* Вот мне теперь гораздо веселей.

Красавина *(смеется).* Ах ты, красавица моя писаная! Ишь ты, развеселилась! Вот я тебя чем утешила. Еще ты погоди, какое у нас веселье будет!

Смеются обе.

Пойдем в беседку, я тебя проздравлю как следует.

Уходят.

Крайне интересен образ богатой вдовы Белотеловой. Если сравнивать «Женитьбу Бальзаминова» с трагическими пьесами Островского на тему любви по расчету, то и из вдовы могла бы получиться вторая Лариса. Но трагедии не происходит потому, что Белотелова ограниченна и пассивна. Ей нечего желать, она постоянно сидит в своем саду и увлечена лишь едой. В этой неподвижности тоже можно увидеть свою философию, благодаря

которой Белотелова находит свое теплое место в мире Бальзаминовых и Паратовых.

Картина третья

Лица

Бальзаминова.
Бальзаминов.
Чебаков.
Красавина.
Матрена.

Комната у Бальзаминовых та же, что в первой картине.

Явление первое

Бальзаминова *(одна).* Ах, как я долго проспала! Уж смеркается. В голове так тяжело, и сны всё такие снились страшные. Все Мишу во сне видела. Уж разумеется, о чем думаешь, то и во сне видишь. Где-то он теперь? А что-нибудь либо делается с ним, либо сделается необыкновенное. Сна-то никак не распутаю; уж очень много видела-то я. Чего-чего не было! Я отроду таких снов не видала. Вот кабы умного человека найти, сейчас бы и посоветовалась, а одной не разобрать. Вот разве как вдвоем с Матреной не разберем ли.

Ум хорошо, говорят, а два лучше. Простая она женщина-то, необразованная совсем; пожалуй, что в снах-то понятия-то большого не имеет. Ведь простой человек спит крепко, а если что и видит, так ему все равно, у него на это понятия нет. Матрена!

Входит Матрена.

Явление второе

Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминова. Ты, Матрена, умеешь сны разбирать?

Матрена. Да что их разбирать-то! Мало ли что снится!

Бальзаминова. Конечно, не всякий сон к чему-нибудь; бывают сны и пустые, так, к погоде. А вот ты заметь, коли чему быть, так непременно прежде сон увидишь.

Матрена. Да чему быть-то! Быть-то нечему!

Бальзаминова. Разные перевороты могут быть с человеком: один из богатства в бедность приходит, а другой из бедности в богатство.

Матрена. Не видать что-то этих переворотов-то: богатый богатым так и живет, а бедный, как ни переворачивай его, все бедный.

Бальзаминова. Как ты глупо рассуждаешь!

Разве не бывает, что на дороге находят значительные суммы? Ну вот Миша жениться может на богатой: вот богат и будет.

Матрена. Оно точно, что говорить! Чем черт не шутит! Только уж на редкость это дело будет, как наш да на богатой женится!

Бальзаминова. Разумеется, на редкость. А все-таки может случиться; такие ли еще дела бывают.

Матрена. Что говорить! Всяко случается. На грех-то, говорят, и из палки выстрелишь.

Бальзаминова. Ну вот видишь ли! Значит, что ж мудреного, что Миша женится на богатой? Вот в этаком-то случае сон-то и много значит, когда ждешь-то чего-нибудь. Такой уж я, Матрена, сон видела, такой странный, что и не знаю, чему приписать! Вижу: будто я на гулянье, что ли, только народу, народу видимо-невидимо…

Матрена. Это к снегу, говорят.

Бальзаминова. К какому же снегу! Что ты, в уме ли! В августе-то месяце!

Матрена. Ну, так к дождю.

Бальзаминова. Да и не к дождю.

Матрена. Ну а коли не к дождю, уж я больше не умею сказать, к чему это.

Бальзаминова. Не умеешь, так и молчи; а то

ты только перебиваешь. Я уж и так половину перезабыла; уж очень много со мной во сне приключениев-то было. Только тут ли, после ли, вдруг я вижу корабль. Или нет, корабль после.

Матрена. Уплывет что-нибудь.

Бальзаминова. Погоди! Сначала я вижу мост, и на мосту сидят всё бабы с грибами и с ягодами…

Матрена. Мост — это с квартиры съезжать на другую.

Бальзаминова. Постой! Не перебивай ты меня! Только за мостом — вот чудеса-то! — будто Китай. И Китай этот не земля, не город, а будто дом такой хороший, и написано на нем: «Китай». Только из этого Китая выходят не китайцы и не китайки, а выходит Миша и говорит: «Маменька, подите сюда, в Китай!» Вот будто я сбираюсь к нему идти, а народ сзади меня кричит: «Не ходи к нему, он обманывает: Китай не там, Китай на нашей стороне». Я обернулась назад, вижу, что Китай на нашей стороне, точно такой же, да еще не один. А Миша будто такой веселый, пляшет и поет: «Я поеду во Китай-город гулять!»

Матрена. Ну уж это, вот режь ты меня сейчас на части, — ни за что не пойму, к чему приписать.

Бальзаминова. Где тут понять! Да это что! Много я еще чудес-то видела; и все-то Миша в глазах,

все-то Миша.

Матрена. Все сокрушаешься об нем, об его малом разуме, вот и видишь.

Бальзаминова. То он пляшет, то догоняет кого-то, то за ним кто-то гонится. То пропадет куда-то, то вдруг явится.

Матрена. Да это и наяву все так же: то пропадет, то явится. Вот давеча пропал, а теперь, гляди, явится. Хоть бы его в суде за дело за какое присадили: поменьше бы слонялся, слоны-то продавал.

Бальзаминова. Какое уж ему дело давать, по его ли разуму?

Матрена. Да вот он, на помине-то легок.

Входит Бальзаминов.

Явление третье

Те же и Бальзаминов.

Бальзаминов *(садится).* Ну, маменька, кончено.

Бальзаминова. Значит, благополучно?

Бальзаминов. Еще как благополучно-то! Так, маменька, что я думаю, что не переживу от радости. Теперь, маменька, и дрожки беговые, и лошадь серая, и всё… Ух, устал!

Бальзаминова. А какой я без тебя сон видела!

Бальзаминов. Что сон! Со мной наяву то было, что никому ни в жизнь не приснится. У своей был… и у той был, что сваха-то говорила, у Белотеловой, я на воротах прочел, что она Белотелова, как выходил оттуда; а туда через забор…

Матрена. Ишь ты, нелегкая-то тебя носит!

Бальзаминов. Молчи ты! Ты еще не знаешь, с кем ты теперь говоришь! Маменька, вот они, мечты-то мои! Ан вот правда выходит. Ух, дух не переведу!

Бальзаминова. Что, богато она живет?

Бальзаминов. Богато. Дом, лошади, сад, деньги, всё…

Бальзаминова. Значит, правду сваха-то говорила, что денег счету нет?

Бальзаминов. Правду.

Бальзаминова. Ну что ж ты?

Бальзаминов. Женюсь.

Бальзаминова. На ком?

Бальзаминов. На обеих.

Матрена. Что ты, татарин, что ли! Очувствуйся хоть малость!

Бальзаминова. Что это ты, Миша, право! Обрадуешься, так уж себя не помнишь! Говоришь такие слова, что ни на что не похоже.

Бальзаминов. Погодите, постойте! А то я поме-

шаюсь в мыслях. Этакое счастье и вдруг, в один день…

Матрена. Не было ни гроша, да вдруг алтын!

Бальзаминов. Да замолчи ты! Я, маменька, себе человека найму, камердинера; а Матрену прочь… за грубость.

Матрена. И давно бы ты нанял. *(Уходит.)*

Бальзаминова. Ну а эта, как ее, Пеженова, что ли? У нее сколько?

Бальзаминов. Полтораста тысяч.

Бальзаминова. У этой много поменьше, чем у той.

Бальзаминов. Зато эта, маменька, помоложе, а та постарше — ну, так у ней побольше.

Бальзаминова. И согласна она за тебя замуж идти, Пеженова-то?

Бальзаминов. Обе согласны. Только одна, чтоб увезти; а другая так дома. Не отдохну никак.

Бальзаминова. Ну как же ты?

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите! Вот он сад-то я нынче во сне-то видел! Я в двух садах был.

Бальзаминова. А я, Миша, Китай видела. Уж не знаю, к чему?

Бальзаминов. У Белотеловой лавка в Китай-городе, вот и весь ваш сон.

Бальзаминова. И то правда.

Бальзаминов *(быстро встает).* Что же это такое! Боже мой! Представьте, маменька…

Бальзаминова. Да ты посиди, отдохни.

Бальзаминов. Ах, маменька, не мешайте! Представьте, маменька, я, бедный молодой человек, хожу себе по улице, и вдруг что же? И вдруг теперь поеду в коляске! И знаете, что мне в голову пришло? Может быть, за Пеженовой сад отдадут в приданое: тогда можно будет забор-то разгородить, сады-то у них рядом, и сделать один сад. Разных беседок и аллей…

Бальзаминова. Да ты никак в самом деле на обеих хочешь жениться?

Бальзаминов. Вот вы меня, маменька, всегда останавливаете! Никогда не дадите помечтать. Что ж такое! Я этим никому вреда не делаю. Коли нельзя жениться на обеих, я бы хоть помечтал, по крайней мере, а вы меня расстроили.

Бальзаминова. Ну мечтай, бог с тобой!

Бальзаминов *(задумывается. Молчание).* Нет, маменька, сам чувствую, что начинает все путаться в голове, так даже страшно делается. Планов-то много, а обдумать не могу. Сейчас я думал об доме, ну и представился мне в уме дом, большой, каменный, и львы на воротах; только

лев будто и разевает рот, каменный-то, да и залаял, а я об этом и думать не хотел, обо льве-то. Хочу его из головы-то выкинуть, никак нейдет. А отчего это? Оттого, что я не привык думать, как богатые люди думают; все думал так, как бедные думают; вот оно теперь богатство-то в голове и не помещается. А вот привыкну, так ничего.

Бальзаминова. Что мудреного, что не помещается! Этакая пропасть! Иной раз и о пустяках думаешь, да ум за разум заходит; а тут, с такими деньгами — просто беда!

Бальзаминов *(задумавшись)*. Если башню выстроить, большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будет там и голубей держать…

Бальзаминова. Оставь, Миша! Не думай, хуже будет!

Бальзаминов. Само думается, маменька. Правду говорят, маменька, что с состоянием-то много заботы бывает.

Бальзаминова. А ты давай-ка лучше поговорим об чем-нибудь другом! А то, сохрани господи, долго ли до греха, пожалуй совсем свихнешься.

Бальзаминов. Извольте, маменька! Другой бы сын, получивши такое богатство-то, с матерью и говорить не захотел; а я, маменька, с вами об чем угодно, я гордости не имею против вас. Нужды

нет, что я богат, а я к вам с почтением. И пусть все это знают. С другими я разговаривать не стану, а с вами завсегда. Вот я какой! *(Садится.)*

Бальзаминова. Еще бы! А которая лучше лицом-то из них?

Бальзаминов. Мне, маменька, все богатые невесты красавицами кажутся; я уж тут лица никак не разберу.

> И в «Бесприданнице», и в «Женитьбе Бальзаминова» раскрывается тема брака и любви по расчету. Но если в первом случае она представлена в трагическом ключе, то во втором – в сатирическом, комическом. Бальзаминов – человек, для которого любовь к девушке полностью замещена любовью к ее приданому. Однако Бальзаминов не вызывает такого отторжения, как, например, Борис или Паратов, именно благодаря своей искренности – он искренне влюблен в мечту о богатой жизни.

Бальзаминова. Что же ты мне не расскажешь, как у вас дело-то было?

Бальзаминов. До того ли мне, маменька, помилуйте! Вот Красавина придет, расскажет.

(Задумывается.) У меня теперь в голове, маменька, лошади, экипажи, а главное — одежа, чтобы к лицу.

Бальзаминова. Брось, Миша, брось, не думай! Право, я боюсь, что ты с ума сойдешь. Да что же это мы в потемках-то сидим! Ишь, как смерилось. Пойду велю огня зажечь.

Бальзаминов. Погодите, маменька! Не нужно огня, в потемках лучше.

Бальзаминова. Ну что хорошего впотьмах сидеть?

> **Бальзаминов**. Впотьмах, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при огне, только надобно зажмуриться, а в потемках можно и так, с открытыми глазами. Я теперь могу себя представить как угодно. И в зале могу себя представить в отличной, и в карете, и в саду; а принесите вы свечку – я сейчас и увижу, что я в самой бедной комнате, мебель скверная, ну все и пропало. Да и на себя-то взгляну – совсем не тот, какой я в мечтах-то.

Здесь происходит очень интересное соединение тьмы и сна, света и реальности. Во тьме, во сне — в необразованности и невежестве — легко

придаваться мечтам и лениться. Бальзаминов сознательно отказывается от света и настоящего нравственного развития, благородства, потому что не в силах преодолеть свою лень. В этом его можно сравнить с главным героем романа «Обломов» И. А. Гончарова.

Бальзаминова. Какой же ты?

Бальзаминов. В мечтах я себя представляю, маменька, что я высокого роста, полный и брюнет.

Бальзаминова. Разумеется, лучше.

Бальзаминов. Вот смотрите, маменька; вот я вам буду сказывать, что мне представляется. Вот будто сижу я в зале у окошка, в бархатном халате; вдруг подходит жена…

Бальзаминова. Ну а потом что ж?

Бальзаминов. «Поедем, говорит, душенька, на гулянье!»

Бальзаминова. Отчего ж не ехать, коли погода хорошая?

Бальзаминов. Отличная, маменька, погода. Я говорю: «Поди, душенька, одеваться, и я сейчас оденусь». — «Человек!» Приходит человек. «Одеваться, говорю, давай и приготовь голубой плащ на бархатной подкладке!» Вот не нравится мне, маменька, у него улыбка-то какая противная. Как точно он смеется надо мной.

Бальзаминова. Уж с этим народом беда!

Бальзаминов. Вот и грубит. Ну, я этого прогоню, я себе другого возьму. *(Что-то шепчет про себя.)*

Бальзаминова. Что ж ты замолчал?

Бальзаминов. Это мы, маменька, с женой разговариваем и целуемся. Вот, маменька, садимся мы с женой в коляску, я взял с собой денег пятьдесят тысяч.

Бальзаминова. Зачем так много?

Бальзаминов. Как знать, может быть, понадобятся!

Бальзаминова. Ты бы лучше дома оставил.

Бальзаминов. Еще украдут, пожалуй. Вот едем мы дорогой, все нам кланяются. Приезжаем в Эрмитаж, и там все кланяются; я держу себя гордо. *(В испуге вскакивает и ходит в волнении.)* Вот гадость-то! Ведь деньги-то у меня, пятьдесят-то тысяч, которые я взял, пропали.

Бальзаминова. Как пропали?

Бальзаминов. Так и пропали. Должно быть, вытащил кто-нибудь.

Бальзаминова. А ты не бери с собой!

Бальзаминов. В самом деле не возьму. Все равно и дома украдут. Куда ж бы их деть? В саду спрятать, в беседке под диван? Найдут. Отдать кому-нибудь на сбережение, пока мы на гулянье-

то ездим? пожалуй, зажилит, — не отдаст после. Нет, лучше об деньгах не думать, а то беспокойно очень; об чем ни задумаешь, всё они мешают. Так я без денег будто гуляю.

Бальзаминова. Гораздо покойнее.

Бальзаминов. Вот, маменька, выхожу я из сада, жандарм кричит: «Коляску Бальзаминова!»

Входит Чебаков.

А я будто, маменька, генерал…

Явление четвертое

Те же и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, это вы-то генерал?

Бальзаминова. Ах, батюшка, извините! Мы и не видали, как вы вошли.

Бальзаминов. Ах, я и не знал, что вы здесь-с. Я так, по-домашнему, с маменькой-с… а то я при вас бы не стал таких глупостей говорить-с! Впрочем, что ж такое, в сумерках отчего же и не заняться иногда, не помечтать-с?

Чебаков. Уж вы бы лучше об чем-нибудь другом, а не об генеральстве.

Бальзаминов. Нет, отчего же, в сумерках-с…

Чебаков. Да и в сумерках нельзя. Нет, вы бросьте это занятие!

Бальзаминова. Что же это мы в потемках-то сидим! Извините, батюшка! я сейчас пойду огня принесу.

Чебаков. Послушайте, не беспокойтесь, мы и так друг друга знаем.

Бальзаминова. Все-таки лучше, пристойнее. *(Уходит.)*

Явление пятое

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, ваше превосходительство, нам надо будет отправиться.

Бальзаминов. Куда же-с?

Чебаков. Все туда же. Нас там ждут.

Бальзаминов. Зачем же это они нас ждут-с? Ведь я вам письмо принес; а завтра можно опять-с.

Чебаков. Вот в письме-то и написано, чтоб мы приходили сегодня.

Бальзаминов. И я-с?

Чебаков. И вы.

Бальзаминов. Что же мы там делать будем-с?

Чебаков. Вам хочется знать? Ну уж этого я вам не скажу. Вот пойдемте, так сами увидите.

Бальзаминов. А я-то что ж буду делать-с? Ведь уж я теперь в любви объяснился, уж после этого

что мне делать, я не знаю-с.

Чебаков. Я вас научу.

Бальзаминов. Вот вы давеча говорили — увезти; а я вас, Лукьян Лукьяныч, и забыл спросить, куда же это их увозят-с?

Чебаков. Куда хотите.

Бальзаминов. А на чем же я увезу-с?

Чебаков. Послушайте, я вас этому всему научу, только пойдемте.

Бальзаминов. Я сейчас-с. *(Берет фуражку.)*

Входит Бальзаминова.

Явление шестое

Те же и Бальзаминова.

Бальзаминова. Куда же это ты, Миша?

Бальзаминов. К Пеженовым-с.

Бальзаминова. Разве уж ты решился?

Бальзаминов. Нет, маменька, как можно решиться! Да вот Лукьян Лукьяныч говорит, что надо идти.

Чебаков. Послушайте, разумеется, надо.

Бальзаминов. Вот видите, маменька! А решиться я не решился-с. Потому, извольте рассудить, маменька, дело-то какое выходит: ежели я решусь жениться на одной-с, ведь я другую должен упустить. На которой ни решись — все другую

должен упустить. А ведь это какая жалость-то! Отказаться от невесты с таким состоянием! Да еще самому отказаться-то.

Чебаков. Послушайте, вы скоро?

Бальзаминов. Сейчас-с.

Бальзаминова. Так зачем же ты идешь?

Бальзаминов. Ну уж, маменька, что будет, то будет, а мне от своего счастия бегать нельзя. Все сделано отлично, так чтоб теперь не испортить. Прощайте.

Уходят.

Явление седьмое

Бальзаминова и потом Матрена.

Бальзаминова. Такие мудреные дела делаются, что и не разберешь ничего! Теперь одно только и нужно: хорошую ворожею[50] найти. Так нужно, так нужно, что, кажется, готова последнее отдать, только бы поговорить с ней. Что без ворожеи сделаешь? И будешь ходить как впотьмах. Почем мы знаем с Мишей, которую теперь невесту выбрать? Почем мы знаем, где Мишу счастье ожидает в будущем? С одной может быть счастье, а с другой

---

[50] Примечания: 50

Ворожея — гадалка, предсказательница.
Ворожба — гадание, колдовство.

— несчастье; опять же и дом: иной счастлив, а другой нет; в одном всё ко двору, а в другом ничего не держится. А какой — нам неизвестно. Как же это так наобум решиться! Солидные-то люди, которые себе добра-то желают, за всякой малостью ездят к Ивану Яковличу, в сумасшедший дом, спрашиваться, а мы такое важное дело да без совета сделаем! Уж что не порядок, так не порядок. Нет ли тут поблизости хоть какой-нибудь дешевенькой? Она хоть и не так явственно скажет, как дорогая ворожея, а все-таки что-нибудь понять можно будет. Матрена!

Входит Матрена.

Нет ли у нас тут где недалеко ворожеи какой-нибудь?

Матрена. Какой ворожеи?

Бальзаминова. Гадалки какой-нибудь.

Матрена. Вам про что спрашивать-то?

Бальзаминова. Об жизни, об счастье, обо всем.

Матрена. Таких нет здесь.

Бальзаминова. А какие же есть?

Матрена. Вот тут есть одна: об пропаже гадает. Коли что пропадет у кого, так сказывает. Да и то по именам не называет, а больше все обиняком. Спросят у нее: «Кто, мол, украл?» А она поворожит да и скажет: «Думай, говорит, на черного или на

рябого». Больше от нее и слов нет. Да и то, говорят, от старости, что ли, все врет больше.

Бальзаминова. Ну, мне такой не надо.

Матрена. А другой негде взять.

Бальзаминова. Вот какая у нас сторона! Уж самого необходимого, и то не скоро найдешь! На картах кто не гадает ли, не слыхала ль ты?

Матрена. Есть тут одна, гадает, да ее теперича увезли.

Бальзаминова. Куда увезли?

Матрена. Гадать увезли, далеко, верст за шестьдесят, говорят. Барыня какая-то нарочно за ней лошадей присылала. Лакей сказывал, который приезжал-то, что барыня эта расстроилась с барином.

Бальзаминова. С мужем?

Матрена. Нет, оно выходит, что не с мужем, а так у ней, посторонний. Так повезли гадать, когда помирятся. А больше тут никаких нет.

Бальзаминова. Ты не знаешь, а то, чай, как не быть. Такая ты незанимательная женщина: ни к чему у тебя любопытства нет.

Матрена. А на что мне? Мне ворожить не об чем: гор золотых я ниоткуда не ожидаю. И без ворожбы как-нибудь век-то проживу.

Бальзаминова. Загадаю сама, как умею. *(До-*

стает карты и гадает.) Вот что, Матрена: теперь, гляди, сваха зайдет, так поставь-ко закусочки какой-нибудь в шкап.

Матрена приносит закуску и уходит. Входит Бальзаминов.

Явление восьмое

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминова. Что ты так скоро?

Бальзаминов *(садится).* Кончено, маменька! Таким дураком меня поставили, что легче бы, кажется, сквозь землю провалиться.

Бальзаминова. Да каким же это манером? Расскажи ты мне.

Бальзаминов. Очень просто. Приходим мы с Лукьян Лукьянычем к ихнему саду, гляжу — уж и коляска тут стоит. Только Лукьян Лукьяныч и говорит мне: «Ну, господин Бальзаминов, теперь наше дело к концу подходит». Так у меня мурашки по сердцу и пошли. «Давайте, говорит, теперь за работу, забор разбирать». Так я, маменька, старался, даже вспотел. Вот мы три доски сняли, а те уж тут дожидаются. Вот он старшую, Анфису, берет за руку: «Садитесь, говорит, в коляску». Потом, маменька, начинают все целоваться: то сестры промежду себя поцелуются, то он и ту по-

целует, и другую. Что мне тут делать, маменька, сами посудите? Как будто мне и неловко, и точно как завидно, и словно что за сердце сосет… уж я не знаю, как вам сказать. Я сейчас в ревность.

Бальзаминова. Ты это нарочно?

Бальзаминов. Само собой, что нарочно. Надо же себя поддержать против них. Я, маменька, хотел показать Раисе-то, что я в нее влюблен. Я и говорю Лукьян Лукьянычу: «Какое вы имеете право целовать Раису Панфиловну?» Они как захохочут все. Я, маменька, не обращаю на это внимания и говорю Раисе Панфиловне: «Когда же, говорю, мы с вами бежать будем?» А она, маменька, вообразите, говорит мне: «С чего вы это выдумали?» А сама целуется с сестрой и плачет. Потом Лукьян Лукьяныч сели в коляску с Анфисой и уехали. А Раиса, маменька, прямехонько мне так и отпечатала: «Подите вы от меня прочь, вы мне надоели до смерти» — да, подобравши свой кринолин[51], бегом домой. Что ж мне делать? Я и воротился.

Бальзаминова. Это оттого, Миша, что ты все от меня скрываешь, никогда со мной не посоветуешься. Расскажи ты мне, как у вас это дело было

---

[51] Примечания: 51

Кринолин — здесь: пышная длинная юбка.

с самого начала.

Бальзаминов. Порядок, маменька, обыкновенный. Узнал я, что в доме есть богатые невесты, и начал ходить мимо. Они смотрят да улыбаются, а я из себя влюбленного представляю. Только один раз мы встречаемся с Лукьян Лукьянычем (я еще его не знал тогда), он и говорит: «За кем вы здесь волочитесь?» Я говорю: «Я за старшей». А и сказал-то так, наобум. «Влюбитесь, говорит, в младшую, лучше будет». Что ж, маменька, разве мне не все равно?

Бальзаминова. Разумеется!

Бальзаминов. Я и влюбился в младшую. «Я, говорит, вам помогать буду, потом мы их вместе увезем». Я на него понадеялся, а вот что вышло! Вот, маменька, какое мое счастье-то!

Бальзаминова. Как же ты, Миша, не подумал, куда ты увезешь невесту и на чем? Ведь для этого деньги нужны.

Бальзаминов. Я, маменька, на Лукьян Лукьяныча надеялся.

Бальзаминова. Очень ему нужно путаться в чужие дела! Всякий сам о себе хлопочет.

Бальзаминов. А впрочем, маменька, коли правду сказать, я точно в тумане был; мне все казалось, что коли она меня полюбит и согласится

бежать со мной, вдруг сама собой явится коляска; я ее привезу в дом к нам…

Бальзаминова. На эту квартиру-то?

Бальзаминов. Вы не поверите, маменька, как бывало начну думать, что увожу ее, так мне и представляется, что у нас дом свой, каменный, на Тверской.

Бальзаминова. Жаль мне тебя, Миша! Совсем еще ты дитя глупое.

Бальзаминов. Уж очень мне, маменька, разбогатеть-то хочется.

Бальзаминова. Ничего-то ты в жизни не сделаешь!

Бальзаминов. Отчего же, маменька?

Бальзаминова. Оттого что не умеешь ты ни за какое дело взяться. Все у тебя выходит не так, как у людей.

Бальзаминов. Нет, маменька, не оттого, что уменья нет, а оттого, что счастья нет мне ни в чем. Будь счастье, так все бы было, и коляска, и деньги. И с другой невестой то же будет, вот посмотрите. Придет сваха, да такую весточку скажет, что на ногах не устоишь.

Красавина входит.

Да вот она! Вот она!

Бальзаминов и Бальзаминова встают.

Явление девятое

Те же и Красавина.

Бальзаминова. Чем, матушка, обрадуете? Мы тут без вас завяли совсем.

Бальзаминов *(Красавиной).* Погоди, не говори! Я зажмурюсь, все легче будет.

Красавина. Ох, далеко я ехала, насилу доехала. *(Садится.)*

Бальзаминова. Откуда ж это, матушка?

Красавина. Отсюда не видать.

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите!

Красавина. Ехала я селами, городами, темными лесами, частыми кустами, быстрыми реками, крутыми берегами; горлышко пересохло, язык призамялся.

Бальзаминов. Хлопочите, маменька! Хлопочите скорей!

Бальзаминова достает из шкапа водку и закуску и ставит на стол.

Вот, пей, да и говори уж что-нибудь одно.

Бальзаминова *(наливает рюмку).* Кушайте на здоровье!

Красавина. Выпью, куда торопиться-то!

Бальзаминов. Ну, ну, поскорее! А то я умру сейчас, уж у меня под сердце начинает подступать.

Красавина. Ишь ты какой скорый! Куда нам торопиться-то! Над нами не каплет.

Бальзаминов. Что ж она не говорит! Маменька, что ж она не говорит? Батюшки, умираю! Чувствую, что умираю! *(Садится.)*

Красавина. Не умрешь! А и умрешь, так и опять встанешь. *(Берет рюмку.)* Ну, честь имею поздравить! *(Пьет.)*

Бальзаминова. С чем, матушка, с чем?

Красавина. Как с чем! А вот стрелец-то твой подстрелил лебедь белую.

Бальзаминова. Неужли, матушка, вправду? Слышишь, Миша?

Бальзаминов. Говорите, что хотите! Я умер.

Красавина. Много он маху давал, а теперь попал, — под самое под правое крылушко.

Бальзаминова. В последнее-то время, знаете ли, много с нами таких несчастных оборотов было, так уж мы стали очень сумнительны.

Красавина. Да что тут сумлеваться-то! Хоть завтра же свадьба! Так он ей понравился, что говорит: «Сейчас подавай его сюда!» Ну сейчас, говорю, нехорошо, а завтра я тебе его предоставлю. «А чтоб он не сумлевался, так вот снеси ему, говорит, часы золотые!» Вот они! Отличные, после мужа остались. Ну что, ожил теперь?

Бальзаминов *(вскакивает).* Ожил! Ожил! Давай их сюда! *(Берет часы.)* Что ж это, маменька, я вас спрашиваю?

Бальзаминова. Это тебе за долгое твое терпение счастье выходит.

Красавина. А ты помнишь наш уговор? Ты на радостях-то не забудь!

Бальзаминов. Ты просила две?

Красавина. Две.

Бальзаминов. Ну, так вот ты знай же, какой я человек! Маменька, смотрите, какой я человек! Я тебе еще пятьдесят рублей прибавлю.

Красавина. Ишь ты, расщедрился! Ну, да уж нечего с тобой делать, и то деньги.

Бальзаминов. Маменька, уж вы теперь смотрите за мной, как бы со мной чего не сделалось. Батюшки мои! Батюшки мои! *(Прыгает от радости.)* Я теперь точно новый человек стал. Маменька, я теперь не Бальзаминов, я кто-нибудь другой!

Красавина. Давай пляску сочиним на радости!

Бальзаминов. Давай! А вы, маменька, говорили, что я сделать ничего не умею! А ты говорила, что я дурак!

Красавина. Я, брат, и теперь от своих слов не отступлюсь.

Бальзаминова. А ты, Миша, не обижайся! Пословица-то говорит, что «дуракам счастье». Ну, вот нам счастье и вышло. За умом не гонись, лишь бы счастье было. С деньгами-то мы и без ума проживем.

Бальзаминов. Еще бы! На что мне теперь ум? А давеча, маменька, обидно было, — как денег-то нет, да и ума-то нет, говорят. А теперь пускай говорят, что дурак: мне все одно.

Красавина. А то вот еще есть пословица. Ты долго за невестами ходил?

Бальзаминов. Долго.

Красавина. А пословица-то говорит: «За чем пойдешь, то и найдешь».

Бальзаминова. И то, матушка, правда.

Бальзаминов *(Красавиной).* Ну, давай плясать! Становись!

Сваха становится в позу.

